



Вик Росс

# ЖЕРНІОВА

Книга 1

Привычная жизнь юного Бренна разлетается вдребезги. У него отнимают свободу, друзей, близких, превращая в бесправного порха. Но кому помешал ученик кузнеца, — подданный великого Лаара, где все пропитано древней силой Яджу. По чьей воле он должен исчезнуть с лица земли, участвуя в смертельных боях с морскими тварями-убийцами. И кто он на самом деле? Надежды Бренна вновь и вновь сталкиваются с ужасной реальностью. И даже растущий дар Яджу оказывается лишь подспорьем в борьбе со смертью, когда основой выживания становится сила духа и умение держать удар до последнего...

---

---



# Глава 1. День рождения

*Сквид поднимался не спеша.*

*Под бледно-серой склизкой шкурой с синюшными разводами подрагивали мускульные тяжи. На огромной уродливой голове вокруг клюва росли «руки» — мясистые щупальца, толщиной с руку мужчины. Они медленно и противно извивались. Тварь действительно напоминала помесь спрута с кальмаром, но ее размеры и способность убивать, намного превосходили возможности безобидных головоногих моллюсков.*

*— Серьезный хищник, древний, — одобрительно усмехнулся Акулий Хрящ, — и весьма хорош для игр с кортавида-ныряльщиками.*

*Глаза сургача блестели, он явно восхищался монстром.*

*По всей длине щупалец темнели пятна присосок величиной с детскую ладонь, усеянные по краю мелкими острыми зубцами. Между присосками торчали, похожие на когти, роговые крючья. Движения змееобразных рук сквида и безобразная голова вызывали страх и гадливость.*

*За щупальцами на голове торчали два выпуклых тусклых глаза, затянутые мутной пленкой. Один — небольшой, размером с кулак, другой — огромный — с голову ребенка. Чудовищный глаз неожиданно мигнул, выглянув из-под пленки, и уставился прямо в лицо Бренну, наливаясь холодной злобой. Казалось, он сверлит-и-сверлит его своим жутким потусторонним взглядом. В голове сильно задергало — и Бренн с трудом отвел глаза.*

*Завтра Игра Живцов. Завтра — его день рождения... Или день его смерти?*

*Бренн будто снова вернулся в тот день — на девять лет назад, когда потерял все и чудом выжил...*

*Насмешка судьбы? Что она выберет на этот раз?*

*И что выберет он сам.*

*\*\*\**

*— Прекрати пищать, мальчик! Или ты мышь, которой прищемили хвост? — Под сводами узкого коридора раздался раздраженный голос воспитателя Назима. Раздувая узкие ноздри длинного носа, он сверлил взглядом нового питомца Детского Гнезда — пятилетнего мальчишку в окровавленной рубахе со спутанными светлыми волосами и уродливо раздутой щекой и глазом.*

*Плач прервался, перейдя в едва слышное подвывание.*

*— Больно, — Бренн с трудом сдерживал рыдания, боясь коснуться вспухшего багрового века, нависшего над левым глазом, и грубого шва, наложенного на рваную рану, которая через скулу тянулась от виска до угла рта.*

*— Ты обязан терпеть молча. Рану тебе зашили, а ослепнешь ты или нет, известно одному лишь Жизнедателю.*

*Назим вяло приподнял костлявые ладони к потолку, выражая почтение к Светлосияющему.*

*— Мама глаз вылечит...*

*— У тебя нет такой родственницы, мальчик, — повысил голос воспитатель. — Женщина, которую ты звал матерью — злостная преступница, посмеявшая противиться решению Верховного Жреца — великого Скааха. И теперь она получит все, что ей причитается по закону.*

Назим сплюнул на пол. Сидевшая в углу девушка-порха тут же подползла и принялась поспешно стирать плевков краем своей колючей робы.

— Теперь ты собственность Детского гнезда. Будешь плакать или дерзить, тебя живо продадут на рынке, как отпрыска злодейки, и ты станешь презренным порхом. Так что, немедля перестань скулить и отправляйся в кормильню, иначе останешься без вечерней пищи. — Назим ткнул длинным пальцем в проем, за которым виднелась узкая лестница, ведущая в подвал, откуда слышались детские крики и плач.

— И не советую пытаться бежать, мальчик, — добавил воспитатель с угрозой, — иначе пес, стерегущий Гнездо, порвет тебя...

В дальнем конце коридора, у входа неподвижно сидел огромный черный пес с гладкой шерстью и длинной, как у крысы, мордой. Он не сводил с пахнущего кровью и страхом мальчика красных глаз, тяжело дышал и постоянно принюхивался. Так не бывает, не бывает! Бренн трясся от боли и страха, стискивая кулаки и обводя глазом сумрачное помещение с узкими окнами под потолком. Плакать ему запретили, а есть он не мог, так сильно болела разодранная щека. А еще — он ничего не понимал, кроме одного — его маленький уютный мир в один миг был раздавлен чужаком с доброй улыбкой и жестким посохом.

А как здорово начинался сегодняшний день — день его появления на свет.

\*\*\*

— Прекраснейшие госпожи и почтенные господа — жители великого Бхаддуара — столицы нашего королевства! Спешим сюда, спешим и мчимся! Представление циркового театра «Всякая всячина дядюшки Гримара» начинааается! — вопил во все горло бурно жестикулирующий шут в обтрепанном красно-желто-зеленом одеянии и пестром трехрогом колпаке с бубенчиками.

У сцены, обустроенной странствующими комедиантами на площади Сухого дуба, несмотря на утреннее время, толпилась куча народу. К пяти годам Бренн уже отлично знал все улицы, переулки и тупики тех кварталов Грайорда — Нижнего города, что соседствовали с Канавой. Бренн примчался сюда за несколько минут, как только мать выпустила его ладонь, строго-настрога наказав прийти на Рыночную площадь после боя колокола на башне Королевы Маф. Он ловко вскарабкался по стойке фонаря и уперся башмаками в кованые розы, украшающие старинный светильник. Вышло удобно — теперь он прекрасно видел сцену над головами гомонящих зрителей. С беспокойством нашарил под рубахой подарок кузнеца Морая — висевший на шнуре старый морской свисток, с царапинами и вмятинами, но начищенный до огненного сияния. Медь, нагревшись от его кожи, была теплой.

Накануне, пригладив ему непослушные вихры, мать сообщила с лукавой улыбкой, что если завтра — в его День рождения, он хочет пойти с ней за подарком на Рыночную площадь, а заодно посмотреть представление уличных комедиантов, то придется встать рано и помочь ей с уборкой и готовкой в хозяйском доме. Но что такое рано, когда речь идет о таких замечательных вещах, как обещанная игрушка, да еще и бродячий цирк в придачу.

В предрассветных сумерках, зевая во весь рот, Бренн натянул башмаки, почти не жуя, проглотил кусок вчерашней лепешки, и с нетерпением уставился на мать. Сидя перед старым, покрытым черными пятнами, зеркалом, Кьяра пыталась скрепить гребнем пушистые пряди цвета темного меда, отливавшие золотом в свете оплывшей свечи. Без зажженной свечи в доме даже днем было бы темно — в узкий сырой переулок Утопленников свет вообще не просачивался, так тесно прижимались друг к другу убогие лачуги Канавы — самого бедного квартала Грайорда, лежавшего в низине. На улицы Канавы стекала и зимняя

дождевая вода со всех ближайших улиц Нижнего города, и сгнившие отбросы, и сточные воды из дырявых труб... Конечно, потом это все медленно уходило в море за Старым портом, но влажная вонючая духота не уходила из Канавы никогда.

К рассвету они уже были в доме Морая, в просторной кухне, где мать тут же принялась суетиться по хозяйству. По ее указанию Бренн таскал со двора воду по трети огромного ведра, неумело мыл в оловянном тазу посуду, оставшуюся с вечера, пыхтя, молот орехи, давил чеснок и растирал тяжелой ступкой семена фенхеля и кориандра. Требовалось от него одно — делать все быстро, ловко, и очень тихо, чтоб ненароком не разбудить раньше времени хмурого хозяина. Бренну было обидно, что его День рождения начался с утомительной скучной работы. Но мысль, что его помощь окупится сполна, если мать освободится пораньше, бодрила, и он не ныл понапрасну.

Когда мать разрешила ему передохнуть, Бренн уселся на высокий старый табурет возле окна, что выходило на улицу Вишневого дерева, и размышлял о вожделенном подарке — наверняка это будет тот самый бригант, большой и тяжелый, который стоял в лавке игрушечника Ямси, и уже полгода дразнил своими темно-красными парусами местных мальчишек. Пока он мечтал, Кьяра сварила густую фасолевую похлебку с чесноком, орехами, пряными травками, пожарила козий сыр и напекла гору яблочных лепешек, которые особо почитал Якоб — крепкий смешливый подмастерье кузнеца. Якоб таскал Бренна на плечах, втихаря от матери учил его правильно ругаться, драться, курить трубку и петь похабные песенки. Этого было вполне достаточно для воспитания будущего мужчины, полагал Якоб. Правда, большую часть из этого Бренн вполне успешно усваивал, общаясь со сверстниками и старшими обитателями Канавы.

К угрюмому кузнецу — хозяину кузни, крепкого дома и большого рабочего двора, Бренн относился с боязливым уважением, стараясь лишний раз не попадаться на глаза или под руку. Рука у него была тяжелая — это Бренн хорошо прочувствовал на своей шкуре. Первый раз — когда он, не удержав тяжелый молот, который взял без спроса, чудом не отдал себе пальцы на ногах, а второй — когда Морай услышал, как он наругал матери.

Но сегодня случилось невиданное — Морай вдруг снизошел до белобрысого отпрыска своей темнокудрой служанки. Дверь отворилась, и кузнец неспешно вошел в кухню, кивнув присевшей у очага Кьяре. Увидав замершего на табурете Бренна, молча подошел и положил шершавую ладонь ему на загривок. Бренн невольно сжался, чувствуя горячую тяжесть на голой шее и опасаясь получить затрещину.

— Ты вроде хотел такую? — раздался над его макушкой глуховатый голос. Морай пошарил в кармане и перед глазами Бренна засверкала начищенной медью морская дудка-свисток.

— Она, конечно, старая, помятая слегка, — вроде как заоправдывался кузнец, — но зато у нее не три, а четыре разных свиста. Владей, парень.

Бренн онемел и даже не поблагодарил Морая, стискивая в потных пальцах небольшую, но тяжелую, и просто восхитительную штуку, если кто в этом разбирался.

Когда он станет мореходом...

\*\*\*

— Собственными, прям-таки растопыренными от восторга глазами, вы увидите сногшибательные чудесности, потрясающие цирковые номера, страшно потешных клоунов, монструозных, но симпатичных страхолюдов, а также живые картинки из истории древнего Лаара. В целом свете вы не найдете такой умопомрачительной всякой всячины, как в театре

дядюшки Гримара! Поверьте мне, честному Хагану — не найдете в целом свете! — орал в большой медный рупор веселый карлик с длинными светлыми волосами. Он ловко перемещался над толпой на высоких пружинных ходулях. И карлик не врал — здесь было на что посмотреть, что правда, то правда. Кроме самой сцены взгляд привлекали пестрый шатер и большие разукрашенные фургоны за ним.

— Прикройте разинутые рты, господа — не то проглотите пару-тройку мух, когда увидите Воздушную Марибэллу! — вопил карлик.

Воздушная Марибэлла вызывала презрительные усмешки женщин, не ослабевающий интерес у мужчин и дикий хохот мальчишек. Это была невероятная по толщине дама, способная танцевать на кончиках пальцев, удерживая при этом кружку с элем, водруженную на огромный бюст, высоко поднятый лифом и обрамленный кружевными рюшами. Когда толстуха резво подпрыгивала, грациозно приземляясь на прогибавшиеся под ее тяжестью доски, пиво из кружки выплескивалось на шикарную грудь. Мокрое красное, как кровь, платье плотно облегало трясущиеся груди с торчащими сосками, и над площадью повисал довольный рев из десятков плоток, а на пышные округлости танцовщицы сыпался монетный дождь.

Бренн хихикал, но с почтением относился к бюсту Марибэллы, однако гораздо больше ему нравилась тоненькая девушка-змея Лея, которая немислимым образом скручивалась вокруг толстого шеста, одетая лишь в трико из мелкочейистой рыболовной сети, не скрывавшей ни упругих ягодиц, ни маленьких грудей с розовыми, длинными как у козы, сосками. Но больше всего Бренн восхищался двухметровыми братьями-силачами Руни. Они небрежно гнули подковы, монеты и железные пруты, разбивали лбом доски и разрывали на себе цепи. А еще они легко подбрасывали и ловили толстуху Марибэллу — так, что ее пышные юбки задирались, показывая пухлые розовые колени и короткие панталоны в воланчиках.

— Придержите свои глаза, чтоб не выкатились от удивления, а то их живо подберут наши жонглеры — умельцы на все руки и ноги Жуф и Жаф, — заявил карлик, и, как блоха, перепрыгнул на ходулях на свободный пяточок меж людских тел. Тут же на сцену выкатились два потешно одетых лохматых клоуна. Кувыркаясь и крутя колесо, они умудрялись подбрасывать и ловить цыплят и ежей, яблоки и груши, горящие свечки и даже раскаленные угольки.

— А теперь, почтеннейшая публика, в вашу честь и для вашего удовольствия будет исполнен номер, равного которому вы не увидите нигде! Так что, раскошеливайтесь, не стесняйтесь и встречайте — Всеядный Многожор к вашим услугам!

Такого номера Бренн еще не видел ни разу. Из-за сине-звездного занавеса на сцену вышел длинный, вихлястый, как глиста, человек в одних штанах до колен. Его ребра, позвонки и острый кадык торчали, а бледный втянутый живот, казалось, прилип к позвоночнику. Длинные клешастые руки свисали до самых колен.

— Несчастный Многожор, — он всегда уныл и печален, поскольку каждую минуту хочет жрать, — с грустью в голосе сообщил карлик и всхлипнул. И тут же братья-силачи притащили на сцену огромный котел, к которому Многожор жадно протянул свои жилистые длинные руки. С высоты фонаря Бренн видел, как в котле что-то шевелится, извивается, и замер от страха и омерзения.

Человек потянул узким носом, наклонился над котлом и вытащил за хвост живого морского караса. Зрители замерли, вытаращив глаза. А голодный страдалец широко

распахнул огромный беззубый рот с торчащими вперед острыми зубами и стал заталкивать в него карася. Карась был жирный и пролезал в горло с трудом. Многожор сделал глотательное движение, его торчащий кадык дернулся, и Бренн увидел, как раздулась худая шея, когда трепыхавшаяся еда стала протискиваться в пищевод. Из щелястого рта мужика остался торчать хвост, но Многожор, даже не проглотив рыбу до конца, уже алчно шарил в котле.

В толпе визжали женщины, однако и они старались притиснуться поближе к сцене, чтобы рассмотреть все в подробностях. Конечно, зрители понимали, что эти выкрутасы им показывает димед, использующий ядзу, но это нисколько не умаляло интерес к зрелищу. А мужик тем временем, ни капли не давясь, а лишь удовлетворенно рыгая, стал пожирать шипастых скорпен и морских ежей. Его впалый живот на глазах разрастался вширь и вперед, становясь толстым и круглым. Теперь Многожор походил на худую бабу на сносях, но упорно продолжал трапезу, пока не опустел весь котел. Последними он проглотил пару огромных ворсистых ядовитых червей, похожих на сплюснутых сороконожек.

Уфф, — Бренн ерзал на фонаре, передергиваясь от отвращения и восхищения одновременно, а горожане не скупилась на монеты, швыряя их в опустевший котел. Ну, да — все это было здорово, и ему хотелось продолжения, однако в самый разгар представления над городом поплыл хриплый бой башенных часов, и пора было со всех ног мчаться к Рынку. Если опоздает, мать всерьез рассердится, и может несколько дней не выпускать его из дома, а то еще и не купит обещанный игрушечный парусник...

Мать была и нежной, и строгой, учила его считать, читать и писать корявые буквы и цифры. Она упросила Морая, и тот через пару лет обещался пристроить Бренна к делу — а это значит, что ему целыми днями придется помогать в кузне. А в семь лет — его ждала школа. Кьяра постоянно твердила, что это необходимо, если он собирается стать настоящим мореходом, как его отец. Но до того, как ему исполнится тринадцать, и он станет взрослым, много воды утечет, и потому за это время нужно обучиться кузнечному ремеслу, которое его прокормит, случись что.

И что получается? Получается, что ему придется и работать, и учиться, и помогать матери по хозяйству, — что не очень то справедливо и даже обидно! А когда жить?! Когда встречать и провожать огромные корабли в Серебряной гавани, носиться по площадям и улицам прекрасного города... Конечно, дети Канавы рано начинали работать, но никто не тратил драгоценное свободное время на просиживание в душных классах. Во-первых, незачем, а во-вторых — даже в самых бедных школах Нижнего города требовали плату. Правда, откуда у его бедной безмужней матери возьмутся деньги на учебу сына, причем, в одной из лучших школ для простолюдинов Грайорда, пятилетний Бренн не задумывался.

Вопящий карлик вдруг сделал несколько огромных шагов на ходулях, вмиг очутившись рядом с фонарем, за который цеплялся Бренн. Загорелое веселое лицо смеялось. Карлик подмигнул ему ярким голубым глазом, выглядывавшим из-под спутанной челки, пару секунд помолчал, скаля белые зубы, и вдруг тихо сказал:

— Не спеши, мальчиш... Повиси еще малость на своем фонаре, а иначе, чую, уплывет твой красный кораблик!

Бренн почему-то не удивился тому, что незнакомый циркач знает об обещанном подарке — сегодня все казалось волшебным. Но...

— Вовсе даже наоборот! — прокричал он веселому карлику, съезжая по фонарному столбу, — если я не поспешу, мать не купит мне бригант...

Брэнн так торопился, что почти врезался в небольшую толпу у корявого ствола огромного сухого дуба, вокруг которого обвивалась цепь от клетки, где корчилась голая бритая хусра. Похотливо хохоча, несколько подростков и мужиков нацеливали на нее струи мочи, стараясь окатить ее лицо.

— Гадина заразная, чтоб ты сдохла! — вывернув толстые губы, орала лавочница, с яростью тыркая женщину черенком метлы через прутья клетки. Брэнн отвернулся — еще одна невезучая, которую приговорили к позорной смерти за то, что не делала особые уколы в живот от дурных болезней и заразила кого-то из покупателей ее тела. Двое «скорпов», как называли столичных стражей Службы порядка и спокойствия, даже не собирались разгонять толпу, собравшуюся возле клетки, и, посмеиваясь, наблюдали за травлей хусры.

Он бежал по улице Часовщиков, что вела напрямиком к Рынку, когда огромная тень нависла над кварталом, закрыв палящее солнце и подарив желанную прохладу. Прохожие дружно задрали головы, с опаской и неизменным удивлением уставившись в небо. Брэнн замер вместе со всеми, глубоко вдохнув, — ну и денек ему сегодня подарил Жизнедатель. Над Бхаддуаром плыл воздушный корабль империи Энрадд, что лежит далеко на севере за Лютым океаном. Грузовой дирижабль сопровождали орды вопящих чаек. Судно шло довольно низко — его тяжелое брюхо цвета темной меди нависало над башнями и шпилями города, посверкивая на солнце, а гайдропы тянулись за гондолой длинными нитями.

Уже почти год, как над землями Лаара парили эти летучие гиганты, двигаясь по невидимым небесным трактам.... Элмера Милостивая по настоятельному совету супруга — короля Готфрида Красного — завела осторожную дружбу с этой холодной страной, позволив ее удивительным машинам везти грузы над землями Лаара, и торговать как с Лааром, так и с Арианией — южным соседом за Змеиными горами.

Казалось, какое дело могущественному Энрадду до разрешения Владетельницы отсталой страны плыть его небесным судам над ее территориями. Поднимись к облакам, да и лети через леса, долины, ущелья и горные хребты, куда хочешь лети. Однако с огромными дирижаблями то и дело случались разные неприятности — то сгорали они вдруг от удара молнии в чистом небе, то взрывались, как огненные шары, а то исчезали бесследно, если пытались обогнуть Лаар с востока и пролететь над Дивным лесом или Умшигтайскими равнинами. И все это происходило до тех пор, пока между государствами не был заключен Большой торговый Договор.

Конечно, сами лаарцы прекрасно знали, кто стоял за этими «неприятностями» — древний Орден Непорочных, исполнявший волю Элмеры Милостивой, наделенной великим и могучим даром яджу. И хотя владетель прогрессивного Энрадда — император Магнус — ни капли не верил в силу яджу, что тысячелетиями применяли жрецы Лаара, — он, как умный человек, не стал спорить. Император охотно согласился «дружить», активно торговать и помогать югу строить воздушные причалы, которыми изобиловал Север.

И вот тогда за городскими стенами Бхаддуара, недалеко от развилки Юго-Восточного и Прибрежного трактов, начали ровнять огромную площадку, пригнав туда тысячи порхов. Там Красный Король по проекту северных соседей, доработанному в соответствии с условиями и потребностями Лаара, приказал соорудить Небесную Иглу — чудовищно высокую мачту-причал для швартовки воздушных судов. Брэнн видел ее не раз, когда поднимался с матерью по улочкам и лестницам Грайорде к крепостной стене Верхнего города, — именно оттуда Игла была видна во всей красе и грандиозности. Горожане

наблюдали, как причальная мачта растет, и не переставали восхищаться, гордиться и бояться.

Стать бы не просто мореходом, а мореходом небесным, — думал Бренн, прикипев взглядом к дирижаблю, — чтобы плыть по облачным волнам рядом с птицами, увидеть с высоты потаенные уголки страшного Дивного леса и кровожадные племена Умшигтайских равнин, копи Змеиных гор и загадочные острова Тейгу, добраться до Мадалгара и Хибэя, а главное — перелететь Лютый океан и пришвартоваться в таинственном Энрадде, где люди умеют строить воздушные корабли и не верят в могучую ядзу.

— Ублюдок канавочный! Сын вонючей хусры! — гнилое яблоко ударило Бренна между лопаток. Вечный недруг — гнусавый Джок, мордастый девятилетний парень, скалил щербатый рот, корча рожи. Сын богатого мясника презирал всех обитателей Канавы, что понятно, но по каким-то неведомым причинам особенно ненавидел Бренна и обожал охотиться на него со своими двоюродными братьями. Палец невольно потянулся к кончику носа, и он едва успел сдержаться — любимое развлечение Джок заключалось в том, чтобы догнать, схватить жертву и сделать ему «сливку». Пока двое держали Бренна за руки, сын мясника изо всех сил сдавливал ему кончик носа меж костяшек пальцев, наслаждаясь криками и слезами, и обзывал его мать грязными словами. Нос Бренна после такой экзекуции страшно распухал, становясь похожим на багрово-синюю жирную сливу.

Вынужденный недели три ходить с таким явным знаком собственной ничтожности, Бренн до ужаса бесился, мечтая отомстить мясниக்கு сыну за свое унижение и отстоять честь матери...

Только вот не получалось. И не получалось очень долго, пока Бренну не удалось применить один из приемов, которому его обучил кожевенник Вилки — известный в Канаве драчун. Он доходчиво объяснил, что, если ты слаб, мал летами или ростом, ищи уязвимые точки на теле врага ниже пояса. И пока матери не было дома, Бренн усердно тренировался, лягая дряхлый скрипучий топчан. Смешливый Якоб, то и дело наблюдая, как распухает и синееет нос Бренна, тоже поспособствовал, изображая из себя агрессора, которому следовало дать отпор.

И не зря. Пару недель назад «враги» перехватили Бренна, заломив ему руки, а ухмыляющийся Джок уже лениво подходил, пошевеливая толстыми пальцами и готовясь половчее сделать «сливку»... Бренн следил за каждым его движением, дрожа от напряжения и страха, и, подгадав момент, без замаха, но со всей силы вбил носок башмака под яйца гнусавому мяснику. Визг был такой силы, что от неожиданности кузены Джок на миг ослабили хватку, и Бренн, вывернувшись, удрал. Трудно было передать словами то упоение, которое он испытал, поняв, что сможет хоть как-то бороться и иногда даже побеждать.

Сегодня Джок оказался «без свиты» и потому кричал гадости издалека. Кровь знакомо ударила Бренну в голову, но вот затевать драку резона не было. Во-первых, придется гнаться за рослым парнем, и вряд ли получится догнать... Во-вторых, Бренн отлично понимал, что Джок и в одиночку легко выбьет ему все молочные зубы, а в-третьих — перед глазами маячили паруса вожделенного бригаанта. Это главное.

— Жабий хрен тебе в глотку, — сипло заорал Бренн, радуясь, что поблизости нет матери. Подобрал увесистый камень для острастки, харкнул в сторону врага и враскачку — по-моряцки — пошел дальше, сдерживая себя, чтобы не пуститься вприпрыжку, — иначе Джок точно подумает, что он испугался до мокрых штанов.

\*\*\*

Площадь, где под высокими арочными сводами раскинулся огромный рынок и загоны с живностью, гудела, встречая прибывающих воплями зазывал, бранью и спорами, трелями дудок уличных музыкантов, скрипом тележных колес, ржанием, мычанием и пронзительным воем труб городских глашатаев, объявляющих о последних новостях, о предстоящих торгах и казнях, о сбежавших порхах и пойманных урхууд, о случившихся накануне убийствах, изнасилованиях и серьезных кражах. Воздух загустел от острых запахов сыров, трав и зелени, жарящегося на углях мяса, пота, пива и душистого мыла, пряностей, сладких булок и навоза.

Ух! — Бренн замер, наткнувшись взглядом на огромного темно-карего скакуна за крепкой невысокой оградой. Жеребец с горящей на солнце черной гривой косил влажным фиолетовым глазом и раздраженно бил тяжелым копытом. Как замороженный, Бренн подходил ближе, хотя понимал, что зубами зверь может легко прокусить ему голову — также, как он сам только что прокусил сочное яблоко, мимоходом стянутое с лотка.

## Глава 2. Потеря

Сегодня слишком много солнца, — мысли лениво текли в голове Верховного Жреца Непорочных. Глаза, скрытые круглыми очками из драгоценного гиацинта, рассеянно скользят над толпой, замечали, однако, все, что может оказаться важным. Скаах ан Хар мягко ступал по плитам древнего города, ритмично постукивая посохом, будто помечая каждый камень древнего города. Он жадно втягивал в себя будоражащие запахи Гавани, живописавшие всю картину этого энергичного места. Жрец легко мог бы пройти повсюду, закрыв глаза и ориентируясь лишь по оттенкам ароматов — смрадным или благовонным — не важно, и не запнулся бы нигде. Он наслаждался запахами. Это касалось и тех уединенных часов, когда он вкушал дивные блюда, приготовленные строго по его рецептам, или проводил время с юными эфебами, впитывая их свежесть. Он любил детей. Даже младенцы, которых приносили ему в мокрых тряпках, пахли восхитительно, источая присущий им телесный дух невинности, который не могла заглушить даже вонь загаженных пеленок.

Тонкие губы Жреца растянулись в улыбке предвкушения, и лунообразное добродушное лицо покрылось мелкими морщинками удовольствия.

Короткое рыхлое тело прикрывало скромное одеяние из ткани бурого цвета, подпоясанное грубой веревкой, как у служителей некоторых горных храмов, давших обет сурового аскетизма во славу Жизнедателя. Правда под колючей хламидой кожу ласкала сорочка из тончайшего прохладного шелка, а ступни нежились в мягких закрытых сандалиях из кожи новорожденного теленка. Голову Отца Непорочных прикрывала плоская красная шляпа с торчащей тульей и широкими полями. В их тени непросто разглядеть хринг над бровью — узор из пяти черных когтевидных полос — знак Высшего Просветленного Ордена. Но лишь завидев шляпу, жители Бхаддура немедленно отшатывались в стороны, стараясь избежать встречи с одним из самых влиятельных людей в Лааре.

Впереди него, дополнительно распугивая толпу, шли двое широкоплечих эдиров, позади — трое учеников-эфебов, четверо порхов, несущих крытый портшез, и трое стражей за ними. Юные эфебы двигались умело, привычно избегая наступить на тень Жреца — Верховный заклинатель не терпел прикосновений ни к телесной своей оболочке, ни к ее отражениям. Все знали, что если случайно коснуться тени высшего Просветленного или увидеть его отражение хоть в зеркале, хоть в грязной луже, то плач-не-плачь, ничего уже не поделаешь. Результат подобной беспечности порой оказывался не особо страшным — рука отсохнет за день-два, нога переломится, утроба загниет или баба плод скинет. Но случалось, доходило и до тяжелых последствий...

Все на свете бывает, а отчего и почему, ведомо только Светоносному Жизнедателю на небе и Скааху ан Хару на земле — могущественному носителю яджу — искры души Жизнедателя. И конечно — королеве Элмере Милостивой — представительнице древнего генуса, что обладала самой сильной яджу и могла дать укорот даже Верховному Жрецу... Только вот была Милостивая слишком милостивой, и слишком далека от дел земных, насущных. Их королева охотно переложила на широкие плечи своего супруга Готфрида Красного и повелела называть его Королем Лаара, хотя в его крови не водилось ни капли яджу.

Худородные, завидев Отца Непорочных, тут же пятились, кланяясь до земли. Презренные порхи, несущие на плечах портшезы знати, жались к стенам домов, освобождая

путь и рискуя уронить своих господ. А выскородные нобили вели себя как жалкие худородные — прятали глаза и также низко кланялись, что доставляло Жрецу особое удовольствие.

Чуткий нос Скааха ощутил дразнящий запах печеных молодых орехов ниту, крупных с маслянисто-нежной мякотью цвета топленых сливок. Их продавала миловидная торговка с синей лентой в волосах. Увидев небольшую процессию, она, опустив глаза, тут же низко присела в ворохе юбок, почти упав на колени. Жрец остановился и нетерпеливо потянулся к самым большим орехам величиной с младенческий кулачок. Его гибкие пальцы, неожиданно длинные для такого низкорослого полного человека, казалось, не имели костей. Они зависли над плодами и по паучьи перебирали в воздухе, медля с выбором...

— Эти, дитя мое, — тихо сказал Скаах приятным бархатным голосом, так не вязавшимся с его нелепой внешностью, и указал на пять самых крупных и спелых. Девушка покраснела, схватила горячие орехи пальцами, затянутыми в перчатки из дешевого кружева, и, положив их в кулек, свернутый из розовой бумаги, подала важному покупателю, бросив на него короткий робкий взгляд. В Королевском порту уличные торговки занимались своим делом исключительно в белых кружевных перчатках, цена на которые равнялась их недельному заработку. При нарушении этого правила, работницы штрафовались и немедленно изгонялись. Не дожидаясь, пока воспитанник-эфеб швырнет на поднос мелкую монету, жрец вонзил редкие зубы в обжигающе горячую ореховую плоть, ни на миг не ощутив жара.

\*\*\*

При приближении к Невольничьему рынку Скаах почувствовал приятное волнение, начиная покашливать и чаще сглатывать слюну. Войдя в ворота рынка, он вытянул в сторону руку, и один из эфебов привычно и ловко надел ему на кисть тонкую шелковую перчатку.

Около пяти десятков выставленных на продажу детей разного возраста и пола, толпились на невысоком помосте. Щиколотки у тех, что старше четырех лет, опутаны веревками, как у стреноженных лошадей — необходимая мера, поскольку самые шустрые и отчаянные не раз пытались сбегать, теряясь в толпе, а ловить их было хлопотно. Чаще на помост выводили маленьких порхов из дальних провинций Лаара. Сюда приходили покупать белокурых мальчиков из провинции Рхета с раскосыми темными глазами, синекожих, крепких как орехи, малышей Тейгу, рыжеволосых девочек-джаккиек, смуглых, созревших уже к десяти годам, южанок, и худеньких белобрых девочек с полуострова Ильва. Весьма ценились крепкие подростки из сельской местности и выносливые рабы племен Умшигтая.

И здесь же в изобилии были представлены сироты, поскольку согласно Чистому закону, разработанному еще в эпоху Раздора, дети, потерявшие родню, сначала попадали в Детские гнезда, а оттуда — после сортировки — на Рынок порхов, где город продавал их всем желающим. Скаах ан Хар считал Чистый закон особо благоприятным для процветания страны, ибо решал сразу несколько важных задач.

Во-первых, таким образом Лаар приумножал количество порхов — основу бесплатной и неистощимой рабочей силы, во-вторых, освобождал себя от трат на содержание малолетних беспризорников, и в-третьих, на корню вырывал поросль, способную разрастись сорняками и с возрастом превратиться в зловонную и опасную смесь из воров, бандитов, заразных уличных девок и нищих. Кроме того, государство обогащалось, торгуя избыточным приплодом, который охотно приобретали иноземные перекупщики из соседних стран, где ценились маленькие дети. Правда, некоторым из мелких порхов везло, ведь постоянным

покупателем сироток с давних времен являлся Орден Непорочных. Жрецы заботились о несовершеннолетних, отправляя их расти в свои далекие общины, где содержали особые приюты с духовным воспитанием.

Скользя взглядом по детским телам и личикам, Скаах указал подскочившему торговцу на десяток грудных младенцев, пищавших как котята в огромной квадратной корзине. Внимательно рассматривая голых малышей, Жрец подтянул перчатку и вдавил длинный палец в живот пухленькой годовалой девочки с кожей цвета апельсина и фиалковыми глазами. Ребенок захныкал, но Жрец продолжал мять детское тельце, умиротворенно улыбаясь и не обращая внимания на плач. Выражение его глаз было скрыто фиалковыми очками. Одобрительно кивнув, он отвернулся от остальных грудничков, поджав губы.

— Слабые и уродливые, — сухо выразил он неудовольствие торговцу. — Ты обещал добыть что-то редкое...

— Так это ведь товар скоропортящийся, Величайший из Дарующих свет, — затараторил крючконосый работороговец, разведя руками в низком поклоне. — Младенцы мрут как мухи, пока их довезешь... А ведь сколько средств идет, чтобы они выжили — и нянек берем, и козу держим — всю палубу изгадила, стерва рогатая, — захлебываясь слюной, объяснял торговец, спеша задобрить Просветленного.

Казалось, взгляд Жреца жег работороговца через багровые очки, и тот мелко подергивался. Скаах ан Хар прекрасно знал, что некоторых кормящих торговец уже продал, оторвав их от собственных грудников, которые сейчас вопили среди других. И это весьма прибыльно — за две — четыре недели плавания матерей заставляли кормить и своих малюток, и других детей до трех лет. Теперь молодух продали с двойной выгодой, ведь они уже носили в животах ублюдков, зачатых от кого-то из матросни, ежедневно навещавших невольниц. Правда матери еле держались на ногах — орава детей высасывала их досуха, а в перерывах между кормлениями, их пользовала вся команда. Но торговец знал, что делал, когда влил женщинам в глотки бодрящий напиток из какой-то дряни, изготовляемой на островах. Сутки-двое брюхатые порхи продержатся, а потом... потом уже никто не взыщет с него, если товар быстро испортится.

Трясущийся торговец стал заикаться и умолк, избегая глядеть в глухие омуты очков Жреца, и уставился на его хринг — длинные черные «когти», казалось, взбухали, шевелились и багровели. Верховный заклинатель был раздражен, однако его лунообразное лицо оставалось спокойным и доброжелательным, и вот он уже отвернулся, щелкнув пальцами. Мальчишка-эфеб небрежно бросил в корзину мокрого от пота работороговца монеты за приобретенный товар. Через четверть часа золотокожую девочку доставят в особняк Отца Непорочных, что находился рядом с королевским двором в Розстейнар — Верхнем городе.

В целом Скаах был доволен покупкой и собирался расположиться в портшезе, поднятом на плечи порхов, чтобы плыть высоко над суетящейся толпой... Но, неожиданно для себя, свернул в сторону площади Старого рынка, откуда неслись аппетитные ароматы. Он прошелся по кругу, наслаждаясь тишиной, образующейся вокруг него в шумном многоголосье, и уже дал знак порхам опустить портшез, и тут его глаз выцепил нечто привлекательное. Правда Жрец не успел отреагировать, остановить взгляд и поймать картинку, которая на миг коснулась восприятия. Это вызвало у него раздражение и зуд в носу. Он никогда ничего не упускал — время, деньги, людей, удовольствия и события... Резко сделав пару шагов назад, и заставив обескураженных эфебов почти ткнуться ему в спину, Скаах начал медленно поворачивать голову, приносясь, шаря глазами и отыскивая

упущенное.

Вот оно. Жрец задышал быстрее. Загорелый светловолосый мальчишка лет пяти держал в руке надкушенное спелое яблоко, к которому, пофыркивая от удовольствия, тянулся огромный темно-каштановый жеребец. Не отводя глаз от мальчика, Скаах принялся потирать друг о друга потные подушечки пальцев. Тонкий детский профиль на фоне темной блестящей шерсти, светлые волосы, перепутанные ветром с черными прядями конской гривы, пунцовая кожа яблока и белые молочные зубы. Рот Жреца наполнился слюной — как же он любил живописные сцены, пробуждающие аппетит, подобно дразнящим ароматам изысканных яств. Скаах не спеша приблизился к ограде, на которую вскарабкался мальчишка, и втянул ноздрями сплетенные запахи дикого зверя, детского пота, горячей кожи и брызнувшего сока яблока, лопнувшего в зубах жеребца.

Очнувшись, Скаах легко ударил посохом по запястью эдира, поспешившего протянуть руку, чтобы схватить мальчика за шиворот. Ребенок повернулся — у него были «пестрые» глаза — один — чистого синего цвета, другой — ярко-желтый, как светящийся на солнце медовый камень.

Очень интересный экземпляр.

\*\*\*

Быстрый взмах слева и гневный храп жеребца, отвлек Бренна от поглаживания теплого лошадиного лба. Яблоко покатилося по булыжникам старого рынка, и Бренн настороженно уставился на добродушно улыбающегося чужака в красной шляпе, глаза которого прятались за очками цвета запекшейся крови. Взгляд сразу привлек когтистый хринг на бледном выпуклом лбу — ничего себе — Жрец высшего ранга! От человека душно пахло тяжелой сладостью, и Бренн невольно задержал дыхание, уставившись на висящий на шее чужака черный, глухой, без малейшего блеска, камень, оплетенный витками золотой проволоки.

Бренн вспомнил. Храфн тебя сожри — это же Верховный Заклинатель и Отец Непорочных в одном лице! И на глаза ему стараются не попадаться все — от худородного из Нижнего города до нобиля из Розстейнар.

А черный камень, как рассказывали старшие, усиливает его способность чують испускаемую кем-то ядзу.

А еще в Канаве говорили, что Жрец часто покупает детей, чтобы выдрессировать из них преданных слуг и учеников.

А еще ходили слухи похуже — мол, на самом деле, дети нужны Скааху для его ужасного пристрастия — он сдирает с них кожу своими противными, как белые черви, пальцами, и делает из них чучела, собирая жуткую коллекцию. И в его прекрасном и ужасном особняке, что рядом с королевским дворцом Розарде, есть подземные залы, сплошь заполненные чучелами детей из разных земель и стран.

А младенцев Жрец самолично топил в больших стеклянных чанах с синюхой, и они там плавают голые с выпученными глазами.

А еще...

Дожив до пяти, Бренн изо всех сил хотел верить, что такие слухи — лишь увлекательные страшилки, навроде сказок про древнего короля Чарлога, что жрал детей, но сейчас ему вдруг стало зябко на жарком солнце. Чего хочет от него этот человек? Мышцы напряглись — он был готов удирать со всех ног.

Словно догадавшись о его панических мыслях, Скаах вдруг резко прижал Бренна к ограде, вдавив ему в живот наверхие своего посоха, и доброжелательно улыбнулся, отчего

круглое лицо, будто треснув, пошло длинными мелкими морщинками. Но улыбка показалась Бренну оскалом мордастой крысы, оголившей десны с редкими зубами, меж которых застряли кусочки жеванного ореха.

— Не шевелись, мальчик. Мне нужно как следует тебя разглядеть, — проникновенно зазвучал тихий голос, и Бренн замер, невольно вслушиваясь — как странно говорит этот противный человек, будто гладит кожу теплым мехом.

Приблизив круглое лицо и расширив ноздри, чужак вдруг, как собака втянул воздух, обнюхивая Бренна, отчего тот перепугался еще больше.

— Ты ведь хочешь орех? — Жрец протянул ему вкусно пахнущий плод, но его посох продолжал вгрызаться Бренну в живот, прижимая к жесткой изгороди. Жеребец за спиной всхрапнул и толкнул Бренна в плечо, требуя угощения, — это помогло сбросить оцепенение. Прикинувшись дурачком, Бренн кивнул и заканючил:

— Господин... Минрэй... Дяаденька, пустите, ваша палка... мне от нее больно...

Рядом с ухом раздался странный клокочущий смех, будто человек давился... — Палка, — повторил Жрец, обегая взглядом лицо и тело ребенка, — ...какая невинность... — Чужак продолжал улыбаться.

— Назови свое имя, мальчик, имя твоих родителей, скажи, где ты живешь? — Чужак вдруг сам с жадностью откусил орех и снял очки — его круглые выпуклые глаза, темные и холодные, как пыльные камни, вперились в Бренна. Человек провел длинным влажным пальцем по его шее, и мальчик содрогнулся от гадливости.

— Разве ты не хочешь стать моим эфебом — учеником? Я помогу такому славному мальчику, как ты...

— Хочу... — послушно закивал Бренн, пытаясь собрать мысли в кучку, но получалось плохо.

— Замечательно, — одобрительно кивнул Жрец, сжимая ему предплечье, и вдруг больно ущипнул его за щеку, продолжая жевать орех и вдавливать посох в живот. Бренн вскрикнул, его затошнило. Ему было больно, был противен приторный запах и липкие прикосновения. Так щупают скотину и порхов, когда покупают, — мелькнула короткая мысль. Волна нарастающего страха вызвала дрожь.

Пока чужак растирал в пальцах его волосы и продолжал принюхиваться, прикрыв глаза, давление посоха немного ослабло... Сильнее втянув живот, Бренн рыбкой выскользнул из-под «палки» Жреца и спрыгнул в пыль. Резкая боль в виске подсказала, что выдранная прядь волос осталась в цепких пальцах чужака, но это ерунда — главное, он свободен...

— Не спеши, щенок! — Жесткая рука эдира схватила его за шиворот, не давая увернуться, и подтянула вверх.

— Гад, гад! — Вопль Бренна и ругань стража, которому он изо всех сил заехал башмаком по колену, вызвали раздражение Отца Непорочных. Он уже замахнулся посохом, чтобы ударить пытавшегося вырваться мальчишку, когда над изгородью показалась голова разгневанной лошади.

— Ииййяааа! — Истошный вой Жреца разорвал будничные гомон и галдеж, висевший над Старым рынком — жеребец, дотянувшись до Скааха, вонзил длинные зубы в его плечо. Красная шляпа свалилась в пыль, обнажив вытянутый яйцом лысый череп. Ошеломленный телохранитель на миг отвлекся, и это подарило Бренну еще один шанс. Резко дернувшись, он оставил оторванный ворот в кулаке эдира и нырнул в толпу, затерявшись между широкими юбками, бочками, сапогами и тачками.

Он не видел, как Жрец ударил жеребца по лоснящейся шее своим посохом, лишь слышал страшное ржание. Этот крик смертельно раненного животного ожег Бренна не хуже крапивы, и он помчался еще быстрее, пытаясь найти самый короткий путь к лавке Ямси, где ждала мать. И уже не услышал тяжелого глухого звука, с которым огромная голова, отрубленная старым деревянным посохом, ударилась о землю, а замершее, как камень, туловище заливало все вокруг дымящейся кровью, хлещущей из разорванных артерий.

\*\*\*

Бренн бежал, не оглядываясь, огибая прилавки, протискиваясь меж потными горячими телами. Сейчас он домчит до лавки, где его ждет мать, и все страшное кончится. Вот и она. Стройная, светлоглазая горожанка в сером платье со скромным вырезом и вьющимися каштановыми волосами, свободно заплетенными в косы, держала в руках игрушечный бригант с красными парусами, притягивая взгляды проходящих мимо мужчин. Но Кьяра не обращала на них никакого внимания, с беспокойством оглядывая толпу. Увидев бегущего сына, молодая женщина свела темные брови, сделав ему навстречу несколько шагов.

Бац! Подножка!

Бренн кувырком полетел вперед, споткнувшись о чей-то выставленный башмак. Ударился о булыжник, сел, растирая лоб, кривясь от досады и боли, но тут же вскочил, увидав злорадное лицо Гнусавого Джока. Вот урод! Он дернулся было к неприятелю, мечтая разодрать ненавистную рожу, но знакомая безжалостная рука, схватила его за волосы и резко вздернула вверх. Крича во все горло, Бренн забил ногами в воздухе, но мать уже была рядом. Сверкая желтыми кошачьими глазами, она ухватилась за руку эдира, повисая на ней всем телом.

— Пошла вон, хусра, — рывкнул тот, ударив Кьяру кулаком и разбив ей рот. Она упала на спину, ударившись затылком.

— Храфн поганый! — вопил Бренн, дрыгая ногами в воздухе. Продолжая держать беглеца за волосы, эдир вознамерился другой рукой перехватить его за ухо. Изогнувшись, Бренн вцепился в кожаный наруч на предплечье стража, и, подтянувшись, укусил его за твердый, будто деревянный, мизинец. Эдир зарычал, швырнув его на камни, и тут же в воздухе взметнулась цепная плеть. Глухой свист — острая боль прожгла лицо Бренна — зазубренные костяные звенья разорвали щеку. Он надрывно кричал от боли и ужаса, глотая кровь. А эдир уже с яростью хлестал цепью Кьяру, пытавшуюся прикрыть собой сына, нажимая огромной ногой на ее спину и не давая подняться.

Вдруг рука с плетью беспомощно повисла, — рядом, странно покачиваясь с носка на пятку, стоял Верховный Жрец. Багровые стекла очков вперились в захлебывающегося рыданиями окровавленного Бренна. Добродушие сползло с лунообразного лица Непорочного, как змеиная кожа. Его очки скользнули по Кьяре и уперлись в лицо телохранителя. Коричневая кожа охранника стала серой, покрывшись крупными каплями пота. Это было странно — вооруженный верзила пятился от полного низенького человека, ссутулившись и сжавшись, будто желая превратиться в мышь.

— Ты изгадил хороший материал, — холодно сообщил Жрец, раздувая ноздри, — и испортил мое доселе замечательное настроение. — Он с брезгливостью и раздражением перевел взгляд на лицо Бренна, изорванное ударом цепной плети.

— Теперь этот уродец ни на что не годен.

— Женщина, — Скаах развернулся и вдавил посох в ямку на шее Кьяры, отчего та стала задыхаться, — за нападение на стража Непорочных, ты будешь сурово наказана, после чего

тебя продадут, как презренную порху. Твое отродье, — добавил он, не глядя на дрожащего Бренна, — отдадут на воспитание в Детское гнездо.

Дальше Бренн помнил только отдельные фрагменты — отчаянье в глазах матери, которую волок за косы эдир, едкий запах пота из волосатой подмышки телохранителя, который тащил его на широком плече, жестко стиснув ему голову, и ликующее лицо Гнусавого Джока, обхватившего обеими руками его чудесный бригант с красными парусами.

\*\*\*

До Этого Дня у Бренна было всего два больших страха — он боялся здоровенных склизких сороконожек, завезенных в столицу на торговых судах с Тейгу, и, чего уж врать, — боялся гнусавого верзилу Джока с приятелями.

Но к закату Этого Дня в нем разрослись два других, неведомых ранее мерзких чувства — пробирающий до дрожи ужас перед Непорочными и укоренившийся страх превратиться в ничтожного порха. Так же, как в один миг превратилась в порху его мать, рожденная свободной подданная Красного Короля. Вертясь на жесткой постели среди множества других сирот, и глядя, как в зарешеченном окне угасает день, Бренн не мог заснуть, и не только потому, что глаз и щеку разрывала острая дергающая боль, — он страшился увидеть во сне доброе круглое лицо человека в красной шляпе.

До Этого Дня у него было три серьезных больших желания. Он хотел владеть почти настоящим игрушечным парусником, стать знатным мореходом, как его отец, и каждый день съедать по куску сочного медового пирога, который продавали в пекарне на углу. К рассвету следующего дня Бренн возжелал лишь одного — могущества Непорочных. Яджу — это власть. Это возможность покарать врагов и спасти близких, стать сказочно богатым и внушать ужас.

А еще внутри его сердца поселилась ненависть.

## Глава 3. Черные сказки

— Ты прям дикий тсаккур — неплохо так рыло Джоку подправил, — второй раз повторил Дуги, стараясь ободрить Бренна, прижимавшего тряпку к разбитой брови, вспухшей над глазом. Гнусавый Джок опять докопался до него, но сегодня и Бренну удалось пару раз его достать — раз под ложечку, второй раз — снизу в челюсть. Зашло удачно — кровища изо рта текла не слабо, похоже, что мясницкий сын прикусил свой поганый язык. Джок, конечно, отомстит, но это будет потом... И Дуг — молодец, успел подскочить вовремя, когда к противнику прибыло подкрепление в виде двух кузенов.

— Да брось, — отмахнулся Бренн. Он не тешился иллюзиями насчет исхода драки. — Если бы не ты, то все бы вышло так, как хотел Джок — подбить мне оба глаза, чтоб они заплыли и стали одного цвета...

Друзья заржали — разноцветные глаза Бренна — синий и светло-карий, почти желтый, — вызывали неизменный интерес, особенно у молодых дев. В школе его дразнили «разноглазым», но за обиду Бренн это не считал и лишь посмеивался, порой даже откликаясь на прозвище. Дорогу от школы до трактира папаши Мартена можно было с выгодой для себя удлинить, что они ежедневно и делали, используя не короткий путь по лабиринту улиц Грайорде, а спустившись к Серебряной гавани и шагая мимо десятков причалов и длинных пирсов.

Миновали походившее на крепость здание Лаарского Университета, у дверей которого гомонили студиязы, прошли мимо Таможни, склада Зерна и Такелажа.

— Глянь, Дуг, — Бренн развернулся к огромной афише на стене здания Весовой, перед которой что-то бурно обсуждали и махали руками мужики и мальчишки. «Все в Казаросса! В день отдохновения в Аквариуме Казаросса состоится бой великого кортавида-ныряльщика Черного Катрана с исполинской митцекуриной!» — вопила афиша. Они застыли, разглядывая живописную картину, — мускулистый кортавида в красивом кожаном доспехе, наголенниках и наручах, пронзал боевым трезубцем башку здоровенной безобразной акулы-носорога с клювовидным выростом на рыле, а в ее выдвинутых вперед челюстях трепыхался второй боец, по задумке художника оказавшийся жалким неудачником. Из разъявленного в крике рта и выпученных глаз жертвы били фонтаны крови.

— В прошлый раз Катран бился аж с двумя плащеносными — ух и мерзостные твари! — услышал Бренн полный восхищения молодой голос.

— И чо, — пренебрежительно прервал жестикулирующего парня угрюмоватый мужик, судя по исходящему от него запаху, — трудяга кожевенной мастерской. — Дали твоему Катрану в напарники живца неопытного заместо приманки, и пока бедолагу плащеносцы на куски раздирали, ваш непобедимый герой и подсуетился. Только потому и сумел их завалить. Смех, да и только...

Толпа зашумела — мнения разошлись.

— Брехня, наветы злобные! Катран — он великий боец! — орал, весь красный от негодования, студияз, энергично пощипывая за ягодицу жмушующая к нему белошвейку. — Я всегда мечтал стать кортавида, вольнонаемным, конечно... Да отец все мои планы порубал — отправил меня жопу в аудиториях просиживать...

— Придурки вы зеленые, — сплюнул кожевенник, махнув рукой, — все поймете, когда яйца вам оторвут, да тока пришивать поздно будет...

— Может, сходим? — предложил Дуги, — у меня в копилке уж порядочно геллеров набралось, давно ведь не были...

— А давай! — кивнул Бренн, разглядывая сизые змеевидные кишки, красиво выпадавшие из зияющей раны на акульем брюхе, распоротом огромным тесаком...

Не обращая внимания на северный ветер, уносящий тепло из-под парусиновых курток, они устремились к центральной лестнице с длинными низкими ступенями, вливающейся в широкие каменные ярусы набережной, которая тянулась вдоль пристаней Сильфурбэй.

Порт сверкал, ревел, грохотал и звенел. Размеры его были под стать самой столице. На грузовых пристанях скрипели сходни, скрежеща, ворочались колоссальные краны, визжали лебедки, гремели цепи, вздрагивая под тяжестью грузов. Суда без остановки извергали и поглощали товары. Проверяли бумаги таможенники, наблюдая за выгрузкой и погрузкой товара, бранились надсмотрщики, свистели кнуты над спинами порхов, таскавших тяжелые грузы. Рабы и вольнонаемные грузчики взваливали на плечи и спины мешки, ящики, бочонки и торопливо поднимались по трапам, ровными рядами укладывали их возле трюмов.

Бренн думать забыл о Джоке и подбитом глазе — жизнь огромного порта, состоящего на самом деле из двух — Королевского и Старого, полностью захватила его. Он всегда волновался, приближаясь к Сильфурбэй, и судя по блестящим глазам Дуги, его тоже возбуждала горячка и суета, царящая здесь днями, годами и веками.

Прекрасная огромная бухта с бирюзовой водой и серебристыми песками встречала и провожала тысячи судов, столетиями насыщала страну золотом и рабами. Гостей манила великолепием дворцов, сказочными богатствами и древними тайнами, молодых подданных Лаара пьянила мечтами о путешествиях по седым волнам Лютото океана. С началом сезона холодов вода в Сильфурбэй из лазурно-бирюзовой становилась ярко-зеленой, но это не умаляло грандиозности и красоты гавани.

В Королевской части порта хлопали на ветру паруса судов, перевозивших богатых пассажиров, притягивая взгляд роскошью отделки и богатством оснастки. В воздухе вибрировала смесь множества звуков, красок и запахов. Здесь царила вечная многоголосица и гортанный говор, глаз радовали причудливые одежды чужестранцев, ароматы заморских специй и сладкий запах духов, смешанный с солоноватым привкусом морского ветра.

С верхних ярусов набережной, подымавшейся вверх, каменными уступами, доносился шум колесных экипажей, лошадиное ржание, и возбужденное содрогание жизни огромного города. На ступенях внизу, как всегда, суетились разносчики еды, играли в карты, покуривая трубки, матросы, дрались с котами вездесущие чайки.

— Уфф! — оживился Дуги, принюхиваясь к запаху пряного мяса, и свернул к разносчику горячих лепешек. — Жрать хотя... пузо урчит...

— До дома не дойдешь?

— Дойду, но тогда придется спешить... — объяснил Дуги, — а к чему нам спешить?

— Дело говоришь, — согласился Бренн, который вовсе не был против лепешек. Пять часов непрерывных занятий вызывали острое желание набить живот поплотнее.

Уголок рта дернулся, когда он наткнулся взглядом на уборщиц-порх в ошейниках. Бритые головы опущены, тела прикрывают колючие робы без рукавов. Два десятка дрожащих на холодном ветру женщин большими щетками скребли каменные ступени набережной под пристальным вниманием надзирателя. Еще десяток таскали деревянные ведра с водой. Их покрасневшие руки и ноги были покрыты ссадинами, язвами и синяками.

Бренн отвел глаза, поспешив догнать Дуги, который уже энергично жевал, откусывая по очереди от двух лепешек. Разносчиком оказался верзила Сирос — помощник булочника из пекарни, что на углу Кривой ноги и Вишневого дерева.

— Прибыльного дня, — рассеянно кивнул Бренн знакомцу, — лепешку с острым сыром возьму.

Мордатый парень раздвинул в ехидной улыбке блестящие от масла губы и смахнул монету в широкий карман на переднике. — Никак проголодался, школяр, полдня ничего не делавши... Вот уж достался Мораю ученичок... — хмыкнул он, — ну прям чистый дармоед.

Пекарь прищурился, увидев злость на лице Бренна. — А что, — скажешь не так? — ты пахать должен день и ночь, а сидишь у него на шее, как нарост на дереве...

Настроение тотчас пропало — Сирос, наверняка, натреплет Мораю, что он после школы шляется с Дуги в порту вместо того, чтобы в поте лица помогать в кузне.

— Мы, уважаемый, с самого с ранья над книжками потеем... — возразил Дуги, примериваясь к следующей лепешке, — а это тяжкий труд, — высказался он, тряхнув за лямку увесистый заплечный мешок с учебниками.

— Вот-вот, я и говорю, груши хреном околачивать — тяжкий труд... — опять прищурил мелкие глазки Сирос.

— А то! — несколько не разозлился Дуги, — это ж не всякому мозги хватит, чтоб школу осилить... Вот и идут бедолаги тупорылые тесто у печи месить, да лепешки нам продавать... — Он нарочито презрительно глянул на поджавшего толстые губы Сироса.

— Да и правда, какого храфна мне эта школа сдалась, — пробормотал Бренн, когда они отошли от пекаря, — ведь прав этот говнюк Сирос, — мне одиннадцать, давно пора долг отрабатывать, а не в школе торчать, как малолетке. Морай меня с пяти лет на себе тянет, а у него своих племянников в провинции куча — мог бы им больше помогать...

Настроение у Бренна совсем испортилось, когда потянулись пристани, к которым причаливали пузатые суда работорговцев.

— Ну чего ты опять на них уставился? — дернул его за рукав Дуги. — Не рви себе душу, — не может быть среди них твоей матери, сам знаешь... — заявил не склонный к деликатности приятель. Он и не пытался скрывать, что он понимает, почему Бренн каждый раз замедляет шаг у этих пристаней. Дуги считал, что гораздо легче немедля обсудить то, что гложет, а не таить в себе, потихоньку изнывая.

— Ты как Морай, он тоже не верит, что ее можно найти, — вяло отозвался Бренн. Все это Дуги уже слышал не раз и не два, но никогда не прерывал его, полагая, что в разговорах беды и обиды переживаются легче. Опекун Бренна был убежден, что разыскивать Кьяру, проданную невесть куда и кому, — напрасная трата сил, денег и времени. Но выкорчевать пустые фантазии из головы приемыша не получалось, и время от времени, тот снова и снова возвращался к одному и тому же разговору, надоевшему кузнецу хуже горькой редьки.

— Много лет прошло... понятно, что он так думает, — в который раз пытался оправдать Дуги мастера Морая.

— Шесть...

Бренн непроизвольно провел пальцем по широкому, светлеющему на загорелой коже шраму, который от виска пересекал бровь, спускаясь по скуле к краю губы. За эти годы грубый рубец, благодаря зельям старой Ойхе — прабабки Дуги, почти рассосался, и не бросался в глаза. Он лишь подтягивал уголок рта, и потому казалось, будто с лица Бренна не сходит едва заметная усмешка.

— Да ты что, Дуг, — я Морая ни разу не вию, — Бренн решительно качнул головой, — он сделал больше, чем мог... Если б по горячим следам искать начали... — продолжил он, — а так... Морай ведь в то утро, после того, как мне дудку моряцкую подарил, в Раннис на неделю уехал, к сестре с племянниками. Вернулся — про мать везде спрашивал. Но узнал только, что ее или продали, или на Острова увезли.

Он вздохнул: — Хорошо хоть меня в Гнезде отыскал — добрые люди подсказали. А иначе, хрен бы мы с тобой тут на кораблики любовались — сдох бы я, как щен, в этом приюте... Или еще хуже — продали бы меня детолюбам в Байю — жопой свой хлеб отрабатывать.

— На Блаженные Острова? — переспросил Дуги, замедлив шаг. — Ты вроде раньше не поминал про Острова...

— Да без разницы...

Бренн понимал, что все его надежды призрачны. На Блаженные острова попадали воры, никому не нужные калеки, бездомные старики, старые хусры да гнилые уроды, которых помиловали и позволили доживать, как сумеют. Шесть лет... — курям понятно — не продержится там столько времени молодая красивая женщина.

— Неужто никто не возвращался с Островов? Неужто за деньги нельзя выкупить осужденного? — дожевывая лепешку, спросил Дуги.

— Ты слыхал о таком? — посмотрел ему в глаза Бренн, — я вот — нет.

— Да потому что мы не спрашивали! — уверенно заявил Дуги, тряхнув кудрявой головой. — Надо просто все разузнать и по плану делать, — он начал обстоятельно излагать свои соображения, — скопить денег, наняться матросом на судно, которое к Островам ходит, и поискать там... среди прочих... Подмаслить кого надо, само собой... А когда мать отыщешь — выкупишь. Уверен — такое разрешается, просто надо с толком к делу подойти.

Дуги принялся энергично строить планы. — Ясен пень, в пути на Острова могут деньги отжать, дело не хитрое... и потому надо все хорошенько обдумать. Но, если ты решишь, то и я с тобой отправлюсь...

Бренн хмыкнул, но признательно глянул на друга. Никуда Дуг с ним не отправится, дураку понятно. Никогда папаша Мартен непустит его на Острова, а мамаша начнет голосить так, что башка треснет. И все же, Дуги — замечательный. Хвастун, правда, каких поискать, но зато здоровяк и в драке хорош, несмотря на свой солидный вес. Да и это неважно — пусть бы он последним хилаком был...

Бренн давно понял, что дружба, — не приятельство, а настоящая дружба — встречается гораздо реже, чем воспеваемая песнопевцами и стихоплетами любовь. Да и есть ли она... Якоб всегда говорил, что никакой любви нету, а есть просто похоть. Надоела девка — прошло вожделение, или на новую девку перепрыгнуло, и все — кончилась, растаяла эта самая любовь, как дым из трубки.

Ну, да — прав Якоб. Вот дружба — она не зависит от похоти. Она — как скала среди бешеных волн, не то, что ненадежная любовь, о которой девы-дуры мечтают, — именно так он однажды заявил за ужином. Якоб, тот заржал, скаля крепкие зубы, и одобрительно кивнул, хлопнув Бренна по спине. Кухарка Лотта возмущенно задышала, с укором глядя на подмастерье. А вот опекун усмехнулся и ответил, что у дружбы просто другие подводные камни, и что она также легко рушится, как и другие связи меж людьми, под напором зависти и предательства.

— А школа... — продолжал свои размышления Дуги, — и с чего ты сейчас вдруг

завелся? — через месяц распрощаемся с ней навсегда и свободны, как ветер. И вообще, ты ж сам не раз говорил, — мать хотела, чтоб ты учился...

— Говорил, — рассеянно ответил Бренн. — Мне, если честно, нравится... геометрия там, астрономия... история Лаара тоже... Только к чему все это... если мне суждено кузнецом стать, — невесело подтвердил он давно известное.

— Ты лоцманом станешь, или шхипером, — уверенно заявил Дуг, — вот погоди, отдохнешь от учебы пару лет, освоишь ремесло, да и поступишь в лоцманскую школу в тринадцать, — там и счет, и астрономия, понятное дело, пригодятся... они ведь важны в мореходстве...

— Пустое все это, — мотнул головой Бренн, отвергая доводы приятеля, — да и Морай против будет — зря что-ли он столько времени на меня потратил, чтоб кузнечному делу обучить. Он же мог ученика взять за плату — сколько б прибýtка поимел за эти годы, а он со мной возился... Прав говнюк Сирос, прав... как ни крути.

— Не будет Морай против, — неожиданно заявил Дуги.

— С чего вдруг?

— А за тебя я кузнецом буду. Механиком... А, может даже знатным оружейником, — невозмутимо обрисовал тот свои планы на жизнь.

— Ты губу то закатай, Дуг, — Бренн даже не знал, как реагировать на такие планы. Да, Дуги терся в кузне уже несколько лет, глаз не спуская с Морая и его помощников, когда те колдовали над очередной хозяйственной приспособой, дверным замком, сложным заказом по железному делу, ковали зубчатые колеса либо ворожили над кинжалом тонкой работы. И хмурый кузнец не гнал дружка своего приемыша, терпеливо показывая разные способыковки, закалки и отжига. И постепенно открывалось удивительное — сын потомственного трактирщика родился с даром кузнеца — у наковальни не слишком проворный Дуги преобразался, становясь умелым и толковым учеником. Признавая это, Бренн ни капли не ревновал к способностям приятеля и вниманию к нему опекуна...

Но чтоб папаша Мартен позволил младшему сыну заниматься кузнечным ремеслом — смешно. Бренн покосился железное витое колечко в мочке уха приятеля, ну очень похожее на серьгу Морая. Да уж — Дуги умел озадачить.

— Ладно, будь, — кивнул Бренн, не желая развеивать грезы отпрыска семейства Ри. Жизнь, она сама все по местам расставит.

Они спустились ниже, перейдя на территорию Старого порта, где стружали грубый товар — доски, камень, красители, железо, олово, медь, соль, свечное дерево, кожи. Дальше шли строительные верфи, доки для ремонта подводной части судна, и склады, тянувшиеся до самой Канавы, где стоял навязчивый запах рыбы, дыма, пеньки, гнилых водорослей, потных тел, смолы и дешевой синюхи. Хлынувший ливень застал их уже на подъеме к «Пьяной русалке». Жирные черные тучи нависли над Бхаддуаром, стемнело и похолодало.

\*\*\*

Порх Дрифа, стоявший возле распахнутых дверей Пьяной русалки, неуклюже поклонился сыну хозяина и его приятелю и даже сумел изобразить улыбку. Она получилась кривой из-за уродливо вспухшей щеки, которую он бестолково прикрывал грязной тряпицей. У Дрифы уже пару дней болел зуб, и великан утешался, прижимаясь щекой к огромным торчащим грудям русалки, вырезанной из дерева и установленной для заманухи еще прадедом Дуги.

— Мы с тобой похожи, как братья, Дрифа, — засмеялся Бренн, глядя снизу вверх на

порха и показывая свой заплывший глаз, — гляди-ка, у нас обоих морды опухли!

Дрифа замычал, кивая лысой шишковатой головой и поворачиваясь вслед за мальчиками, которые направились напрямиком к дверям кухни.

— Про черную карету. Про черную карету, — афи, ты обещала... — сквозь звяканье посуды и грохот сковородок слышал Бренн нытье малышки Герды, входя в просторное помещение.

— Опять в порт таскались? — развернулась к ним мать Дуги, умудряясь следить за двумя кухарками, которые усердно раскатывали тонкое тесто. — Зря ты отца бесишь, Дуг, он весь прям рвет и мечет, а ты где-то шляешься после школы. Да и тебя Якоб искал, — с упреком глянула тетушка Улла на Бренна, и недовольно поджала пухлые губы, увидав его разбитую бровь. Но раздражение несколько не испортило добродушное широкое лицо, испачканное мукой.

Две молоденькие служанки, вбежавшие в кухню, подхватили тяжелые подносы, груженные мисками с тушеной фасолью и сливами и вновь скрылись за качающимися створками старой маятниковой двери. Бабушка Ойхе, сидевшая в таком же, как она сама, дряхлом кресле, растянула губы в беззубой улыбке:

— погоди, Улла, браниться, пусть поедят для начала, а потом и разбегутся по делам... Успеется...

Прабабка Дуги нравилась Бренну, несмотря на постоянное ворчание и едкий язык. Она всегда заступалась за него, хотя по делу могла и хорошенько выругать. Ему нравилось слушать ее страшные сказки и истории о давних временах. Но особый интерес и уважение вызывало то, что старуха была самым настоящим *димедом*. Ойхе обладала искрой Жизнедателя, и это подтверждал маленький хринг на ее виске — *черное козье копытце*. Больше полувека назад, после пристрастной проверки на гниль Орден Непорочных выдал шустрой молодой кухарке статус димеда и разрешение использовать яджу в быту. С тех пор все блюда, приготовленные в «Русалке» под ее нашептывания, приобретали особый вкус, манящий аромат и сочность. И потому родовая таверна семейства Ри даже в непростые времена всегда была набита посетителями. За такие способности папаша Мартен терпел вредный характер бабки своей супруги, стараясь не раздражать беззубый источник своего благосостояния.

— В темные ночи... — поощрительно подсказал Дуги прабабке и уселся поближе к чугунку, от которого исходил сытный запах бараньей похлебки с мятой и чесноком.

Все уже несколько раз слышали от Ойхе эту легенду Бхаддуара, но всякий раз она обрастала новыми душераздирающими подробностями, и потому не надоедала. Барабанивший за окном зимний ливень добавлял уюта большому помещению. От дровяной печи, где румянились сырны пироги, и большого очага, в котором запекались жирные индюшки, шли волны вкусного умиротворяющего тепла.

— Так вот, — в самые темные, самые глухие ночи, какие случаются пред рождением месяца, когда на небе пусто и черно, как в пересохшем колодце, в переулках Канавы появлялась большая черная повозка без единого окошка, о двух черных лошадях с горбатым кучером да двумя стражами, лица которых были закрыты белыми масками. Бледными, как лица у покойников. И все жители Нижнего города, кому Светлосияющий подарил деток, дрожали в эти ночи, ведь никто не знал, у какого дома повозка остановится. Все боялись даже глянуть в окно или посмотреть в дверную щелку, ведь ничегошеньки в кромешной тьме не было видно... кроме бледных ликов стражей с черными дырами вместо глаз, да черной

щелью вместо рта. И только слышен был стук копыт, скрип колес да всхрап коней...

— Да как же ничего не видно, афи, ведь масляные фонари даже в Канаве помаленьку, да светятся? — с доброй усмешкой подколот прабабку Пепин — старший брат Дуги, которому папаша Мартен намеревался в глубокой старости передать бразды правления своим делом.

— Тихо ты, — прошипела хорошенькая Мелена, тряхнув темными кудрями, перевитыми красными лентами, — в Канаве-то поди и ночью захудалого факела не сыщешь... Правда, Бренни? — Она зло улыбнулась, не упуская возможность задеть его, — понимала, что ему не слишком приятно слышать про Канаву.

— В том и скверность, Пепин, в том и жуть, — ответила старушка внуку, перебив Мелену, — что в те ночи, когда тряслась по бульжникам черная повозка, то все огни и фонари в Нижнем городе гасли. А направлял лошадей горбатый кучер напрямик к тому дому, где на двери знак нацарапан...

— Какой знак, афи? — подалась вперед Герда.

— А знак сей на острые козыи рога похожий, — ответила Ойхе, расчесывая костяным гребнем вьющиеся волосы правнучки.

— А чего ж эту метку не стереть иль сажей не замазать было? — ехидно поинтересовалась Мелена, — вот уж народ бестолковый...

— Одна ты у нас толковая, — устало заметила Улла, ловко ставя противни с мясными пирогами в двухъярусную сводчатую печь.

— Дак простой человек, сказывали, мог увидеть метку только в лунном свете, — продолжила свой тягучий рассказ Ойхе, — а в ночи пред новорожденной луной, когда небо спит беспробудно, никто не мог ее разглядеть, а потому и стереть не получалось...

— А кто же, афи, дом то метил, — срывающимся голосом спросила Герда, прижимаясь к коленям старой женщины.

— Урхуды — сподручники тьмы, птичка моя, жрецы гнилой яджу, кои служили кровожадному королю Чарлагу, да не будет ему жизни после смерти, — подняла бабка морщинистую ладонь к закопченному потолку.

— Бабушка Ойхе, — обратился к ней Бренн, дуя на пальцы, обожженные горячей лепешкой, — а правду говорят, что Чарлага его дочка погубила? — Он прекрасно знал историю Лаара, но слушать рассказы старой Ойхе доставляло ему удовольствие не меньше, чем в детстве.

— Ну а то как же, — протянула бабка, — уж боле пяти веков пролетело-проскрипело, когда против урхуда Чарлага восстала его безвинная дочь принцесса Маф, носительница светлой яджу. А поддержал ее родной дядька — непорочный брат-близнец Чарлага — светлосильный Вермунд. Да и после смерти Чарлага еще сто лет сражалась Маф с гнилыми жрецами, зараженными скверной. И победила их светлой силой, ну, не без помощи, конечно, чародейского камня Шуулун Зэ, что тыщи лет назад отыскали в копиях Змеиных гор.

Бренн вздохнул и снова принялся за лепешку. Учитель по истории Лаара рассказывал, что Чарлаг и Вермунд принадлежали древнему генусу Сарэй, представители которого обладали самой мощной яджу и правили Лааром с начала времен. После того, как в эпоху Раздора отважный Вермунд поразил своего брата-злодея, спасая племянницу, черные жрецы все же сумели погубить его — отравили ужасным ядом и извели всю семью и родню под корень. Но пресветлая Маф отомстила за любимого дядю, истребив скверну и жрецов-урхуд. С тех самых пор, что зовется эпохой Рассвета, камень Шуулун Зэ хранится в покоях каждой новой владетельницы Лаара. С помощью него и светлой яджу, текущей в ее жилах, нынешняя

королева Элмера Милостивая держит в своих нежных ручках даже Орден Непорочных, но всегда послушна своему любимому супругу Красному Королю Готфриду. Мудрая женщина.

— А вот интересно, афи, откуда ж тогда гнилые уроды берутся, если всех черных жрецов еще тогда перебили? — спросил Пепин, задав один из вопросов, которые давно крутились на языке Бренна. Он с нетерпением ждал ответа бабки.

— Так людей извести можно, а кровь их гнилая, отравленная скверной ядзу, разошлась по миру через родню да внебрачных отпрысков. Вот потому Непорочные и стараются всех их потомков сыскать и среди благородных, и среди худородных, чтобы не дать им вредить добрым людям...

Ойхе пожевала губами и добавила, понизив голос до шепота: — Но и они, конечно, могут ошибаться.... Даа... Помню, было мне тогда лет уж... да, деда вашего, своего первенца Калдера, я как раз от груди отлучала, значит, ему было года четыре, а мне, стало-быть, годов восемнадцать. Так вот мою подружку-ровесницу обвинили в гнили по доносу соседней злобных, схватили прямо посреди ночи в одной рубашке и поволокли на суд Ядзу. — Бабка задумалась, глядя затуманившимися глазами, на огонь.

— И что с ней сделали, афи, — окликнула ее Мелена, и Ойхе вздрогнула, будто очнувшись от тяжелого сна. — Что с твоей подружкой сделали? Отпустили ее? Ошиблись жрецы?

— Ошиблись, — эхом повторила бабка. — Сварили живой в масле на площади Искупления... — Ойхе прикрыла глаза...

— Значит, не ошиблись! — воскликнула Мелена, и глаза ее заблестели, — Непорочные никогда не ошибаются — значит, твоя подружка на самом деле была гнилая урхуд! — девушка облизала красные пухлые губы. — И значит, за дело ее сварили...

— Балбеска ты, Мелена! — оборвала ее старуха, нахмурившись, — чистая она была, как заря весенняя, — ошиблись жрецы!

— Бабушка Ойхе, — ты дальше-дальше рассказывай... — поторопил ее Бренн, стараясь отвлечь от тяжелых воспоминаний.

— Ну, да... Так вот, метку эту днем простым людям не увидеть было никак... Ночью тож — хоть при пузатой луне, хоть при месяце — не разглядеть. И только в свете звезд, когда они наливаются полной силой, до того, как угаснуть пред утренними сумерками, этот знак баальника обычному человеку показывается... А вот приспешники Чарлага завсегда его разглядеть могли.

— И чего значила эта метка, — Дуги сдвинулся вместе с миской поближе к лепешкам.

— Метку ставили на дверь дома, где росло здоровенькое да красивое дитячко...

— Такое же красивенькое, как твой дружок, Дуги... — затряслась Мелена от смеха, мазнув глазами по шраму на скуле Бренна.

— Да хва язвить, — толкнул в спину сестру Дуги, — не мешай...

Бренн не особо парился по поводу насмешек сестры Дуга. Во-первых, благодаря умению Морая и старой Ойхе, рана на щеке, распоротой костяной плетью, затянулась быстро, выпуклый рубец разгладился, и теперь от него остался лишь бледный след на загорелой коже. А во-вторых, известно, — мужика шрамы только красят, в чем он не раз убеждался, ловя на себе зазывные взгляды бесстыжих молоденьких горожанок. Понятное дело, Бренна девы пока не интересовали. Не то что корабли. Вот через два года, когда им с Дуги будут доступны все Веселые Дома в Бхаддуаре, посмотрим...

Все затихли, и сразу стало слышно, как поет в печи огонь и гудит за окном колючий

ветер. Гроза разразилась знатная.

— Ни засовы, ни замки не могли остановить слуг Чарлага, все двери распахивались перед ними, и они, вступая в дом, сразу вырывали из рук матери несчастного младенчика. А коли дитя пытались спрятать — в сундуке иль в корзине с углем, в бочке ли, под кроватью иль на чердаке, то всегда находили. Будто чуяли ребячий дух...

— А к чему Чарлагу дети? — напряженно спросила Мелена, — что он с ними делал? Ты раньше никогда не рассказывала об этом, афи...

— Он их жрал! Жрааал! — заорал Дуги, хватая сестру за локоть и оскаливая зубы. Мелена завизжала, опрокинула кружку с чаем — запахло медовой травой — шлепнула Дуги по затылку, и он быстро переместился на другую сторону стола, поближе к Бренну.

— Правда что-ли? — Мелена с недоверием смотрела на бабку.

— Может и нет, — вроде как успокоила их старая Ойхе, одной рукой поглаживая кудряшки Герды, а другой — шерстку одноухого кота. — А может... Урхуд — он и есть урхуд.

Глаза у маленькой Герды стали круглыми от страха.

— Ходили промеж людей разговоры, что творил Чарлаг страшные злодеяния на потребу черному богу Каниба и его прислужникам храфнам. Деток зверски мучил, чтобы они сильнее плакали, и собирал их слезки. Ведь невинная кровь и слезы — слаще меда для гнилого бога Тьмы. А за это Каниба одаривал короля целыми океанами гнилой яджу. Вот потому Чарлаг любое чернодействие мог сотворить, и противостоять ему было некому. Кроме дочери его Маф.

— А почему ему только здорового и красивого ребеночка искали? — продолжала допытываться Мелена, накручивая на палец темный локон.

— Чего ж тут непонятного — коли для житейских нужд гнилое чародейство творят, тогда сгодится и птенец, и щенок, и кошка драная, — махнула рукой Ойхе, — а для важных дел, треба на особые жертвы. Во дворец Розаарде в те времена прямо с Рынка сотнями гнали маленьких порхов, но Чарлагу все было мало, и потому никто не мог скрыть от него своих малюток. Когда я малая была, старые люди говорили, что ихние прадеды им сказывали, о том, что мол стражники в подземельях, где деток держали, ум теряли навсегда, день и ночь слушая крики и слыша запах крови.

Бренну стало не по себе... Хотя он не раз слышал от Ойхе эту легенду, но сегодня, когда речь зашла про то, что творил король Чарлаг с детьми, вдруг ожил его давний страх перед Непорочными. Чарлаг в его воображении вдруг стал похож на Верховного Жреца... о котором Бренн боялся думать. Хотя на картинках в тяжелом, как кирпич, учебнике Истории Чарлаг был совсем другим — высоким, могучим и красивым, с гривой ярко-светлых волос и пронзительными синими глазами...

## Глава 4. Пробуждение ядзу

— Если все это было давным-давно, афи, — вскинулась Мелена, — то почему Непорочные до сих пор младенцев на рынке покупают?

Бренн напрягся, и сытная лепешка вдруг показалась совсем невкусной.

— И я слышал, — зеленщица Ярмина говорила, что самолично видела, как Верховный Жрец детей на рынке выбирает, — добавил Пепин с набитым ртом, — да и не одна она...

— Может Главный жрец только притворяется хорошим и добрым, а по настоящему — он гнилой урхуд и взаправду ест маленьких девочек? — раздался дрожащий голосок Герды.

Загремела упавшая из рук Уллы поварешка. — А ну-ка все рты позакрывали, убогие! — возмущенно завопила она, развернувшись всем полным телом к бабке и отпрыскам. — Иль хотите в Узилище попасть и сгинуть там! — голос Уллы набирал силу. Она с упреком покачала головой, глядя на Ойхе: — Ты, афи, говори-говори, да не заговаривайся!

Раскрасневшись от праведного гнева, Улла разом подхватила шесть кружек черного эля и вышла из кухни. Все прыснули смешками, но Бренн не смеялся.

— Ты чего это побледнел, Бренни, неужто забоялся... — хихикнула Мелена. — Тебе-то чего трястись, — она опять глянула не его шрам. — Ни Чарлаг, ни Верховный жрец ни за что бы тебя не забрали — такого пестроглазого и с таким порченным личиком...

Обычно Бренн не особо обращал внимание на подколки Мелены — язык у той был без костей. Но сейчас в животе что-то сжалось.

— Ну и что, — пискнула Герда, отважно вступаясь за него перед сестрой, — Бренн очень даже красивый — и глаза у него разноцветные — один голубой, как вода в ручье, а другой желтый, как у нашего старшего кота...

— Да еще и заплыл! — с торжеством перебила ее Мелена, — небось фингал опять от Джока-мясника заработал, — девушка расхохоталась, — раньше с лиловым носом ходил, а теперь — с лиловым глазом...

Последнее слово, как всегда, осталось за ней. Она проворно увернулась от подзатыльника Пепина и помчалась к открытой двери кухни, на бегу схватив кусок пирога. Бренн со злостью посмотрел ей в спину, обтянутую красным платьем, чувствуя, как что-то горячее, едкое поднимается изнутри, подкатывая к горлу. Время замерло, как стоячая вода. Ливень за окном стих, улыбки на лицах застыли. Воздух задрожал и зазвенел натянутой струной. Но тут к злости примешался всполох сильного страха, и Бренн с трудом перевел взгляд со спины Мелены на пивную кружку папаши Мартена, стоявшую у края стола. И в миг жаркая, пахнувшая раскаленным металлом, струя выплеснулась у него из горла, обжигая язык и губы. Тяжелая кружка подпрыгнула и, грохнувшись на каменные плитки, раскололась, заливая пол темным элем.

Миг — и время снова вернулось в свои берега. Мелена с визгом скрылась за углом, а ему сразу стало легко. Грудь заполнил прохладный воздух и веселая злость. Это же... Как же это? Не может быть...

Дуги и Пепин зафыркали, решив, что Мелена просто задела любимую отцову кружку, и теперь ей нагорит и от него, и от матери, но не заметили ничего странного, занятые дележкой большого рыбного пирога с яйцами. И только маленькая Герда во все глаза смотрела на Бренна. Старая Ойхе строго прикрикнула на внуков, замахнувшись узловатой, потемневшей от времени клюкой: — Ну-ка, кыш все с кухни, неслухи!

Потом сердито посмотрела на Бренна черными блестящими глазами и велела: — А ты, разбойник белобрысый, останься!

Бренн остановился, не удивившись приказу бабки. Понятное дело — порядок наводить заставит. Его почему-то затошнило, язык драло, как бывает, когда обожжешься кипятком. Стало сильно зудеть плечо. Бренн потянулся почесать и нащупал болезненный отек — узор из черно-красных спиралей, который был у него с рождения и никогда раньше не беспокоил, почему-то вспух.

Подождав, пока мальчики, хихикая, покинули кухню, старая Ойхе, сунув в ладошку Герды красного леденцового петуха, нашаренного в переднем кармане, легонько подтолкнула ее к дверям: — Поди, поди поиграйся, птичка моя...

Бабка взяла в рот истертый мундштук старой трубки, не спеша поднесла огонек.

— А вот теперь — как разбил, так и собери! — сурово приказала старуха, пыхнув трубкой. Это было справедливо. Бренн нагнулся, чтобы подобрать черепки, но бабка вдруг чувствительно ударила его по запястью концом клюки и прошептала, сверля темным взглядом: — Не тяни руки-то, не тяни. Так все делай. Сам!

Он вскрикнул, сжав пальцы в кулак, ведь Ойхе ни разу в жизни на него не замахивалась. От неожиданности, боли и обиды под ложечкой опять зажгло. Старуха глубоко затянулась, расслабилась, но неотрывно наблюдала за ним из-под полуприкрытых морщинистых век. — Ну давай, поднатужься...

Шмыгнув носом, Бренн исподлобья смотрел на осколки, потирая ноющие пальцы. Он злился на эти осколки, валяющиеся в липкой луже пива. На этот раз едкая невидимая сила не язвила горло, но бродила где-то внутри, распирая грудь сильнее и сильнее. Напряжение нарастало — будто он глубоко нырнул, и не мог ни вдохнуть, ни выдохнуть. Тишина давила на уши, как под водой, — даже пламя в печи замерло и перестало шептать. Запахи исчезли. Он задыхался, жжение усилилось, и когда в глазах уже стало темнеть, из горла будто выбило пробку — он выдохнул то, что копилось внутри, затем судорожно сделал вдох. Но время не все также не двигалось — тишина уплотнилась, а струйка синего дыма, что тянулась изо рта недвижной Ойхе, изогнувшись, зависла в воздухе.

Казалось, что прошло долгих полчаса, пока Бренн тупо, не моргая, смотрел, как в луже темного эля со скрипом притирались друг к другу осколки. Когда он, наконец, моргнул, — на полу стояла целехонькая кружка. Моргнул еще раз, и все вокруг пришло в движение — ворвался в окно шум ливня, поплыли вверх кольца дыма из трубки Ойхе, весело заплясал огонь в очаге, из-за двери послышались озабоченные голоса служанок и привычная брань папаши Мартена.

Он не верил глазам. Присев, осторожно дотронулся до кружки... Ни единой трещинки или скола. Дрожащими руками Бренн поставил ее на стол. Его замутило.

— Вот-вот, рушить-то куда легче, чем творить... — проворчала старуха, — оно всегда так бывает...

— Афи, — спросил Бренн, не сводя глаз с кружки, — неужто это то, что я думаю?

Ойхе тяжело поднялась, подошла к нему, и зашептала, ударив клюкой в потрескавшиеся плитки пола. — Думай о таком лишь про себя. Никому не скажи! Не скажи, не похваляйся, ни опекуну своему, ни внуку моему. Таись. Дабы беды не случилось. Научайся держать ее, — шипела бабка, — правда, тут я тебе, милок, не помощница.

Бренн пожал плечами, не глядя на старушку. Яджу, вожденная искра Жизнедателя созрела внутринего! Теперь он всего добьется. Мечты сбудутся. Все задуманное свершится.

Сердце колотилось. Казалось, он может взлететь — тело переполняло ощущение невиданной мощи.

— К чему мне таиться, афи? Если Жизнедатель пробудил во мне ядзу, то теперь я могу стать димедом. Как и ты когда-то...

— Не бывать тебе димедом, — наклонилась к нему бабка, вглядываясь прямо в зрачки.

Бренн возмущенно уставился на нее, но Ойхе снова ударила клюкой в пол, не давая ему раскрыть рта: — Димедом позволяют стать тем, кто владеет лишь жалкой крупицей силы. Кустарям, вроде меня, кои умеют врачевать нехитрые хвори, понимать язык живности, народ фокусами потешать, глаза отводя, да порой глядеть в будущее, правда недалече — на пару лет вглубь, не боле. Ну, еще стряпать превкусно... — бабка хмыкнула, — вот и все, пожалуй...

— И что!

— Такие, как я, — безвредные твари. У тебя ж ядзу клокочет внутри, как раскаленная кровь гор. Не каждый жрец сумеет обуздать такое и пользоваться, как надобно. А уж неученый мальчишка-простолюдин, так и подавно... Иль хочешь, чтоб тебя в Узилице заточили, как гнилого уroda, а то и живьем сварили в кипящем масле?

Бренну стало холодно в жаркой кухне. — Но какого храфна? За что, афи? — он не понимал.

— За то, что искра в тебе шибко могучая, грозная... Сам что-ль не видишь — чуть было внучку мою не погубил, окаянный! — закрыв глаза, бабка подняла коричневые ладони к небу, потом со вздохом уселась в свое скрипучее кресло. И лишь сейчас Бренна бросило в пот от осознания, что могло случиться непоправимое, если бы ядзу, усиленная его злостью, ударила не в глиняную кружку, а в незащитную спину Мелены.

— Вот потому, ежели ты где оступишься, навредишь кому, сотворишь опасное... — Старушка махнула рукой — вроде и так все понятно... — А коли кто-то, узнав о твоей ядзу, позавидует, да и донесет Непорочным... как мыслишь, что тогда с тобой станется? — спросила она в лоб.

Бренн пытался возразить, что все димеды опасаются доноса завистников, но ведь Дознаватели Непорочных сумеют разобраться, где истина, а где злобная клевета. Ведь так... Но Ойхе долбила и долбила его своими доводами, не пытаясь смягчить или приукрасить правду.

— Окромя этого, — продолжала бабка, — ядзу такой силы у неученого отрока из простолюдинов, — лакомый кусок для жрецов. Коли они случайно прознают, живо посадят тебя на цепь и сделают «овцой». И день за днем, год за годом будут выдаивать из тебя силу по капле. Выжмут досуха да выкинут, как шелуху от семечек. И летам к тридцати сделаешься ты полоумным стариком, пускающим слюни и ссущим в порты.

Сморщив нос, Бренн отшатнулся. Он порой видел таких «выжатых» в переулках Канавы — дурковатых стариков и старух с трясущейся головой, ползающих на четвереньках и лакающих воду из луж и стоков. После облав на нищих и калек, которые регулярно проводили скорпы, «овцы» исчезали навсегда.

— Не криви личико-то, касатик, не криви, а в суть вникай, — сурово припечатала бабка.

Новорожденные мечты, ростки которых проклюнулись в сердце Бренна, после жестоких слов Ойхе благополучно увяли. Все лопнуло, как мыльный пузырь. Бабка права — учеником в Ордене ему не стать, — в эфебы отбирали только отпрысков самих Непорочных. Ну, или одаренных юношей из благородных домов, чьи гены были проверены на тысячелетия

вглубь истории Лаара, а предки пять веков назад сражались с Чарлагом на стороне королевы Маф. Случалось, что эфебами становились совершеннолетние отроки из богатейших родов негоциантов, семейств знаменитых врачей, алхимиков, университетских профессоров, но лишь за внушительное пожертвование в казну Ордена.

С одной стороны, Бренн был согласен с доводами Ойхе — пользоваться ядзу втихую, без дозволения и контроля Ордена, значит, рисковать, что в любой момент его обвинят в гнили и сделают «овцой»... Либо дождутся, когда ему исполнится тринадцать и отправят на площадь Искупления.

Но в то же время ничто не могло убедить его в том, что Жизнедатель подарил ему искру, которую нельзя применять. Это же черная неблагодарность не воспользоваться подарком! Иметь в своем распоряжении ядзу и не пользоваться ее... — это как в лютую жару, умирая от жажды, выплюнуть холодную спасительную воду, уже попавшую в рот.

\*\*\*

Месяцы мелькали будто минуты. За прошедший год Бренн не забывал предупреждения старой Ойхе, и, хотя ни на миг не собирался отказаться от ядзу, обучался со всей осторожностью, так, чтобы никто не видел и ничего не заподозрил. Даже Дуги... Бренн был уверен, что тот никогда его не предаст, но ведь он может случайно проговориться или выразить вдруг восхищение способностями друга, да не ко времени или не при тех людях... или даже испугаться тех планов, которые вызревали в голове Бренна. Лучше он скажет потом, попозже...

Бренн получал удовольствие, когда с помощью искры ломал толстые ветви, разбивал камни, поджигал мусорные ямы возле Канавы, давил мохнатых черных пауков и мокриц. Последствия проявлялись по-разному — иногда после удовлетворения, он чувствовал опустошение, сильную слабость и тошноту, а порой — все проходило почти бесследно.

Он как-раз думал об этом, допивая молоко и рассеянно глядя, как тетушка Улла со скрипом вытирает мытые тарелки... Все в доме Ри были при деле: Мелену мать отправила убираться в верхних комнатах на пару со служанкой Ирмой. Старая Ойхе спозаранку ушла в храм, прихватив младшую внучку, а Дуги с братом помогали отцу расседлывать лошадей только что прибывших из Массара постояльцев.

Дриффу по настоянию Ойхе освободили от работ до обеда — у него болел очередной зуб, и старуха собиралась зайти в аптечную лавку подобрать снадобье, чтобы хоть немного унять боль... Но то, что зуб придется рвать, сомнений ни у кого не было. Сидя на коленках в углу за плитой, Дрифа одной рукой осторожно касался вспухшей горбом щеки, а другой чертил угольком картинку на «заветной» стенке, которую ему великодушно выделил папаша Мартен для безобидного увлечения. Стена здесь, в отличие от всей кухни, отделанной старинной белой плиткой с синими птицами, была покрыта слоем светлой глины, на которой удобно рисовать.

Рассудительный Мартен мыслил практично — пусть смирный домашний порх вместо того, чтобы пить, бить морды или за бабами гоняться, лучше мазней своей занимается. И свободные минуты Дрифа проводил именно тут... На его картинках Бренн с удивлением разглядел корабли с раздутыми парусами, людей с мечами и ружьями, диких тсаккуров, пузатые дирижабли, дев с огромными дойками, жутких птиц и невиданных зверей с рыбьими головами, крыльями и волчьими лапами. На миг ему показалось, что фигурки движутся...

Малюя свои видения, Дрифа то и дело тихонько подвывал — похоже, ни каракули, ни

толстомясая деревянная Русалка у входа в трактир уже не смягчали его страдания. Сжав зубами стебелек кориандра, Бренн задумчиво смотрел на перекошенное лицо раба.

— Слышь, Дрифа, — он присел на корточки рядом с порхом. — А пойдём... да и попробуем как-нибудь полечить твой хренов зуб. — Он потянул раба за рукав. — Да не бычинься ты... Если получится, я тебе красного сахарного петуха куплю, — добавил Бренн. Великан обронил уголек, растерянно мигая маленькими глазками с белыми ресницами, как у поросёнка, но послушно поднялся и потопал за другом молодого хозяина.

Каморка, где обитал порх, была крохотной, и огромное туловище Дрифы сразу заполнило тесное помещение. Правда, по сравнению с условиями, в которых прозябали городские порхи-стражи, всю жизнь проводившие на цепи у дверей складов и домов, рыча и лая, как псы под палящим солнцем и холодными ливнями, это было вполне достойное жилище. Папашу Мартена не раз попрекали за излишнюю жалостливость к уродливому безъязыкому порху, но трактирщик знал, что делал. Добро зря не пропадало — великан Дрифа исправно выполнял обязанности вышибалы, безропотно таскал тяжёлые бочки, огромные деревянные ведра и ящики, драил грязные полы, рубил дрова, чистил стойла, выполнял любую грязную работу и был благодарным слушателем для старой Ойхе, которую тихо обожал. Именно бабка велела притащить в дом избитого до полусмерти палками и выброшенного в сточную канаву голого порха с вырезанным языком, выходила бедолагу, откормила, приласкала и приставила к делу.

Дневной свет, просачивающийся в дыру-окошко под потолком, едва освещал комнатку, куда поместился лишь низкий топчан, аккуратно заправленный ветхим одеялом, и расколотый деревянный сундук, который использовался как шкаф, стул и стол одновременно. Несмотря на убогую обстановку, щелястые половые доски были натерты добела, а в треснутом горшке торчал пучок хилых ромашек.

Бренн подавил усмешку. Порх обожал чистоту и неустанно скреб все грязные, по его мнению, места, не дожидаясь указаний. Благодаря такому выгодному для хозяев свойству, трактирные столы, ранее засаленные и местами почерневшие, радовали глаз чистотой, цветные стеклышки в свинцовых переплетах сияли, а старые половые плитки, когда Дрифа их отдраил, оказались вовсе не темно-бурыми с черными пятнами, а нарядного красно-коричневого цвета.

Бренн с трудом протиснулся к топчану мимо втянувшего живот Дрифы, который стоял, прижав подбородок к груди, чтобы не задевать потолочные доски. — Сядь-ка, бедолага, — Бренн похлопал рядом с собой, ободряюще улыбаясь, — а то я до твоей щеки не дотянусь...

Но порх опустил на колени, сел на пятки, послушно вытянул шею и, мелко дрожа, выдвинул вперед нижнюю челюсть.

— Да не бойся, — попытался успокоить страдальца Бренн, заметив, что от страха тот крепко зажмурился, — я трогать твой зуб не буду, а просто погляжу...

Да — Дрифа страдает, и было бы неплохо избавить его от боли, но сейчас важнее узнать — подействует ли ядзу не на предмет, как это случилось год назад с пивной кружкой, а на живое существо... Получится ли управлять силой, исцелять, а не разрушать? От этого зависит многое. Вот только если по неопытности он расколется зуб, Дрифе может стать еще хуже. А тем более, если порвет десну, заденет щеку, пробьет глаз? Бренн помотал головой, отгоняя неприятные удручающие мысли. А что делать — ну, как иначе узнать, на что он способен? Он ведь хочет лишь с пользой применить проросшее зерно ядзу, чтобы не навредить, а совсем наоборот... Ведь так? Значит, ему придется рискнуть, а Дрифе

потерпеть...

Ну да — особенно, если рискуешь не собой, а никому не нужным порхом... и терпеть приходится не тебе, а другому... — пробила голову едкая противная мысль, от которой он с досадой отмахнулся.

Но как все сделать правильно? Бренн хорошо помнил, что кружка папаши Мартена разлетелась на куски, не в миг, когда ударились об пол, а еще стоя на столе, и первопричиной выброса ядзу была его злость на Мелену. А в случае с больным зубом Дрифы на кого ему злиться? На зуб?

На боль, на болезнь — вот на что! А сумеет ли он узреть невидимое, неведомое? Бренн потянулся было развязать узел на макушке Дрифы, чтобы снять косынку, но отвел ладони. Затем положил их на чуть дрожавшие мощные плечи раба и прикрыл глаза.

Он отыскал гнилое гнездо. Не сразу, но отыскал, блуждая в странно мерцающей тьме. Болезнь таилась не в самом зубе, а под ним — в десне, раздувая и воспаляя ее. Болячка походила на жирную копошащуюся личинку, вызывая омерзение множеством шевелящихся лапок и остро щетинившихся отростков с крючьями, раздиравших мясо десны. И личинка росла, прогрызая себе путь глубже — в саму кость. Кокон вокруг нее сочился гнойными грязно-бурыми потеками. Бренн ощутил невыносимо острую потребность раздавить ее, — его аж затрясло. Он вдохнул глубже, задержал дыхание и укротил забурлившую ядзу — надо действовать осторожно, не повредить плоть вокруг гнилого гнезда. Равномерно задышал, и упорно всматривался до тех пор, пока не разглядел узкую голову и пасть с грызущими челюстями.

Жаркую горечь в горле он выдохнул прямо в голову твари, которая почуяла нацеленную на нее смертоносную силу, начав судорожно извиваться и скрести плоть крючьями. Будто сквозь вату Бренн услышал вскрик Дрифы — порх дернулся, задрожал сильнее. Но когда под действием ядзу скрючившаяся личинка стала быстро истлевать, пациент глубоко вздохнул и затих. Бренн не чувствовал времени, и не понимал, как долго он жжет тварь струей ядзу. Лишь когда от болячки осталось сизое, постепенно исчезающее, пятно, он расслабился, пытаясь унять тошноту, и, наконец, открыл глаза.

Уронив тяжелую голову на грудь, Дрифа крепко спал сидя на пятках, умиротворенно всхрапывая во сне.

## Глава 5. Медузы

В голове не было ни одной мысли. Как в пустом ведре.

За те несколько месяцев, что пролетели со дня «починки» зуба Дрифы, росток яджу укрепился — Бренн всем телом чувствовал, как искра Жизнедателя росла, разливалась по крови. Он будто бы рос вместе с ней, но порой еле сдерживал силу, когда она пыталась вырваться, и потому — боялся. Боялся, что яджу поглотит его целиком, что он не справится с ней, как с диким жеребцом, ошибется и навредит кому-то. И если это произойдет при свидетелях... Однако потребность выпустить яджу на волю порой усиливалась до предела, и наступал момент, когда сдерживать ее в себе становилось не в мочь. И Бренн выпускал ее. Иногда казалось — хотя думать об этом было неловко, что этот процесс напоминает выброс семени после воздержания.

Но Ойхе была права — излечить, прирастить сломаную ветку, собрать разбитое удавалось с гораздо большим трудом. Он помнил веселую злость, когда взорвалась пивная кружка, но еще лучше помнил дурноту, дрожь в ногах и ноющую боль в суставах после того, как «склеил» осколки. Помнил, как нестерпимо дергало в голове после лечения зуба Дрифы, как его выворачивало наизнанку в нужнике на заднем дворе.

Теперь, предвидя приближение приступа и чувствуя внутреннее напряжение, он научился выпускать яджу либо быстро, но малой искрой, либо струйками, медленно. И тогда у него получалось поджечь дрова в очаге или нагреть и вскипятить воду в котле. Причем, когда он действовал осторожно, сильной боли в голове и рвоты удавалось избежать, а после сброса излишков силы становилось гораздо легче. Кухарка Лотта, что уже несколько лет вела хозяйство в доме Морая, частенько недоумевала, обнаружив, что вода в кастрюле на холодной плите стала горячей... Поразмыслив и не найдя причины такой странности, Лотта стала рассматривать это явление милостью Жизнедателя за ее благочестие и трудолюбие. И все же лучше всего задавить приступ или сбросить напряжение от скопившейся яджу помогала тяжелая работа в кузне.

Узор на плече за это время стал ярче, и, если поначалу после выброса отек спадал, то теперь линии так и оставались выпуклыми. Одно хорошо — болезненный зуд быстро снимала мазь из соцветий ноготков, которую ему давала старая Ойхе, когда он страдал от ожогов.

Вчера выплеск накопленной яджу был такой яростный, что Бренна до сих пор колотило. Видя, как его колбасит, Якоб посмеивался и дразнился, считая, что тот перетрутился ночью в Веселом доме Флоринды и там же перебрал с синюхой. Но, как всегда, напряженная работа в кузнице помогала прийти в себя. Бренна притягивал огонь и сила железа, успокаивали тяжелые звонкие удары молота, звук раздраженного шипения раскаленного металла в холодной воде, завораживал вид мерцания цветковых волн, сменяющих друг друга: багряного, красно-золотого, голубого и фиолетового.

Опекун хмурился, слыша подначки Якоба по поводу сегодняшней вялости Бренна, но особо не сердился. Правда, ковку ему не доверил, а велел поработать мехами на пару с Иваром — порхом, которому обещал вольную, как только тот отработает купчую.

— Передых! — наконец, произнес Морай давно ожидаемую фразу, и Бренн, с облегчением перевел дух, сбрасывая толстые рукавицы, сплошь покрытые прожженными дырами. Работа на дворе шла под навесом, но слабому ветерку не удавалось обсушить

покрытое потом тело. Из кухни тянулся запах густой чечевичной похлебки со свининой, которую стряпала Лотта, и они с Якобом то и дело глотали слюну. Морай быстро окунал голову в бочку с водой и, как пес, тряс мокрыми волосами. Ополоснувшись и на ходу натягивая рубаху, Бренн побежал в дом. За ним, высунув язык, ринулся Самсон, который тоже истомился в ожидании заветных слов хозяина, позволявших, наконец, набить похудевший с завтрака живот. Валявшийся пузом вверх Шагги, открыл один глаз, презрительно глянул на пса и потянулся — закусив жирной мышью, кот не суетился и сохранял достоинство.

Лотта готовила вкусно и сытно. Бренн почти опустошил миску, когда в дверях кухни с новым удилицем из бузины появился красный, запыхавшийся Дуги. Темные глаза с полплошки величиной, на лице — возбуждение и растерянность. Забыв поздороваться, он набрал воздуха и выпалил:

— Джока Гнусавого зарезали! Насмерть!

Морай отодвинул тарелку и недоверчиво посмотрел на взбудораженного вестника, ожидая продолжения. Бренн исподлобья глянул на друга, не переставая работать ложкой, Якоб развернулся, не скрывая интереса, а Лотта запричитала, уставившись на Дуги заблестевшими от любопытства голубыми глазами:

— Никак сынка хозяина мясной лавки, что у Старого рынка? Что ж это делается-то, люди добрые!!

Морай нахмурился и кивнул, указывая Дуги на лавку за столом. — Джок... Это вроде как сотоварищ ваш по школе?

— Да не сотоварищ он вовсе... — возмутился Дуги, следя, как Лотта накладывает ему в миску дымящуюся похлебку, — а вовсе наоборот... Ну, то есть, он учился в нашей школе, только он на три года старше и уж давно у папаши в цеху мясном управляет, то есть, управлял...

— Так это ты с ним то и дело задирался? — приподнял бровь Якоб, подмигнув Бренну. Судьба Джока его мало заботила.

— Было дело, — не стал отрицать Бренн, — и не раз. Последний — недели три-четыре назад. Гнусавый тогда и сам с разбитой мордой ушел, ну и мне досталось, чо скрывать... — Он помолчал, пожал плечом. — Похоже, кого-то Джок задрал даже больше, чем меня...

— Ну, считай, одним врагом меньше... В драчке что-ль бошку проломил? — предположил Якоб, поворачиваясь к Дуги, — иль пырнули? Из-за девки, наверное... В таких летах всегда из-за девок страдают... — Он покосился на упитанный зад нагнувшейся к очагу Лотты.

— Да, не, — Дуги замотал головой, отвергнув версию Якоба, — какие девки — его урод гнилой порешил!

Лотта с грохотом уронила угольный совок. Не глядя, уселась на табурет, запачканный мукой, и подняла к потолку ладони, бормоча призыв к Жизнедателю о защите от скверны. Но ее голубые глаза от ужаса и восторга стали раза в два больше.

— Я сам все видел! — зачастил Дуги. — Сидит Джок в Трех углах с выпученными глазами, красными, как у кроля, — портки в дерьме — вонища, а изо рта, ушей и зада крови натекло целую лужу. Так никакой человек убить не может, только урхуд. Мамаша его голосит на весь квартал, папашу, слышал, удар хватил. А Непорочные уже двоих Дознавателей прислали с отрядом эдиров — всех вокруг допрашивают, кто что видел, что слышал...

— В Трех углах, говоришь, — уточнил Морай, — где три дома углами сходятся... да кто там что увидит? Место глухое, хоть и проулки к нему ведут. Ни дверей, ни окон, кроме щелей чердачных. Глухие стены... И чего ему там понадобилось?

— Известно чего, — хмыкнул Якоб, — через Три угла самый короткий путь к Веселому Дому Флоринды, — аккуратно, если идти проулками от Старого рынка...

— Тьфу ты, паскудник, — поджала губы Лотта, метнув негодующий взгляд на парня, потом бойко вскочила. — Еда на столе, чай вскипел. А я на минуточку тут... сбегаю, поспрашиваю — поймали злодея-то гнилого? Иль злодейку! — она выразительно посмотрела на Якоба. — Может, он деву какую невинную с добрым сердцем обольстил, обрюхатил бедняжку, а жениться не захотел, вот она ему и прислала ответочку...

— Ну, дела! — брови Якоба взлетели к короткой соломенной челке, — хряка жопоротого в бок! Мясника кто-то раскурочил, как свиную тушу, — и это называется ответочка от невинной девы с добрым сердцем?!

Дуги, похоже, уже забыл о Джоке. Он, торопясь, дохлебывал похлебку, осведомляясь у Бренна: — Рыбалить идем? У Зуба, верняк, уж с рассвета куча удильщиков, точно говорю...

Бахвалясь, Дуги потряс новым удилищем из бузины и вопросительно поднял брови, глянув на Морая и надеясь на разрешение. Ночью неплохо штормило — рыболовецкие барки в Старом порту бились друг о друга, обдирая бока. А после ночных штормов к берегу часто прибывает целые косяки больших жирных пеструнов, которых посетители Пьяной русалки заказывают запеченными в сливках целыми сковородами. И понятное дело, что пара ведер вкусных рыб не будет лишней ни в таверне папаши Мартена, ни в доме Морая.

— Идите... — рассеянно кивнул Морай, задумавшись о чем-то своем, и Бренну это почему-то не понравилось.

— Ты там тоже не зевай, слышь... Рыбы побольше тащи, — вклинился Якоб, толкая Бренна под локоть, — Лотту впряжем по полной — и наварит, и нажарит!

Натянув короткие стоптанные сапоги, Бренн свистнул Самсону, развалившемуся на теплых камнях, прогретых жарким весенним солнцем, прихватил недоеденную лепешку и старое удилище, может и не такое замечательное, как у Дуги, но прочное и гибкое.

— За псом следите, чтобы в воду не совался... — заорал вслед Якоб.

— А то он дурнее нас, — отмахнулся Бренн, хватая пару больших ведер и старую корзину.

\*\*\*

Океан после ночного шторма тяжело дышал, ворочался, как исполинский зверь, лизал камни. Орала чайки, остро пахло солью и водорослями. Берег был усеян разбитыми раковинами, выброшенными обломками разбитых рыбачьих лодок и коричнево-желтыми кусками медового камня, который тихо мерцал на сколах теплым нутряным светом.

От берега в море устремлялась изогнутая дуга Черного зуба — обилие трещиноватых черных скал, образующих один из природных волнорезов Сильфурбэй, о который в шторма, шипя пеной, бились волны. Здесь с зари уже копошилось множество рыбаков, — воздух то и дело рассекали забрасываемые удилища.

Одно огорчало всерьез — сегодня, как назло, море вместе с пеструнами выбросило к Черному Зубу целые стада «розочек» — бледно-розовых медуз с длинными ядовито-жгучими «волосами». Их тонкие остроконечные щупальцы оставляли на коже воспаленные болезненные разрезы. Правда, такие жгучие «ласки» можно перетерпеть, это все же не укусы ядовитых морских ос, убивающих человека за три минуты. Потому по отдельности

«розочки» не слишком страшны, если не попадет в самую их гущу. И если такое случается, то бирюзовые волны подкидывают к берегу сплошь исполосованных щупальцами утопленников с распухшими высунутыми языками. Причем трупы невезучих бедолаг чаще всего находили там, куда выводили кривые тропки, что тянулись от переулка Утопленников через старые склады и доки Канавы. А вот пеструнам нет никакого дела до ядовитости «розочек».

— Давай шибче, — Дуги уже скидывал башмаки, чтобы не скользить на буро-зеленых водорослях и жидких потеках птичьего помета, босым куда быстрее можно добраться до нужных мест на Зубе.

— Не суетись, Дуг, пеструны до полудня не закончатся — у нас куча времени.

— Ты масло взял? — приятель нетерпеливо переминался с ноги на ногу. В прошлый раз они пробовали ловить на голый крючок, смазав его маслом анисового бедренца, и результат превзошел ожидания — рыбы кидались на него, как волки.

— Там мало было — уже весь пузырь извели... Сегодня крабцами обойдемся — я еще одну корзину захватил, — Бренн тряхнул веревочной корзинкой. Дуги вздохнул — неохота собирать мелких крабов, когда можно попробовать рыбалить без наживки.

— Стоять! — Бренн быстро прижал пальцами крошечного каменного краба, принявшегося задира́ть клешни, перехватил его за плечи и кинул в корзинку. Дуг вяло ковырнул булыжник, но, когда из-под камня стали шустро выползать крохотные морские рачки, оживился. Самсон тоже помогал — оглушительно лая, носился по песку, мотая хвостом, ушами и языком. А из-под его лап разбегались в стороны маленькие травяные крабы, быстро шевеля лапками, что приводило пса в еще больший восторг.

— Не лезь за нами, — Бренн мягко толкнул Самсона в лоб, — иди, грей тушку на солнышке и жди жрачку.

Пес гавкнул, соглашаясь. Он боялся медуз, но любил рыбу.

— Может, на край сходим?

Дуги с охотой кивнул. На дальнюю узкую оконечность скалистой дуги, впивавшейся в море, ходили немногие — далеко, камни острые, бугристые. Но и дура-рыба там особенно легко ловилась на крючок, хитрое было место. Бренн оглянулся на лающего Самсона, который все никак не успокаивался, и замер. С привычным ощущением недостижимого он разглядывал огромный грузовой корабль Энрадда, плывущий с юга. Воздушное судно направлялось к Небесной Игле — причальной мачте, в паре миль от городских стен, где уже пару лет швартовались дирижабли.

Резкий свист Дуги заставил его очнуться, и он поспешил за приятелем, на ходу кивая знакомцам. У оконечности Черного Зуба, с внутренней стороны, где море, расслабившись, отдыхало, колыхались розовые купола жгучих медуз. Их тонкие, как нити, щупальца, липли к валунам у самой воды и заползали даже выше.

— Может, обуемся? — Дуги кивнул на студенистые тела, расправляя леску, скрученную из конских хвостовых волос.

— Придется, — поморщился Бренн, — что-то много их сегодня — сплошной кисель.

Если бы не «розочки», рыбалить после шторма одно удовольствие, но и они не помешают — главное закинуть удилище подальше, где побольше свободных от медуз участков. Сегодня радужные пеструны жадно хватили наживку, Бренн едва успевал подсекать и кидать рыб в ведро. Над головой гаркали чайки и черноголовые крачки, норвя утащить из ведра выловленных пеструнов.

— Крабцы закончились, — с досадой заругался Дуги, — надо было больше наловить. Но было лениво, — оправдал он сам себя. Его смуглое лицо от азарта покрылось мелкими бисеринками пота.

— У меня вон еще с десятков копошатся, хватай, — предложил Бренн, кивнув на корзинку.

— Не, счас сам словлю, — Дуги не хотелось перебираться на выступ, где вываживал рыбу приятель, и он бросил взгляд на камни у пологой кромки скалы, там среди щелей обычно и прячутся каменные крабы. Бренн оглянулся — расставив ноги, Дуги, не торопясь, двигался к приглянувшемуся месту, держа в одной руке удилище, в другой корзинку. Зачем он потащил с собой удочку? Прямо расстаться с ней не может, балбес... Наловил бы крабов, и вернулся... — вскользь подумал Бренн, отворачиваясь к воде.

И уже не видел, как приятель шагнул на широкий край валуна, спускаясь к пологому уступу. Не видел, как Дуги качнулся, невольно опершись на крепкое удилище... а оно... Нет, оно не сломалось, а просто провалилось в глубокую трещину за шершавым уступом. Потеряв опору, Дуги стал заваливаться. Башмак заскользил по птичьей жиже, и, взмахнув корзинкой, Дуги рухнул в воду — в самую гущу колышущихся студенистых тел. Он даже не успел крикнуть, и лишь взмывшая со скал орда вопящих чаек, заставила Бренна оглянуться. Через несколько мгновений он уже стоял на краю выступа. Увидев сплошь залепленную студенистыми телами голову барахтающегося в воде приятеля, Бренн застыл от страха и омерзения. Как только Дуги открывал рот, чтобы крикнуть и глотнуть воздуха, в него тут же лезли щупальца медуз, и он давился ими...

Если бы выступ слишком высоко поднимался над водой, наверное, никто не помог бы Дуги — нырни Бренн к нему, через несколько секунд и его лицо облепил бы жгучий розоватый студень. Он схватил удилище с намерением протянуть его тонущему Дуги, но тут же отбросил, — из-за прилипших к глазам медуз тот просто ничего не видел...

Распластавшись на животе, цепляясь коленками за торчащие верхушки камней, Бренн изо всех сил тянулся к другу, с ужасом понимая, что через мгновения тот задохнется. Но страх помог, — вскипевшая в крови яджу ударила в голову. Уши заложило, в висках застучало. Время замерло, и вместе с ним замер Дуги, погруженный в студенистое месиво до подбородка. Взбаламученная вода будто заледенела причудливыми всплесками, и тысячи сверкающих брызг повисли в воздухе.

Одной рукой Бренн вцепился Дуги в волосы, давя меж пальцами холодное желеобразное месиво, другой — рванул его за ворот рубахи. Он тянул бедолагу через сгустившееся время, будто через болото, выдирая из объятий медуз. Руки покрывались багровыми следами щупалец, но паника ослабила хлесткую боль от ожогов.

Вытащив Дуги, он принялся лихорадочно сдирать студенистые комки с его лица и шеи, расплосованных множеством тонких длинных кровянистых разрезов. Широко открыв рот, Дуги глотал спасительный воздух. Но его лицо, веки, губы опухали на глазах, наливаясь дурной кровью. Бренна затрясло — он не понимал, что делать теперь... Дуги может погибнуть и от боли, и от удушья, которое вызывает яд в таком количестве, которое ему досталось. Как его спасти? — они на самом краю Черного зуба, времени в обрез, а главное — Бренн чувствовал — в крови после выброса осталось не так много яджу.

Будто во сне смутно слышались голоса, — слава Жизнедателю, на помощь уже примчались соседи-рыболовы. Подхватив страдальца за руки-ноги, вместе потащили его по волнорезу к берегу, где, оглушительно лая, метался Самсон.

— Беда! — просипел Бренн пересохшими губами, и пес, понимая это слово, ринулся по тропе вверх, к городским кварталам. Пучками водорослей и песком Бренн счищал остатки розовой слизи с тела Дуги, радуясь, что тот одет в рубаху и безрукавку, которые хоть как-то защитили его. Но на лицо, шею, руки и ноги было страшно смотреть. Как унять боль, как вывести яд? На что нацелить яджу?

Нужно делать все сразу — подарить Дуги хоть немного сил, ослаблять боль и уничтожать в крови отраву. Но он сам изнемогал от усталости и жгучей боли, как же ее вытерпит Дуги? — ведь щупальцы жалили его прямо в рот. И отек уже начал распространяться на шею.

Шатаясь, Бренн побрел за парнями, тащившими Дуги, и надеялся на чудо. Оглушительный лай рядом встряхнул его. Самсон привел за собой задыхающегося от бега Пепина и насупленного Дриффу, который от переживаний за молодого хозяина постоянно моргал. Великан подхватил Дуга с рук рыболовов и широкими шагами понес его к повозке, что-то неразборчиво мыча и раскачивая тяжелой головой. Осторожно уложив беднягу, Дриффа с Пепином погнались в Русалку. Растерянный Пепин пытался посадить бледного, как известка, Бренна, но тот лишь махнул рукой. — Сам дойду, шевелись, Пепин! Дуга выручать надо...

## Глава 6. Ошибка

По дороге к Пьяной русалке Бренн успел облевать несколько углов. Когда он, наконец, добрался до дома Ри, у дверей уже стояла лекарская коляска, запряженная двумя крепкими порхами. Видно, отец Дуги, поняв, что случилась беда и не дожидаясь вестей, сразу помчался за лекарем. И, похоже, уговорил «дорогого» врачевателя. Залив в пересохшую глотку полкувшина воды, Бренн поднялся по скрипучей лестнице в спальню, куда Дрифа отнес молодого хозяина. Робея, он остановился возле открытой двери, где в растерянности жались Пепин, Герда и Мелена. В душевной комнате стоял едкий запах мочи — Дуги уже не контролировал себя.

Прибывший к пациенту врачеватель Барнабас был относительно молод, но завитая борода, крашеная в лиловый цвет по Арианской моде, придавала ему солидности. Ученик Барнабаса — прыщавый юноша лет шестнадцати, пристроился подальше от больного. Не приближаясь к кровати, где хрипел Дуги, лекарь щелкнул холеными пальцами. Ученик немедленно подал ему увлажненный сладкими духами платок, который тот прижал к носу. Поджав губы, Барнабас бесстрастно смотрел из-под полуприкрытых век, как тетушка Улла бестолково топталась около задыхающегося сына, подвывая от отчаянья.

Старая Ойхе не отрывала от правнука неподвижных слезящихся глаз. Лицо и шея Дуги отекали так сильно, что растянутая кожа блестела, воспаленные разрезы зияли, а на теле стали появляться кровянисто-водяные пузыри. Увидав Бренна, старуха схватила морщинистыми пальцами его за рукав и потянула внутрь. Исподлобья изучая врачевателя, он прижался к камням холодного очага, чтобы ослабить боль от ожогов.

Сбросив дорогой плащ на руки Мартена, врачеватель, брезгливо скривив губы, смотрел, как Дуги хрипло дышит открытым ртом и сучит ногами по мокрой простыне. Указав на багровые сочащиеся сукровицей порезы и пузыри, велел ученику:

— Смажь ему кожу биттером, только не трать больше четверти пузырька... И влей в ноздри по пять капель черного забвейника, — от его хрипения голова лопается.

Юноша раскрыл кожаный сундучок и начал перебирать склянки, деревянные шкатулки, баночки разных размеров и форм, холщовые и замшевые мешочки, тонкие ремни, неприятные на вид железные инструменты. Барнабас с раздражением поторопил его, и тот, наконец, нашел нужную жестяную банку. Затем, стараясь не коснуться больного, плоской лопаточкой стал мазать ему распухшее лицо и шею желто-зеленой мазью. Остро запахло чем-то свежим и горьким похожим на запах полыни, смешанной с водорослями.

— Дурак, — резко бросил лекарь, ткнув в спину ученика концом белого резного посоха, — сколько тебе долбить, что в тяжких случаях сперва дают снадобье в рот, а уж потом телеса мажут... Да не суетись уже, бестолочь, делай, что делаешь, только тоньше-тоньше слой накладывай, или на сутки без еды останешься, — сверкнул он глазами и повернулся к переминающейся с ноги на ногу матери Дуги.

— Ну что ж... уважаемая, хрипеть он теперь станет потише. Я потратил ценное и редкое средство, чтобы унять боль, — со значением произнес лекарь, выразительно глядя ей в глаза. Улла мелко закивала и, беспрестанно оглядываясь, быстро вышла, переваливаясь, как утка. Меж тем, Дуги, не переставая дергать ногами, уже не хрипел, — из его груди вырывался лишь странный грубый свист. Глаза исчезли под багровыми распухшими, как олады, веками. Лекарь, с неудовольствием обежав больного глазами, нетерпеливо

повернулся к двери.

— Да когда ж ему станет легче, достопочтенный господин Барнабас, он уж задыхается, — не удержался папаша Мартен, заглядывая врачевателю в глаза. Барнабас раздраженно глянул на непонятливого простолюдина:

— Яд розовых медуз в такой дозе, какую получил больной, смертелен. Иногда пациента можно спасти, обильно напоив его свиной мочой и пустив кровь, но в этом случае — слишком поздно. Я сделал все, чтобы больной перестал кричать, — и вам нужно день и ночь благодарить за это Жизнедателя.

Мартен Ри тупо смотрел на врачевателя, не умея сразу осознать весь ужас сказанного. А Бренна будто по голове ударили — что? Дуги умрет? Уши резал жуткий свистящий звук, — шея у Дуги распухла еще сильнее и лоснилась, вены вздулись...

Что делать? Ведь он выплеснул почти всю яджу, чтобы помочь Дуги на берегу. Внутри было пусто, как в холодном очаге, к которому он прижимался. Бренн вздрогнул — старая Ойхе сжала ему плечо жесткими пальцами и яростно зашептала: — Поди, поди к нему — окупи сполна свое окаянство — спаси моего внука!

Ее неистовый шепот будто пробудил искру, что зрела внутри. Жар ударил в голову Бренна, дрожь наполнила тело. В комнате потемнело, предметы стали размытыми, звуки исчезли. И только лицо Дуги в паутине лопнувших сосудов виделось четко и страшно...

Подскочив к кровати, Бренн обхватил его раздутую шею ладонями, и тут же его собственное горло перехватил спазм, а воздух превратился в сухой песок, раздирающий глотку. Он чувствовал, что его язык раздулся, заполнил весь рот, став огромным неповоротливым обрубок. А из груди Дуги вырывались жуткие хрустящие звуки, воздух почти не пробивался через опухшую глотку, сердце пропускало удары. Но где таится болезнь? Зажмурившись, будто играя в темноте в прятки, Бренн, наконец, рассмотрел длинные черные нити, которые по-змеиному скользили в жилах Дуги, продвигаясь с током крови. Вот они, мрази! Он помнил, как лечил зуб Дриффы, и нацелив яджу, принялся осторожно, но упорно выжигать «змей», следя, чтобы кровь не вскипела вокруг их склизких тел.

Казалось, прошли часы. Сильно замутило, острая боль гвоздем ударила между бровей, и Бренн чуть не потерял сознание. Он вконец обессилил, проталкивая воздух не то через свое горло, не то через горло Дуги. Он сам горел, выжигая черных змей и отдавая силу. Кому — себе, Дуги? — он уже не понимал... Но сердце друга отзывалось, а пульс выравнивался. Когда песок, раздиравший горло Бренна, превратился, наконец, в воздух, он догадался, что Дуги чувствует то же самое. Очнувшись, будто в тяжелом похмелье, услышал голоса вокруг, увидел, как лицо Дуги теряет пугающую багровость, отек спадает, а из-под набрякших век появляются белки глаз. Свистящие звуки исчезли, перейдя в тяжелое, но спокойное дыхание, — бедолага спал.

Бренн стряхнул с себя остатки оцепенения, обернулся и встретился глазами с напряженным взглядом старых глаз Ойхе. Ее морщинистое лицо было мокрым от слез. Барнабас смотрел него с явной злостью. Трактирщик быстро моргал, пытаясь скрыть слезы, а в дверях потерянно застыла тетушка Улла, держа кошель. Похоже, прошло не больше нескольких минут, а вовсе не час, как думалось. Увидев, что сыну легче, Улла бросилась к кровати.

Врачеватель нехорошо прищурился, впиваясь взглядом в Бренна. — Кто ты, юноша? — сухо спросил он. — Димед? У тебя есть разрешение?

Бренн растерялся, не понимая, как должен себя вести и что отвечать.

— Да, это тутошний парнишка... дружок Дуги, — пробормотал папаша Мартен, не отрывая глаз от глубоко дышащего во сне сына.

— Никакой он не димед, господин врачеватель, а всего-навсего ученик кузнеца, — услужливо поспешила с ответом Мелена.

— А проверен ли ты на скверну, ученик кузнеца? — голос лекаря был холоден, как кусок льда. Не дожидаясь ответа, он приказал: — Подойди сюда.

Двигаться было тяжело — тошнота подкатывала к горлу, голова трещала, и даже зубы ломило. Но Бренн, интуитивно стараясь изобразить озадаченность и непонимание, послушно подошел к лекарю.

— Назови свое имя, точный возраст и где ты обитаешь? — Барнабас с подозрением вглядывался в его лицо. — Так, ну что ж, — удовлетворенно произнес он, потирая ладони, когда Бренн ответил, — значит, ты уже совершеннолетний. Это меняет дело... И потому, если будет доказано, что ты преступно используешь яджу, не уведомив Орден и не получив дозволения, тебя ждет суровое наказание. Если же проверка выявит в тебе гниль, а свидетели покажут, что ты приносил вред, применяя силу, — тут врачеватель сделал выразительную паузу, — я не исключаю даже смертную казнь...

Прыщавый ученик Барнабаса со злорадным удовлетворением смотрел на побледневшего Бренна. Тетка Улла охнула, всплеснув руками.

— Но во мне нет искры, господин, — я вовсе ничего такого не умею, — попытался оправдаться Бренн, чувствуя, что его начинает потряхивать от страха и дурноты.

— Достаточно того, что ты пытался использовать яджу! И я это наблюдал самолично! И мой ученик подтвердит... — с негодованием заявил лекарь, распаляя самого себя и упиваясь своей властью. Прыщавый энергично закивал, подтверждая слова наставника.

— Что вы, что вы, господин Барнабас, — запричитала Улла, — какая такая гниль, — мальчик-то сиротка, его тут все с малолетства знают... никакой скверны в нем нет и быть не может...

— Именно это и будет проверено опытными дознавателями Непорочных! — с торжеством объявил Барнабас, назидательно подняв длинный палец с острым ногтем. Он с пренебрежением посмотрел на жену трактирщика и счел нужным просветить простолюдинов: — Вполне возможно, что вы пригрили в доме змею — темного уroda, гнилушку! А по недомыслию и невежеству не понимаете этого, допуская злостного преступника в семью и покрывая его делишки. Суд Яджу сразу определит, какого рода способностями он обладает. Если перед нами всего лишь тщеславный глупец, его отпустят, но, как следует проучат, назначив справедливое публичное наказание. Если же Суд обнаружит в нем зерно гнилой яджу, — лекарь свернул пальцы кольцом и сделал отвращающий жест, — подозреваемого немедленно изолируют от добропорядочного общества, поместив в Узилище.

— Но парнишка никак не может быть темным уродом, почтенный господин, — он ведь спас нашего Дуги, — бесхитростно заявил трактирщик, отирая со лба крупные капли пота.

— Больного спасли целебные и очень дорогие снадобья! — раздувая ноздри, повысил голос возмущенный Барнабас и нетерпеливо выхватил кошель из пальцев Уллы. — Приготовь уведомление на подозреваемого! — приказал он ученику и повернулся к Бренну. — О твоих жалких попытках использовать яджу я незамедлительно извещу Орден, и завтра на рассвете ты обязан явиться в Дом Правосудия Непорочных, где тебя проверят на

скверну.

Барнабас протянул руку в сторону ученика, вложившего в его пальцы стилос, и поставил на уведомлении витиеватую подпись.

— Подозреваемый Бренн Ардан, — надменно произнес врачеватель, презрительно глядя на Бренна, — если вдруг ты вздумаешь прятаться или бежать из Бхаддуара, тебя даже без проверки сочтут виновным и пустят по твоему следу Ловчих.

Ученик Барнабаса ухмыльнулся, ковыряя прыщ и с удовольствием наблюдая, как по бледному грязному лицу Бренна расползается страх.

\*\*\*

Тетка Улла рассеянно гладила сидящего в отупении Бренна, прижав его голову к мягкому выступающему под фартуком животу, от которого вкусно пахло сдобой.

— Да не бойся, парень, — хлопнул его ладонью по плечу папаша Мартен, грубовато потрепав его по плечу, — на моем веку пока никого из ребят твоего возраста не признавали гнилушкой.

Бренн горько усмехнулся про себя — конечно, Мартен врет, как сивый мерин, и просто пытается утешить его. Каждые три недели на Площади Искупления истязают и казнят выявленных гнилых уродов, живьем варят в масле, запекают или сажают на кол. Среди них попадаются и старики, и парни с девками, немногим старше его. Неужто и его вот так — перед толпой насадят голым задом на кол, и он будет несколько дней дрыгать ногами и выть, потешая всех вокруг, пока тупо заточенное дерево не пробьет себе дорогу к печени или сердцу.

— А тебя, сироту безвинного, никто в округе ни в чем таком обвинить не сможет! С чего вдруг?! — снова взбодрилась Улла. — Мы за тебя горой встанем, Бренни... и ничего этот гриб бородастый Барнабас не докажет. Нас в любом разе больше, и Морай, и Якоб за тебя вступятся... Да и все, кто тебя знает...

— А то! — поспешил согласиться с супругой хозяин, вновь поворачиваясь к сыну, и при взгляде на мерно сопящего Дуги его короткие лохматые брови поднялись, а маленькие глазки увлажнились. — Ирма! — тут же рявкнул он, и в дверях немедленно появилась бодрая служанка, ждавшая приказаний. — Шибче воды тащи, весь срach тут вымой и Дуги простыни поменяй... Дрифа пусть поможет — скажи, я велел! Шустрее!

Бренн почти не слышал, что говорили вокруг него, дурнота не проходила, ожоги болели немилосердно, и он сунул руки по локоть в ведро с холодной водой. Закатывая рукава, почувствовал — знак на плече болезненно вспух и сильно зудел.

— И ничего подобного, матушка, люди они всякие бывают, — вдруг возразила Мелена, рассматривая Бренна, как удивительную букашку, — на прошлой неделе, я сама видала, как на Площади девку-гнилушку вешали. А ведь все думали, что она невинная овечка. Тоже сиротка. Говорят, ходила, глаз не подымала, а потом дознались, что она отца своего названного день за днем умерщвляла черным зельем, да еще пыталась напраслину на него возводить, что он, мол, ее насильничал с самого детства. Хорошо, что дознались Непорочные — отец-то ее приемный невиновным оказался, а она — урхуд! Так вот ее долго наказывали, прямо перед отчимом ее, что напротив сидел, — подымут в петле за шею, а как она обмочится, да хрипеть начнет и глаза у ней выкатятся, отпустят. Подождут, пока продышится, и дальше вздергивают... А...

— Не брещи, дурная, — оборвал дочь Мартен. — Городишь, не пойми что...

Улла с раздражением замахнулась на дочь мокрой тряпкой, которой осторожно

обтирала потное тело заснувшего сына, но Мелена шустро отскочила.

— Ай, берегись, Бренни, — захихикала девушка, не обращая внимания на окрик отца, и ее молочно-белая грудь заколыхалась в вырезе лифа, — а то распотрошат тебя завтра в Доме Правосудия, чтобы поглядеть, где это у тебя внутри гниль таится... В каком таком месте...

Бренн даже не посмотрел на дуру-девку.

— Что-то повадилась ты, внучка, на Площадь Искупления бегать... — прозвучал дребезжащий от напряжения голос Ойхе. — Неужто развлекаешься, на людские мучения глядя?

— Ничего подобного, афи. Орден нарочно добрым людям показывает, как нужно наказывать темных уродов, что невинных изводят... — упрямо стояла на своем Мелена, но все же притихла, и, недовольно зыркнув на бабу, вышла.

— Замуж ее пора отдавать, Мартен, она уже лопается от спелости, вот и бесится... — сурово припечатала Ойхе.

Бренн целиком и полностью был за это предложение. Несколько месяцев назад произошло кое-что, о чем ему было неприятно вспоминать и о чем он не говорил даже Дуги. Впрочем, от Дуги он скрывал довольно много, считая, что нечего его зря беспокоить. А что до Мелены, так она уже полгода как, поглядывала на него по-другому, не так, как прежде. Часто, когда никто не видел, он трепала его за волосы, щекотала теплыми пальцами его шею, и, дразня, высовывала язык меж влажных красных губ, которые то и дело облизывала. Бренну, с одной стороны, это льстило, но больше смущало и раздражало.

Прежде всего, Мелена была из семейства Ри, в котором все относились к Бренну почти как к родному. И иметь с ней связь значило оскорбить и Дуги, и его родителей... и Ойхе. Кроме того, вожделье ее мешало то, что ему не слишком нравились такие девы — пусть красивые, но чересчур напористые и злонасмешливые. А уж полгода назад, когда для него, как для взрослого, открылись двери Веселых домов, он четко осознал — ни к чему заморачиваться с сестрой Дуги, рискуя потерять добрых друзей и огрести кучу неприятностей, когда можно иметь дело с ласковыми умелыми хусрами. Пусть за деньги, но зато надежно, удобно и без хлопот.

В тот душный вечер, тетушка Улла попросила его помочь обиходить лошадок припозднившихся гостей, пока Пепин и Дуги таскали в комнаты их сундуки. В сарае сладко пахло сеном. Бренн оглаживал бархатную морду яблочного коня, тыкавшемся ему в ладони, когда к его спине прижалось женское тело, а шеи коснулось жаркое дыхание. Мелена. Вот ведь, неугомонная! Ее зубки стали покусывать ему мочку уха, и он почувствовал, что низ живота стянуло знакомым сладким предвкушением.

— Ты хорошенький, — шептала девушка, — ты уже пробовал женщину, Бренни... Покажи-ка свой петушок?

— Ни к чему это все, Мелена, — он развернулся и шлепнул ее по пальцам, тянувшимся к низу его живота, — ты сестра Дуги... Ты и мне, как сестра, — бубнил он, ненавидя себя за слабость. — Тебе нужен или крепкий муж или дружок постарше...

Темные глаза Мелены сузились, в лицо бросилась кровь. Она поверить не могла что ее, чернокудрую красавицу, отвергают, не хотят... И кто — жалкий сирота, даже не взрослый мужчина, а мальчишка на год младше нее... Неужели она не сумеет соблазнить неопытного мальчишку? Девушка проворно обвила руками шею Бренна, крепко прижавшись к его губам и просовывая язык ему в рот. Но он отшатнулся и резче, чем хотел, оттолкнул ее.

Бренн сам не ожидал от себя такого. Желание Мелены, само собой, тешило его

самолюбие, но он считал, что настойчивость и бесстыжие ласки подходят хусрам, а не девушке из почтенной семьи. А если он ее обрюхатит? Ужас! Ну уж нет, — дружба с Дугом и расположение семьи Ри значило для него в тысячу раз больше, чем мимолетная связь с непредвиденными результатами. И вообще, как оказалось, ему не нравилось, когда на него давят. Если мужчина идет в Веселый Дом, он сам выбирает день, час и женщину, а сейчас... сейчас Мелена принуждала его заняться с ней непотребством. И это бесило. Так он ее и запомнил — сидящую на сене с вывалившимися из лифа сливочными грудями и раздвинутыми ляжками в спущенных чулках, потную и красную от злости и унижения.

Позже он осознал то, о чем раньше лишь смутно догадывался — Мелена просто оттачивала на нем свои женские чары, пытаясь вызвать похоть, чтобы после понукать им, как похотливым козленком. Но и он болван — нужно было вести себя с сестрой Дуги мягче, не отвергать ее так грубо... Наверное. В общем, глупо все получилось... И теперь возбуждение, которое он порой испытывал, видя обтянутую тугим лифом грудь Мелены и влажный полуоткрытый рот, смешалось со смущением и чувством вины одновременно. И он попросту избегал ее. А уязвленная Мелена, затаив обиду, то и дело, зло высмеивала его, находя любой повод — и кстати, и некстати. Ну да ладно...

\*\*\*

— Ты вот что, парень, — заглянул ему в глаза папаша Мартен и напрямую предложил, — оставайся-ка сегодня у нас, — отлежишься, поешь от пуза, да за удильщиком нашим непутным присмотришь, раз у тебя рука такая легкая оказалась... Вдруг ему хуже станет... А? — хрипловатый голос трактирщика стал непривычно ласковым. — Как думаешь? Отпустит тебя Морай?

Папаша Ри даже из самых неприятных событий умел выдоить пользу, и Улла, открывшая было рот, чтобы возмутиться планами супруга, тут же его закрыла. Понятное дело, — ей тоже было спокойнее, если рядом с сыном будет находиться Бренн.

— Иль ты совсем ослаб, а? Тогда, конечно, неволить не стану... — бубнил над ухом Мартен.

— За Дуги я присмотрю, — рассеянно кивнул Бренн, не переставая думать о предстоящей проверке у Непорочных, — заодно и помогу, если получится — руки жжет сильно...

Голова кружилась, и ноги были такими ватными, будто он выпил залпом большую кружку крепкого эля. Вспухшие на предплечьях рубцы саднило. Ладони горели. И зачем он согласился, — как поможет, если руки болят? Но за Дуги действительно надо приглядеть... Надо. — Домой только сбегая...

— Сбегай, сбегай, парень, — трактирщик похлопал его по плечу, — только пошустрее возвращайся, скоро гость повалит, — только крутиться успевай...

— Да погоди ты, — сердито пихнула его жена в объемный живот, — у него ж все руки в ожогах... Для Дуги-то он все, что мог, сделал, а про себя и забыл.

Улла принесла корзину с целебными снадобьями и наклонилась к Бренну. — Теперь я за тобой поухаживаю, Бренни...

Тетушка осторожно обмазала ему предплечья холодящей мятной мазью и умело перевязала лентами чистого полотна. — Может, поешь, — спросила она, затягивая узелок.

Бренн помотал головой — его тошнило, губы ссохлись и о еде он и думать не мог, но зато выпил бы целый океан. И бабушка Ойхе, будто почуяв его нужду, сунула ему в ладони кувшин с холодным кислым молоком. — Поди, злишься, что подвела тебя старая Ойхе,

жалеешь, что поддался на мои уговоры помочь Дуги? — старуха пристально смотрела ему в глаза, будто хотела до доньшка узнать его мысли.

— Да ни капли.

Слова сорвались с губ прежде, чем он успел подумать. А когда подумал, подтвердил: — Ни капли, афи. Зуб даю...

— А и правда, не жалеешь... Напужался до страсти, но не жалеешь, — пробормотала Ойхе. — Только гляжу, на сердце у тебя темно... Как в бочке с дегтем... — добавила она, нашаривая трубку в глубоком кармане. — Ну, тогда, стало быть, с завтрашней зари буду призывать Жизнедателя Светлосияющего... Упрошу его, чтоб прикрыл он тебя от глаз дурных, всевидящих да вглубь смотрящих.

\*\*\*

Вечер прошел в пригляде за Дуги, чередуясь с беготней с подносами и кружками, и Бренн никак не ожидал, что так устанет. Коленки дрожали, волнами накатывала слабость, из носа то и дело капала кровь и тянуло блевануть. Но похоже, что дурная немочь лишь частично связана с ожогами «розочек». Ему сильно схудилось именно после лечения Дуги. Что-то вроде такого же происходило с ним после того, как он зашептал зуб Дриффы, но тогда он отделался гораздо легче. Видно, гнилой зуб — ерунда по сравнению с ядовитыми поцелуями армии медуз, атаковавших Дуги.

Однако же таскать эль, даже с обожженными ладонями, куда легче, чем стоять у наковальни или кузнечных мехов. Да и дурнота к ночи ослабла. Правда, от мыслей о предстоящем испытании ни суета, ни тревога о Дуги отвлечь его были не в силах. И хорошо, что он занят всю ночь — все равно заснуть не удастся — ужасы, которые могли ожидать в Доме Правосудия, врываются в сознание, отравляя не хуже яда медуз. Моментами казалось — он бы сам прыгнул в клубок склизких тварей, лишь бы избежать этой тухлой проверки у Непорочных.

## Глава 7. Пирамида

Бренн не соврал старой Ойхе и не злился на нее за то, что она вынудила его заняться спасением внука на глазах у врачавателя. Ему уже не хватало ни воли, ни сил, пока она не встряхнула его. Он почувствовал толчок — похоже, бабка Дуги влила в него свою небольшую силу димеда... И этой искры хватило, чтобы разжечь пожар в крови Бренна.

И все-таки, может, не стоило скрывать ядзу, а добровольно явиться на проверку? Да и сейчас еще не поздно, — пойдет и честно расскажет Дознавателям Непорочных, что он просто ничего не понимал, не знал о появившихся способностях и потому не успел сообщить о растущей ядзу? Что такое случилось с ним впервые, просто он очень переживал за умирающего друга, и вот... И что теперь он готовится стать димедом-лекарем...

Стыдоба — так бояться Непорочных, как боится он — до икоты, до дрожи в коленках. Позорище. И все эти восемь лет его борьба с ненавистным утробным страхом оказывалась тщетной. Когда Бренн встречал жрецов или эдиров, на него накатывала душная волна паники. Несколько раз это закончилось тем, что он обмочился как младенец... и до ночи прятался в мокрых штанах за ящиками у старых доков, чтобы никто не увидел его позора. Ведь если бы прознали, что приемыш кузнеца с переулка Утопленников — жалкий ссыкун, трясущийся от вида хламиды Непорочного, житья не стало бы вообще. Лишь годам к семи Бренн научился справляться со своим мочевым пузырем при виде служителей Ордена, но гложащий страх перед ними никуда не делся.

А теперь, — когда пульсирующую внутри него ядзу обнаружил поганый врачеватель Барнабас, он вообще не понимал, что делать. Однако, страх перед Непорочными и ненависть к Верховному Жрецу смешивались с острым желанием стать таким же сильным, как они. Нет, не таким же. Сильнее. Чтобы отомстить, чтобы заставить их дрожать и ссать в штаны при взгляде на него, Бренна. Чтобы стать могущественным и неслыханно богатым. Все так просто.

Нельзя признаваться. Даже если ему поверят, что он всего лишь наивный тупой простолюдин, недавно ставший совершеннолетним и еще не узнавший всех правил Ордена, его используют как «овцу» и выдают досуха. Непонятно только, что говорить и как правильно себя вести во время проверки в Доме Правосудия, — оставалось надеяться на мольбы старой Ойхе.

\*\*\*

Когда таверна наполовину опустела, а часть посетителей заснула, уткнувшись лбами в лужи эля и синюхи, Бренн, кивнув бдящему у дверей Дриффе, скользнул за дверь. В густых предутренних сумерках еще горели фонари, освещавшие путь до Храмовой площади. Он нерешительно поднялся по стертым ступеням Храма Светлосияющего Жизнедателя Синдри к высоким приоткрытым створам, между которыми пробивалось теплое сияние.

Войдя внутрь огромного высокого зала из черного мрамора, Бренн невольно прищурил глаза, спасая их от слепящего белого пламени огненного шара Синдри. Шар горел, искрил и угрожающе шипел во рту огромной — до самого свода — темно-красной головы Бога, вокруг которой спиралями вились такие же кроваво-красные пряди. Лица Жизнедателя нельзя было разглядеть за выпускаемым из его рта светом, так он был ярок. Чем ближе Бренн подходил к голове Синдри, тем нестерпимее становился жар. Он остановился у края широкой черной трещины, которая разрывала темно-красные плиты пола, уходя вглубь древнего фундамента,

и отделяла смертных от испепеляющего огня Синдри. Прикрывая глаза ладонью, Бренн размахнулся и бросил монеты в гудящий светящийся шар — в распахнутый рот Бога.

— Жизнедатель принял твой дар, юноша, — раздался спокойный голос за спиной. Бренн оглянулся — старый служитель со сморщенным, как сушеный абрикос, лицом, доброжелательно смотрел на него, скрестив морщинистые желтые кисти рук. — Но помни — это вовсе не значит, что Бог простит смертному его злодеяния.

Озадаченный словами служителя Синдри, но радуясь ночной прохладе, остужавшей горящее лицо, Бренн решил навестить еще и Бога Удачи, чтобы попросить дополнительную защиту, — не помешает... Даже самому себе он не признавался, что испытывает к горбатому Перу-Пели больше симпатии, чем к всемогущему, но безликому Синдри.

Проходя мимо Храма Плодородия, Бренн не сумел отвести глаз от древней статуи богини-покровительницы с головой свиньи и двумя рядами длинных сосцов на выпирающем брюхе. Возле статуи на цепи сидели две храмовые порхи с отрезанными носами, виновные в умерщвлении плода. Когда-то они были свободными женщинами. Вместо ноздрей на их лицах чернели дыры, напоминая тупое свиное рыло. В обеих руках они держали упитанных поросят, присосавшихся к их разбухшим от молока грудям. Четыре раза в год — в Дни плодovitости — жрецы заставляли их отдаваться любому, кто пожелает. Если они беременели, после родов у них сразу отбирали малюток, и вместо того, чтобы кормить молоком родное дитя, им приходилось вскармливать новорожденных хрюшек.

Бог удачи и добрых чаяний, хромоногий горбатый Перу-Пели стоял на небольшой Башенной площади, зажатой меж высоченных домов-башен с узкими высокими окнами. Статуя была вырублена из грубого серого камня с мерцающими золотистыми прожилками. Перу-Пели стоял, перекосившись на один бок и опираясь на шишковатый посох. Из-под полей старой шляпы был виден лишь кончик приплюснутого носа и растянутый в приветливой улыбке большой рот. На плече у Бога удачи сидела маленькая птичка, похожая на певчего желтоголового королька. Привстав на цыпочки, Бренн дотянулся до кончика сапога Перу-Пели и потер шероховатый, теплый на ощупь камень. Сапог веками терли тысячи тысяч пальцев, и теперь его носок стерся, но Перу-Пели, похоже, все было нипочем. Этот старикан нравился Бренну — он ничего не обещал и ничего и не просил — ни денег, ни жертв. Но его кривоватая улыбка здорово ободряла.

\*\*\*

Стараясь не скрипнуть дверью, Бренн прошел в кухню, и тут же наткнулся на мрачный взгляд опекуна. Морай сидел у открытого окна, откуда тянуло ночной свежестью. Судя по висящим под потолком клубам дыма массарского табака, сидел так он давно. — Скоро рассвет. Собирайся, раньше пойдем — раньше вернемся.

Голос кузнеца звучал спокойно, но Бренн чувствовал душный запах скрываемого страха, который сгущался вокруг Морая. Чего он так боится? Ведь Морай не подозревает о проснувшейся у Бренна ядзу — с чего же так беспокоится насчет проверки у Непорочных? Или он все же не поверил, когда Бренн рассказал ему свою, подправленную историю того, что произошло в доме Ри.

Как только забрезжил бледный утренний свет, они молча двинулись к Дому Правосудия Ордена Непорочных, или иначе — к Пирамиде, как его называли в Нижнем городе. Напротив старинного Королевского Суда, где выносили приговоры по уголовным делам и бытовым преступлениям, не относящихся к незаконному использованию ядзу, высилось древнее массивное здание из черно-серого гранита. Его форма напоминала усеченную

пирамиду с выступающими каменными террасами, по которым неспешно прохаживались жрецы, что-то обсуждая и надменно посматривая на суетящихся внизу человечков. Ко входу, зияющему темной пастью меж тяжелых дверей, вела широкая крутая лестница с высокими ступенями, на которых образовалось три очереди.

Здесь находились только простолюдины Бхаддуара и окрестных городов, а представители знатных семейств, владевшие яджу, проходили проверку в Розстейнар. В Нижнем городе ходили упорные слухи, что благодаря светлой искре Элмеры Милостивой, гнилых уродов среди придворных или семейств, близких к королевскому двору, выявляли очень быстро. Причем казни урхууд из высшей знати проводили на площади Искупления в особые дни, и они были весьма кровавыми и зрелищными к удовольствию худородных. Ведь в Лааре все подданные равны, если речь идет о гнилой яджу, и нигде не скроется скверна, — ни в лачугах Канавы, ни в особняках Розстейнар. И так было и будет во всех землях и провинциях Лаара.

У подножья лестницы подходящих встречали трое бесстрастных стражей и преисполненный важности долговязый эфеб, года на три старше Бренна. В руке юноши — бронзовый жезл, над бровью — три красные точки — хринг ученика Непорочных третьего года обучения. — По какому делу? — он пренебрежительно глянул на Бренна. Тот молча протянул эфебу уведомление, которое было прочитано очень внимательно.

— Так значит, ты — худородный, подозреваемый в гнили, как здесь написано, а может быть, и скрывающийся урхууд? — скривил губы ученик жреца и, прищурившись, смерил Бренна многозначительным пристальным взглядом. Похоже, эфебу казалось, что подобным взглядом он пронзает обвиняемого насквозь и видит его гнилую суть.

— Что ж, посмотрим, худородный, — эфеб сделал ударение на этом слове, — выйдешь ли ты отсюда, раз добровольно не явился пройти проверку на скверну, как вон те законопослушные подданные, — он указал бронзовым жезлом на людей, стоящих в очереди по центру лестницы. — И тем более, не сознался сразу в запрещенных актах чудодействия, — добавил он. Долговязый явно наслаждался властью, то и дело поигрывая жезлом.

— Нет во мне никакой скверны. Это ошибка, — хмуро буркнул Бренн, стараясь не смотреть в глаза ученику Ордена и не выдать острое желание сломать ему длинный нос. Он вполне осознавал, что его злость на эфеба вызвана не только унижением, но и обычной завистью... Да, он смертельно завидовал этому ученику Непорочных — отпрыску благородного дома. Ведь тот скоро станет жрецом, хотя ему достались лишь жалкие капли дара — Бренн сразу почуял исходивший от парня жидкий запах яджу, напоминавший запах старого сыра.

— Встань сюда, подозреваемый, — эфеб указал жезлом в левую очередь, и отвернулся, дернув плечом. Оглянувшись на сжавшего губы Морая, Бренн присоединился к длинной веренице ссутулившихся и прячущих глаза людей, которые медленно поднимались по высоким ступеням и исчезали в черном провале дверей, поглощенные ненасытным брюхом Пирамиды. Среди простолюдинов обоего пола, включая мастеровых, селян, ремесленников, выделялись фигуры хорошо одетых зажиточных горожан, врачей, купцов, учителей и аптекарей. Но всех присутствующих в этой очереди роднило одинаковое выражение лица — растерянное, пришибленное, как у порхов, выставленных на торгах у Старого порта. Они боялись. Но Бренн боялся сильнее всех, то и дело оглядываясь на Морая, оставшегося у подножья лестницы. Он сказал, что будет его ждать. Ждать, сколько потребуется.

— Трясешься, недоросль, — с удовлетворением отметил дородный торговец с ухоженной навощенной бородкой, стоящий напротив Бренна в центральной очереди, где находились те, кто добровольно пришел заявить о замеченных у себя признаках яджу, страстно надеясь получить статус димеда.

— Правильно трясешься, — не успокаивался мужик, — надо было самому идти проверяться, а не ждать, когда тебя сцапают. Тогда бы стоял среди нас — благонадежных горожан...

— Да откуда тебе-то знать! Мож мы тут благонадежнее тебя, дурака. И не найдут в нас никакой скверны! — зло огрызнулась пожилая женщина за спиной Бренна, судя по одежде — небогатая селянка.

— Ээ, нет, тетка! Вы тут в этой очереди все подозреваемые, так что попридержи язык-то, уж я по твоим глазам бесстыжим вижу, что ты гнилая насквозь... — разъярился торговец, распрямив плечи и выпятив грудь. Ощерив зубы, женщина шагнула к нему, нацелившись вцепиться в глаза, но вмиг оказавшийся рядом вооруженный эдир грубо оттолкнул ее, ткнув в грудь тупым концом копья. Торговец заухмылялся, но страж вовсе не собирался разбираться, кто прав, кто виноват, и, схватив того за ухоженную бороду, швырнул, как пустой мешок, в самый конец очереди «неблагонадежных», где стоял Бренн и та самая селянка. — Стоять здесь! Молчать!

Мужик с кусками выдранной бороды, всхлипывая, заворочался на нижних ступенях, прикрывая ободранное лицо от злорадных взглядов. За то время, пока Бренн стоял в очереди, он наслушался столько всего и со всех сторон, что ему стало еще хуже. О многом он уже знал, но здесь, на ступенях, ведущих в Пирамиду, на него вывалили столько подробностей, что он почти захлебнулся в них, но все же пытался разложить все по полочкам.

Ясно, что в случае обнаружения яджу, будущее человека зависело от того, какого рода сила в нем жила. Если он оказывался «пустышкой», то есть у него вообще не находили искры Жизнедателя, то его отпускали, — Непорочные были справедливы. За их беспристрастностью внимательно следила Элмера Милостивая, не позволявшая обижать невинных.

У носителя слабой яджу, добровольно прошедшего проверку, появлялся шанс на сытую обеспеченную жизнь, если он получал статус димеда и право работать под контролем Ордена. Потому люди в левой и центральной очереди с нескрываемой завистью поглядывали на проверенных и зарегистрированных димедов, стоявших справа. На висках у деревенских знахарок, кукольников, учителей, дождевиков и земляных лекарей — умельцев по земледелию, человечьих и звериных лекарей, кулинаров и слепцов-поводырей, — чернели хринги в виде копыта, как у бабки Дуги. Чернокопытники держались уверенно и с достоинством. Правда, димед, не способный заплатить ежегодный взнос, терял право использовать искру. А его хринг просто срезали с кожи. Однако, любое дело, где пользовались яджу, было прибыльным, уважаемым, и люди вновь шли к Дому Правосудия за разрешением, подставляя виски для повторного нанесения «черного копыта».

Если Судьи видели сильный дар у простолюдина, то бедолагу ждало многолетнее пребывание в подземном Узилище. Там проводили так называемые процедуры Очищения, во время которых жрецы подвергали несчастного разным испытаниям. А главное, как и говорила старая Ойхе, — «доили яджу» до тех пор, пока «очищаемый» или попросту «овца» не становился пустышкой со свернутыми мозгами. Именно такого исхода и опасался Бренн, с тоской глядя на вход в Пирамиду. В сырых темных камерах Узилища, что находилось в

подземельях Дома Правосудия, ждали своей участи, обвиненные в скверне. На верхних ярусах томились в темницах те, у кого еще имелся шанс вырваться отсюда после Очищения и оправдания. Ниже шли лабиринты с многочисленными камерами для узников, приговоренных к пожизненному заключению. В период обильных зимних дождей преступники сотнями тонули в холодных смрадных водах, смешанных с фекальными нечистотами. И тогда камеры освобождались для новых обвиненных.

А что ждет его? Рубаха давно была мокрой от пота — Бренн не мог думать ни о чем, кроме предстоящего испытания. Искра его сильна — значит, самый «благоприятный» исход — стать «овцой»! Все его существо вопило, протестуя против такого результата.

Но самое страшное случится, если дознаватели выявят правду о том, что он уже сделал с помощью ядзу... Тогда жуткой казни, о которой упоминала ехидная Мелена, не миновать. Его объявят урхудом — закоренелым, погрязшим во тьме, гнилым уродом, не признающим власть Светлосияющего Синдри — и все близкие и знакомые возненавидят и отвергнут его.

Но он не урхуд! Он же не поклоняется чернобогу Калибаа, как это делают носители гнили, что вовсе не считались людьми. Бренн сам ненавидел их. Ведь чтобы получать все больше скверной силы, они вредили всем подряд любыми способами, насылали мор и болезни, вырывали плод у беременных, наводили порчу, мучительно умерщвляли младенцев. Именно чернобогу Калибаа приносил в жертву детей страшный король древности Чарлаг.

Бежать? Смешно до горьких слез. Поганый Барнабас был прав — на охоту за гнилыми уродами, как и за беглецами, избегающими проверки на скверну, тут же отправлялись Ловчие, и тогда пойманных ждала позорная и мучительная смерть на Площади Искупления.

\*\*\*

Бренн не отрывал глаз от наружных дверей, за которыми открывался короткий проход, а после него, за внутренними дверями — темная кишка коридора, ведущая в чрево Пирамиды. Солнце беспощадно жгло макушку, часы на башне возвестили о приходе полудня — значит, он стоит в очереди уже почти семь часов. Оглянулся, посмотрел вниз — стоявший далеко внизу Морай приподнял ладонь — «я здесь, я жду».

До портика перед дверями, где на вереницы прибывающих взирал жрец-распорядитель в длинной тоге, оставалась пара десятков ступеней. Бренн разглядел хринг над бровью Непорочного — всего один черный коготь. Свой низкий статус в иерархии Ордена жрец, похоже, пытался компенсировать внешними достоинствами — хламидой из шелковистой лиловой ткани и серебряными наперстками на пухлых пальцах. Изысканно выстриженная борода не скрывала полные напмаженные губы, сложенные вишенкой. Окрашенные хной, стянутые на темени волосы, были сколоты золотой бареттой.

Женоподобный толстяк выглядел смешно рядом с могучими мускулистыми эдирами. Их тяжелые трезубцы и тулвары с широким клинком напрочь вышибали мысли о неповиновении. Однако приказам толстяка стражи подчинялись торопливо и беспрекословно. Внутрь пропускали столько человек, сколько пальцев показывал распорядитель, который не произносил ни слова и даже не глядел на поднимающихся. Воспитанник-эфеб находил в свитке имена и отмечал, громко называя их жрецу.

Бренн сделал шаг на предпоследнюю ступеньку, когда к Дому Правосудия подъехала легкая коляска, а за ней — глухая повозка, с торца закрытая решеткой, окруженная группой из шести конных Ловчих. Вокруг тут же собралась гомонящая толпа зевак с горящими от жадного интереса глазами. Народ в очередях, как по команде, также развернулся, боясь упустить что-то важное. С мягкого сиденья коляски степенно сошел Непорочный,

поддерживаемый двумя эфебами. Его взгляд поверх голов устремился к Распорядителю у входа, и стражи стали отталкивать людей древками трезубцев к краям лестницы, чтобы полностью освободить проход. Жрец уселся в портшез, и четверо порхов осторожно подняли и понесли его вверх. А из повозки за веревку на шею вытянули босую беременную женщину в одной рубахе. Ее рот был забит пробкой, руки связаны за спиной.

— Ловчие схватили гнилушку! Урхуд! — вонзились в уши крики из толпы. То и дело оступаясь, беременная тяжело поднималась по ступеням, Бренн видел ее уродливо растянутые пробкой губы и раздуваемые от нехватки воздуха ноздри. Народ шарахался, делая оберегающие от скверны знаки.

— Чуешь, как от нее холодом-то веет, — услышал Бренн за спиной громкий шепот.

— И не говори, прям будто душу высасывает, тварь, глазами-то как ворочает, стерва... Видать, ищет-ищет, кого бы сгноить... И ублюдка своего, поди от храфна поганого зачала, паскуда брюхатая...

За женщиной из повозки вытолкнули здорового верзилу, и Бренн в недоумении замер — несмотря на разбитый распухший нос и ротовую пробку, искажающее черты лица, человека невозможно было не узнать.

— Да это же Сирос — помощник пекаря... — услышал он громкий возглас снизу.

— Хрень какая! — в другом голосе слышалась растерянность, — кой кукиш пекаря-то угораздило попасть в темные уроды? Кобелина он, конечно, знатный, но окромя этого за ним вроде ничего такого не водилось...

Бренн не верил глазам — Сирос — урхуд? — это же курам на смех. Кроме похоти, обжорства, да ябедничества его не в чем было обвинить... Оттянутые назад плечи и скрученные ремнем локти за спиной доставляли парню сильную боль, и его громкие стоны хорошо слышались в повисшей тишине. Когда мимо вели беременную, Бренну даже не пришлось напрягаться, чтобы уловить слабый запах яджу с оттенком древесной коры. Но это был чистый светлый запах, в нем не было примеси грязи и скверны.

Перед жерлом коридора женщина вдруг остановилась, издавая странные горловые хрипы, будто давилась чем-то. По ее ногам потекла моча. Распорядитель резво отскочил, с отвращением глядя на ее торчащий из-под рубахи живот и выпирающие груди. — Жаль, что нельзя вытащить пробку из твоего поганого рта, гнилая уродка, — прошипел он. — Иначе ты бы языком вылизывала сейчас свои мерзкие выделения.

От праведного гнева кончик его носа дрожал, а полная верхняя губа вздернулась, обнажая мелкие выбеленные зубы. Стражник толкнул урхуд в спину древком пики, заставляя идти дальше, а из-за двери на четвереньках выползли две порхи, и, почти касаясь лицами пола, стали вытирать лужу и мокрые следы за преступницей. Затем в дверь втолкнули скулящего Сироса, от которого едко и кисло воняло потом и ужасом. Бренн отвернулся. Наверное, и я также воняю страхом... — мелькнуло в голове. Он нашел глазами опекуна, почти потерявшегося среди толпы зевак. Тот кивнул ему, но легче не стало.

Тут эфеб сделал знак, чтобы Бренн поднялся на площадку портика, и он шагнул на последнюю ступень. Скользя равнодушным взглядом над головами людей, что ожидали на ступенях, распорядитель молча показал один палец. От Непорочного повеяло давно скисшим молоком. Бренн невольно поморщился и про себя усмехнулся — этому похожему на бабу жрецу никогда не подняться до следующего ранга. Нажав на плечо Бренна жезлом, эфеб велел: — Идешь вместе с уродами в Судейский зал!

Главный коридор, освещенный тусклыми красными светильниками, ветвился

множеством отходящих от него узких коридоров с дверями, рядом с которыми стояли ссутулившиеся фигуры просителей. Первым эдиры поволокли пекаря, который мелко семенил, скрючившись в три погибели, так высоко вздернули ему за спиной запястья. Следом вели скулящую женщину и Бренна. Страж постоянно подталкивал его в поясницу древком короткого копья, но идти быстрее не получалось — перед Бренном еле передвигала ноги несчастная беременная, и при толчках он едва не утыкался ей в спину.

Как заклинание, в голове билась единственная мысль — пусть они найдут совсем хилую искру! Слабую и жалкую... Пусть будет так!

## Глава 8. Суд яджу

Гулкий зал Судейской встретил подозреваемых стылым холодом и густым сумраком. Любой звук, — будь то слово, шепот, всхлип или шлепанье босых ног — многократно отражался от стен. Всех поставили перед высоким каменным подиумом, где за длинным столом сидело трое Непорочных. Их лица были закрыты белевшими в полутьме масками с черными дырами для глаз. Лежавшие перед Жрецами свитки и документы освещались бледно-синим светом низких ламп. На пекаря Бренн старался не смотреть, да Сирос будто и сам не узнавал его — смотрел в одну точку стеклянными глазами и стонал.

Бренн всей кожей ощущал, как белые маски бесстрастно сверлят его черными прорезями глаз. По потному телу от холода бегали мурашки, заставляя напрягаться еще больше. Бренн покосился на промокший подол рубахи стоящей рядом беременной — только бы не обоссаться, как в пять лет. Такой позор станет тут же известен и в кварталах Нижнего города.

Женщину вытолкнули вперед. С низкого сводчатого потолка на нее хлынул столп белесого света, и она оказалась в центре светового пятна. Холодный голос, казалось, раздался со всех сторон, и кто из Судей произносил слова, было непонятно: — Марта Шрин, двадцати лет, повитуха. Безмужняя, трое детей.

Повисла долгая мучительная пауза, и Голос вновь загредел под сводами: — Шрин обвиняется в сокрытии и применении гнилой яджу. Проверка в Испытательном Рауме не требуется, поскольку двадцать благонадежных свидетелей подтвердили, что Шрин принудительно изымала плод из чрева женщин, сжигала ядовитые травы, крысиный помет, когти птиц и окуривала рожениц их дымами. Поила зельем со змеиными и жабыми головами. Имела сношения с темными сущностями, от которых, возможно, родила своих отпрысков, вываривала живых младенцев, принося их в дар черному Калиба.

Бренн онемел от кошмарности предъявляемых Марте Шрин обвинений и тому, что дознаватели даже не собирались проводить проверку — они просто поверили на слово людям, которые донесли на нее. Женщина завывала, замотала головой, отвергая сказанное судьями, но Голос обрушился на нее с новой силой:

— В соответствии с Кодексом, Марта Шрин, как гнилая урхуд, — безликий судья опять сделал долгую паузу, и женщина затряслась, — приговаривается к публичному вырезанию языка, ослеплению, и последующей казни посредством длительного копчения над углями.

Снова пауза, и снова гредел бесстрастный голос, от которого гудела голова: — Выношенный и оскверненный гнилью плод, будет уничтожен вместе с ней. Детей гнилой особи Шрин проверят на заражение гнилью. Если они чисты, то их разделят и передадут для должного воспитания в Детские гнезда. При наличии в них скверны Очищением несовершеннолетних Шрин займутся Воспитатели Ордена Непорочных.

Как только эхо последнего слова стихло, на левой стене с лязганьем стала открываться ранее не видимая и внезапно резко освещенная в полумгле зала узкая Черная дверь. Беременная замычала, закинув голову, скрючилась, и пол обильно залило околоплодной жидкостью. Ноги роженицы подкосились, и она, не сумев упереться в пол из-за связанных за спиной рук, рухнула животом на плиты пола. Равнодушные эдиры, зацепив крюками веревки, опутывающие ее запястья, и почти вывернув из локтей руки, поволокли беременную к Черной двери. Рубаха на ней задралась, оголив огромный живот и белеющие в полутьме

ляжки, залитые кровью и родовыми водами. Кричать она не могла — пробка надежно затыкала ей глотку.

— Следующие двое! — заскрежетал под сводами Голос. Слепой, пронизывающий до пяток ужас пронзил Бренна. Тычок в спину, мертвенный свет ударил в глаза.

— Бренн Ардан, ученик кузнеца, тринадцати лет, подозревается в сокрытии гнили и преступном использовании ядзу. Сирос Лон, пекарь, тридцати лет, — обвиняется в умерщвлении с помощью гнилой ядзу мясника Джока Фубани шестнадцати лет.

Бренн не мог вздохнуть — казалось, что в желудок упал комок льда. Сироса обвинили в убийстве гнусавого Джока! Дерьмо, какое же дерьмо!

— Для подтверждения обвинения будет проведена немедленная проверка обоих подозреваемых на скверну в Испытательном Рауме.

Через низкую арку их провели в соседнее помещение. Большой Зал Испытательного Раума был заполнен устрашающими железными конструкциями, приспособлениями, похожими на пыточные инструменты, множеством змеевидных и спиральных труб, стеклянными шарами, в которых плавали желтоватые слизистые комки, и большими игловидными кристаллами. Страх еще больше усиливался от дрожащего бледно-зеленого света, который исходил от плоских настенных светильников, забранных решетками.

В Рауме было еще холоднее, чем в Судейской, но Бренна и Сироса толкнули к покрытой ржавчиной железной скамье и велели полностью раздеться. Вдоль зала стояли ряды странных механизмов, представляющих собой три скрещенных железных кольца с длинными шипами по окружности, направленными в центр. На шипах тускло светились мелкие стекла синего цвета. Обнаженных испытуемых толкнули к двум соседним устройствам.

— Пробку! — рявкнул старший Дознаватель, указав на дрожащего Бренна.

Стражник крепко схватил Бренна за уши и запрокинул ему голову, второй с силой нажал пальцами под скулами, причинив острую боль. Бренн непроизвольно открыл рот, и язык тут же прижало изогнутым концом ротовой пробки. Он стал давиться, но помощник дознавателя продолжал проталкивать пробку ему в пищевод, царапая язык и горло, пока она не вошла полностью. Челюсти болели, дышать стало тяжело, сглотнуть слюну — невозможно.

Ему велели встать на узкую решетку в центре механизма, стиснули шею, запястья и лодыжки широкими ремнями. Служитель нажал на рычаг, решетка резко опустилась, и Бренн повис на ремнях. Еще одно нажатие и ремни на щиколотках дернули вниз. Его растянули крестом, и он завис как муха в паутине из ремней и железок, не имея возможности шевельнуться. Видя напротив растянутое ремнями дебелое тело Сироса, похожее на огромную бледную медузу, Бренн зажмурился. Он старался уговорить себя, что весь этот кошмар происходит не с ним.

Служитель достал маленький, похожий на коготь, нож, и, полоснув Бренна по животу над пупком, стал собирать его кровь в склянку. То же самое проделали и с Сиросом. Было больно и страшно. Еще неприятнее стало, когда голову зажали между двух металлических дисков, а кожу в области сердца и пупка оттянули и зажали холодными шипастыми железками, от которых тянулись длинные, скручивающиеся шнуры.

Дознаватель нажал на рычаг, и, противно скрежеща, кольцо, где висел Бренн, стало вращаться против солнца, постепенно ускоряясь. Грудь и живот жгло так, будто туда вонзили раскаленные штыри, тело выгибали судороги. И чем быстрее вращалось кольцо, тем сильнее становилась боль. Казалось, что его вот-вот разорвет на части. Кричать он не мог —

пробка плотно запечатала рот, растягивая челюсти. Вращение повторяли несколько раз, и каждый раз болезненные ощущения менялись, но не становились слабее.

Когда механизм, наконец, остановили, Бренн затрясся от холодного пота, лившего с него ручьем. С трудом открыл крепко зажмуренные глаза. Перед металлическим столом Старший дознаватель, держа склянку с его кровью, добавлял в нее дымящуюся желтую жидкость. Потом что-то капал и мешал, внимательно наблюдая за процессом. Затем быстро защелкал бронзовыми шариками на причудливом инструменте, похожем на счетную доску абакус. Это длилось несколько минут, которые показались бесконечными, пока Бренн, сверлил глазами затылок жреца, ожидая результата испытания.

— Этот пустышка! — бросил дознаватель помощникам, равнодушно кивнув в его сторону. У Бренна вырвали изо рта пробку, ободрав горло, отстегнули от устройства и столкнули с решетки. С трудом натягивая одежду на мокрое тело, он продолжал трястись. Этого не может быть! — в нем не обнаружили даже слабой ядзу, не нашли и следа скверны...

Тем временем, Дознаватель проделав те же процедуры с кровью Сироса и пощелкав шариками на абакусе, подошел к обвисшему на ремнях пекарю. Громко и, казалось, с тайным удовольствием, он огласил результат проверки:

— Гнилой урод!

Этого тоже не могло быть! Ведь Сирос пуст, как вылаканная пьяницей до дна бутылка синюхи... Пекарь завыл, задергался, его опухшее лицо стало красным, он хрипел — пробка затыкала его горло, а через сломанный забитый кровавыми корками нос почти не проходил воздух. Сдернутому с решетки Сиросу не позволили одеться и голым погнали в Судейскую.

— Гнилой урхуд, ранее считавшийся горожанином Сиросом Лоном, — пронзил зал холодный гулкий голос, — обвиняется в убийстве Джока Фубани. За ужасное преступление с применением ядзу он приговаривается к публичным пыткам и медленному прокалыванию его тела тупым колом через задний проход. До процедуры наказания в течение трех дней урхуд будет находиться в карсере без еды и питья. Ротовую пробку удалять не рекомендуется, дабы не подвергать отравлению людей ядовитыми миазмами.

В бесстрастном голосе судьи Бренн слышал нотки тщательного скрываемого удовольствия при перечислении мучений, ожидающих невинного пекаря. Сироса позорно и мучительно казнят. За то, чего он не совершал.

— Исполнение приговора над гнилыми уродами Шрин и Лоном назначается на день отдохновения с предварительным оповещением всех жителей Бхаддуара, желающих принять участие в их наказании.

Воздух превратился в смердящий кисель — от ужаса Сирос обделался, и по его рыхлым толстым ляжкам потекли испражнения. Скривившиеся от вони эдиры без жалости вонзили копы в грязные ягодицы Сироса, и, когда он упал, потащили крюками к Черной двери. Бренн видел, как содрогалось бледное тело пекаря, а на полу оставались пятна крови, смешанные с фекалиями. Но дурной запах, похоже, не доходил до ноздрей судей, не проявлявших никаких признаков отвращения, — ядзу надежно охраняло их от вони, стонув и воплей, веками наполнявших этот зал.

Затем голос равнодушно произнес: — Бренн Ардан, ученик кузнеца, объявляется невиновным.

И опять — будто легкое разочарование промелькнуло в безликом голосе судьи. Стражник толкнул Бренна в спину, направляя к правой — Зеленой двери — в Судейском

Зале. Она вела прочь из Пирамиды, на воздух, на волю! Неужели кошмаркончился? Ноги подкашивались. Горло драло, язык был сухим и шершавым. Натыкаясь на ползающих порх, усердно отмывающих обгаженный пол, Бренн, как пьяная мокрая мышь, двинулся к выходу.

С трудом открыл тяжелую скрипящую дверь, и свежий, пахнувший солью и пряностями ветер омыл его с ног до головы. Ощущение было такое, будто он вырвался из сырого затхлого подземелья. Теплый бриз обдувал тело, смывая с сердца грязь, боль и унижение. Ему повезло, неслыханно, невозможно повезло! Жизнедатель или Перу-Пели спас его? В ответ на его просьбы или на мольбы старой Ойхе? Это не столь важно — главное, что его оправдали — значит, он чист и ни в чем не виновен.

Но за что же наказан бедняга Сирос?

Как за что — Судом доказано, что он убил Джока! Значит, пекаря видели у Трех Углов, когда порешили Гнусавого мясника. Значит, все так и есть...

Бренн повторял и повторял эти правильные утешающие слова, но тут, налетевший из прошлого холодный ветер, несущий мерзкие запахи дерьма и крови, ударил его в лицо...

\*\*\*

Он стоял на пяточке у Трех углов напротив здорового, как откормленный кабан, Джока, желавшего отомстить за выбитый в последней драке зуб. Гнусавый зло скалил щербатый рот, рычал, делал обманные выпады, резко взмахивал ногами в новых кожаных сапогах... Но сегодня рядом с ним не было его кузенов. Именно на это Бренн и рассчитывал. Он давно знал — именно этой короткой дорожкой, проходящей через проулки и Три угла, сын мясника таскается в Веселый дом потешиться с хусрами. Причем ходит Джок один, избегая лишних пересудов, поскольку его отец уже сосватал ему перезревшую толстомясую дочь богатого ювелира, и очень дорожил связями с ее семейством.

Бренн кружил вокруг Джока, держась на расстоянии, обзывая грязным боровом и добиваясь, чтобы тот вошел в раж. Времени для осуществления плана было в обрез, да еще то и дело приходилось посматривать в узкие проулки меж глухими стенами трех высоких домов — не идет ли кто. Здесь и днем не появлялось солнце, а сейчас — после заката, тени сгустились еще плотнее...

Уворачиваясь от массивных кулаков мясника, Бренн старался сильнее разъярить его, давно зная, что при всей своей неповоротливости, в уличной драке Джок весьма неплохой боец с длинным тяжелым ударом. И верзила подтверждал свою репутацию — скользкий удар по печени чуть не вышиб из Бренна дух, отбросив к стене. Ничего, это ничего — главное, чтобы на лице не осталось следов.

— Проси пощады, ублюдок хусры, — заржал Джок, видя, что враг держится за бок, тяжело дыша. Но Бренн преувеличил свои страдания. Резко оттолкнувшись от стены, прыгнул вперед и харкнул в глаз предвкушающему расправу Джоку. Мясника перекосило от бешенства и, бросив быстрый взгляд по сторонам, он выхватил из поясных ножен за спиной короткий треугольный чинкуэда. Этого Бренн и дожидался.

— Ползи ко мне на коленях, урод канавочный, я отрежу тебе твой сраный стручок... а потом — трахну тебя, как трахал, кто ни попадя, твою поганую хусру мать... — заревел Джок и пошел в атаку, перехватив кинжал обратным хватом. Бренн знал, что молодой мясник, годами кромсавший туши свиней, в ножевой драке слыл мастером, пользуясь чинкуэда редко, но метко. И осторожно — калеча, но не убивая. Слишком суровы законы Лаара к убийцам. Но сейчас Джок созрел...

Под ложечкой привычно зажгло, будто в желудок хлынула неразбавленная синюха.

Ярость и обоснованное опасение, что Джок выполнит свою угрозу, ускорила выброс ядзу. Дождаясь этого момента, Бренн копил ее несколько недель, сдерживая и стравливая по каплям. И сейчас нутряной жар вмиг поднялся, забился в глотке и, опалив губы, жгучей струей выплеснулся в сторону врага.

Оскалившись, Джок сделал широкий шаг к Бренну, и вдруг, будто подавившись, схватился за горло. Он сипел, пытался откашляться, кружась на одном месте, но, даже задыхаясь, пытался достать кинжалом отскочившего Бренна, который с восторгом и ужасом наблюдал за гневом взбесившейся ядзу.

Глаза мясника наливались кровью, вылезая из орбит. Разевая рот, как рыба на берегу, он хрипел, в кровь раздирая себе толстую шею в попытке хлебнуть хоть глоток воздуха. Но тут из ноздрей и ушей Джока хлынула кровь. Бестолково пятясь, парень наткнулся спиной на глухую стену и сполз на землю. Под его штанами медленно расползлась бурая смрадная каша. Мясник задергался, как в припадке, засучил ногами, скребя по булыжникам каблуками новых сапог, и вдруг замер с широко разинутым ртом... В Бренна вперились выкатившиеся глаза с дорожками крови из лопнувших сосудов.

Оглядываясь и дрожа от выплеска адреналина и нарастающей паники, он подошел и ткнул Джока носком башмака.

— Эй, ты, скот толстомясый, вставай! Вставай, Джок!!! — заорал он, почти теряя сознание.

Но Джок не хотел вставать. Он умер.

\*\*\*\*

— Ты чего, — схудилось? — глухо, будто сквозь воду, донесся голос Морая. Бренн вздрогнул, чувствуя, как на потный запеек опустилась шершавая ладонь. Потряс головой.

— Да, нет... да... немного... Чуть не сдох там...

— Но ведь не сдох, — похлопал его по спине кузнец, — и даже вышел на своих двоих в нужную дверь!

— Они ничего не нашли, афи. Ничего!

— Понятное дело, что не нашли... — Морай глубоко вздохнул, — хорошие вести, очень хорошие... — В его голосе звучало явное облегчение. Он выпрямил спину, и, сунув в зубы трубку, с наслаждением затянулся.

— Ну что, ученик, пошли заморим червячка, — с вечера ведь крошки во рту не водилось...

— Попозже, афи... сейчас только пить хочется — море бы выхлебал... — Подскочив к питьевому фонтанчику на углу, Бренн жадно хватал ртом холодную струю, от которой ломило зубы, и не мог остановиться — казалось, что за эти часы из него выдавили всю воду, весь воздух и всю кровь. А в голове, не стихая, бубнили два голоса:

— Джок сам виноват. Сам. Он обливал помойными словами мать, он был готов распотрошить меня. Я защищался!

— Хрень все это! — возражал второй голос. — Ты неплохо уворачивался и спокойно мог бы удрать, не подпустив его к себе и не дать вспороть брюхо. Ты сам ярил его, чтобы он дал тебе повод использовать твою сраную ядзу!

— Я не собирался убивать, просто... да, хотел испробовать ядзу на этой скотине, но...

— Хрень! Ты давно выслеживал его, узнавал, выжидал, чтобы подловить его здесь одного, в глухом месте. Ты все рассчитал, копил ядзу, и даже не пытался сдержать выброс, потому что знал, что, если Джок уцелеет, то сразу сообщит Непорочным. Ты хотел убить и

убил.

— Джок был дерьмом. Паскудой!

— Еще какой! Только вот паскуда Джок никого не убивал. В отличие от тебя...

— Мало того, — продолжал долбить голос, — ты еще и Сиросу погубил, ведь именно ты виноват, что из-за тебя страшной смертью умрет невинный опозоренный пекарь.

— Это случайность! Я не хотел! Кто-то донес на него, просто сводя счеты...

— Само собой, кто-то донес... Но это будет случайностью, если ты пойдешь и признаешься в убийстве мясника до того, как его насадят жопой на кол...

— Но тогда казнят меня!

— Само собой... Само собой...

Странно, но сразу после убийства, Бренн чувствовал себя очень даже неплохо. Совсем не так, как после лечения Дуги, когда его мутило и ломало. Конечно и сейчас его здорово колбасило, но больше от перевозбуждения и страха, что его схватят. Убивать оказалось неожиданно легко. И он чувствовал лишь небывалый прилив сил и веселой злости, — как после хорошей порции синюхи.

А вот сейчас он бесился из-за этих сраных голосов, а еще потому, что перед глазами маячили выкатившиеся кроваво-красные глаза Джока и обгадившийся от ужаса Сирос, на месте которого должен быть он — законопослушный благонадежный ученик кузнеца Бренн Ардан.

\*\*\*

Неожиданно в темечко вонзилась мысль, которая напугала его до дрожи, — а вдруг Дознаватели ничего не обнаружили, потому что сила просто-напросто ушла из него, как вода сквозь песок? Но с чего бы это? Бренн запутался в своих страхах и злился. Какой же он пень — сначала трясся, что ядзу обнаружат, теперь — что она исчезла.

В глотку не проталкивалась даже каша, которую Лотта щедро приправила маслом и медом. Видя такое дело, Морай налил полстакана синюхи и молча поставил перед ним. Бренн глубоко вдохнул, махом влил в себя обжигающую жидкость и заорал — ободранное ротовой пробкой горло загорелось огнем. Отдышался. В темечко ударило, и ледяной ком в груди растаял. Через пару минут он жадно съел миску каши и провалился в глубокий сон до самого вечера.

— Давай-ка не разлеживайся, — на закате спать не дело, — услышал сквозь густой сон голос опекуна, полагавшего, что труд в поте лица — лучшее лекарство в большинстве случаев, ну а проверка на гниль у Непорочных как раз и есть тот самый случай. Воспаленные порезы от медузых щупалец Морай вообще не считал поводом ныть и жалеть себя — мужику не пристало обращать внимание на ожоги и царапины.

— Работа к тебе уже идет, скоро к порогу прихрамает... — добавил, посмеиваясь Якоб, очень довольный, что Бренн вернулся целый и невредимый. А все остальное, по его твердому убеждению, — труха...

Бренн нехотя поднялся. Во рту — горько и сухо. перевязанные руки почти не болели... терпеть вполне себе можно, и работать можно. Даже нужно. Вышел через задний двор к воротам, шлепая босыми ногами по теплым камням. Вишневая улица была полна привычным шумом, криками и повседневной суетой. Возвращались с рынка торговки, дребезжали по булыжникам тележки зеленщиков, возилась в пыли мелюзга, играя в камушки, порхи тащили на спинах ящики и корзины с товаром, орали коты и галдели чайки.

На душе стало светлее, когда Бренн увидел под спутанной челкой веселые глаза Хагана,

ведущего под уздцы хромающего темно-пепельного жеребца, припорошенного «инеем» — светлыми прядками в хвосте и гриве.

— Приветствую! — оскалил белые зубы карлик, сжимая плечо Бренна, — Театр дядюшки Гримара, наконец-то, прибыл в ужасный и прекрасный Бхаддуар и, как всегда, мастерит подмости на площади Сухого Дуба... А чего руки забинтованы? Помочь-то сможешь? — забеспокоился он.

— Конечно помогу... А руки... руки «розочки» обстрекали, падлы! — отмахнулся Бренн, разматывая тряпки на ладонях. — Ерунда в общем... Рад тебе, Хаган, — он сжал ему плечо в ответ и повернулся к лошади. — Что Пепел, захворал, бедолага? — Бренн положил ладонь на бархатистую морду жеребчика. Шумно дыша, конь ткнулся ему в плечо... Крепкий и теплый звериный запах успокаивал.

Карлик сдвинул светлые брови, озабоченно глядя на Пепла: — Да вроде опять эта долбанная заковка... Лишь бы не нагноилось...

— Если и нагноилось, то не глубоко, — помотал головой Бренн, — я видел, как он шел, — ему больно, но терпимо...

Присев, он быстро ощупал колени жеребца. Слева — прохладное, воспаления нет. На правой ноге, которую жеребец щадил, — небольшая тугая припухлость, кожа теплее, а вот копыто — горячее. Бренн легко пробежался пальцами по ноге Пепла, нащупав пульсацию артерии.

— Ты прав, Хаган, — это поганая заковка, но, слава Синдри, все же непрямая, — подковный гвоздь мясо не задел. Однако ж, гляди, — Бренн ткнул в черное пятно на копыте — гвоздь «горит». Недели три назад подковали?

— Так и есть — как-раз в Беллармо заезжали... Кузнец тамошний, видать, хряк криворукий... — карлик выругался.

Бренн уже не слышал, как возмущается Хаган, — наступил тот самый момент, которого он так боялся. Сейчас он узнает точно, сгорела ли искра Жизнедателя... И очень может быть, ему придется принять неизбежное и горькое... Он с волнением прислушался к себе, поглаживая колено вздохнувшего Пепла. Внутри задрожало, сердце забилось чаще, стало жарко — яджу откликнулась! Она никуда не делась и по-прежнему бурлит в крови...

Но как такое может быть? Дознаватели ошиблись? А почему нет? Ведь в Сиресе они разглядели гниль, а на деле пекарь был чист, как непорченная дева. И все равно странно...

Хаган со смешками рассказывал обо всем, что происходило в театре Гримара за последние полгода, расписывая города и провинции, где они колесили со своими представлениями... Рассеянно слушая его, Бренн осторожно расковал Пепла, удалил давящий гвоздь и расчистил рог на копыте. Во время неприятной процедуры жеребец даже не шевельнулся, стоя с сумеречными глазами и тихо дыша, будто во сне. Обработывая место гвоздевой ранки синюхой, Бренн тихо шептал, как шептала коням его мать, стараясь ослабить боль... Он по капле цедил яджу, стараясь не выплеснуть лишнее...

— Дня два, и все пройдет, тогда и перекуем наново, как положено, — пообещал он Хагану, накладывая поверх ранки серную мазь и плотно бинтуя копыто. В колено фыркающего страдальца осторожно втер густую кашицу корня окопника.

— Что — прям так за два дня и заживет? — карлик внимательно посмотрел на Бренна, — прежде, помню, дней пять требовало...

— Так это прежде, — кивнул Бренн, отводя взгляд, — а у нас тут за последнее время много чего разного случилось...

Он засмеялся и наклонившись, легонько ткнулся лбом в выпуклый лоб карлика. — Да все ладно-складно, Хаган, не бурчи! Ты, главное, эти дни Пепла в прохладе держи... Сюда его не таскай, чтоб ногу не перетрудил — а повязки менять я к вам сам приду...

От близости животного было так хорошо, будто конь делился с ним своей доброй светлой силой, помогая окончательно прийти в себя. Бренн обхватил голову жеребца, нежно подув ему в ноздри. Тот ответил жарким выдохом.

## Глава 9. Слишком много врагов

Бренн уже несколько раз поднимался по старой скрипучей лестнице в комнату Дуги поболтать и понаблюдать за ним, как за своим пациентом. Слава Синдри, Дуги стало заметно легче — отек с шеи, век и языка почти сошел, да и следы от «поцелуев» медуз на побледневшей коже потеряли пугающую багровость. Как придет в себя окончательно, так сразу начнет хвастать перед девами своими шрамами, полученными в схватке с ядовитыми гадинами, — посмеивался про себя Бренн, прихлебывая из кружки холодный вишневым компот.

Кроме Дуги, никто в семействе Ри не обсуждал его злоключения в Доме Правосудия, никто не спрашивал о пережитом во время проверки на ядзу, будто опасались даже тени того горя, которое могло обрушиться на всех, если бы Бренна признали виновным. Похоже, даже думать об этом никому не хотелось — прошло и прошло, теперь все должно вернуться к прежней уютной и понятной жизни. Но Бренн сразу почувствовал, что в Русалке за него искренне переживали. Тетушка Улла, не скрывая облегчения, принялась усиленно его кормить, папаша Мартен чаще награждал его крепким хлопком по плечу, едва не сшибая с ног, Пепин довольно лыбился, а маленькая Герда украдкой пихала в его ладонь свои сокровища — то липкую конфету, то красивое стеклышко. Дрифа то и дело бестолково топтался рядом, удовлетворенно мыча. Одна Мелена ходила недовольной, стиснув пухлые губы, и вообще не смотрела на него.

— Правду сказать, с одного бока я уж и не чаяла, что вернешься ты из этой дыры, — вздохнула старая Ойхе, — а с другого бока — твердо знала, что увижу тебя целого и невредимого... Слава Жизнедателю, помог... не бросил в беде старуху... — Сидя в кресле, она шурилась, глядя на пламя свечи, продолжая что-то бормотать. Бренн уже засобирался домой, но на выходе из Русалки его перехватил Мартен. — Мож, к вечерку-то вместо Дуги малость поможешь в зале, — он почесал бровь, — а то народу на День Рассвета подвалит немерено... сам понимаешь...

Чуть помешкав, Бренн кивнул. Он совсем забыл о том, что сегодня Бхаддуар празднует знаменательный день... Полтысячи лет назад именно в этот день назад светлая прионса Маф развеяла по ветру прах своего отца — короля-урхуда Чарлага, и Эпоха Раздора сменилась Эпохой Рассвета... Ну, да, а сейчас он живет в Эпоху Процветания... и ведь не поспоришь — Лаар действительно процветал, затмевая своими богатствами и могуществом и соседнюю Арианию, и прочие государства на Востоке, Юге и Западе... Пепин, похоже, больше всех обрадовался, что Бренн согласился остаться на ночь в Русалке — теперь ему не придется одному корячиться, помогая и на кухне, и на дворе, и в зале. В обычные вечера хватало троих подавальщиц, но сегодня народу в трактир набьется как собак нерезаных, по выражению Мартена...

К концу дня Бхаддуар накрыла такая духота, что даже на заднем дворе возле открытых жаровен с мясом и рыбой находиться было невмоготу. А к вечеру трактир гудел, шумел и гремел, источая сытные запахи вкусной еды, эля и крепкого пота. Фигуры пьяных гостей тонули в сизом табачном дыму, подсвеченном оплывающими свечами, хотя все окна и двери были распахнуты настежь. Гул голосов смешивался с воплями дудки, наигрывавшей веселые мотивы под удары табуреля, а они сменялись простыми мелодийками на трехструнном жиге, которые обожали и мореманы, и торговцы.

Благодаря умениям старой Ойхе, блюда в Пьяной русалке пользовалась всегдашним успехом, и потому в таверну часто заходили студиясы из простолюдинов, матросы, местные торгаши, ремесленный люд и караульные, что стояли на Межпортовых воротах. А иногда, к неудовольствию папаши Мартена, появлялись даже благородные обитатели Розстейнар. Молодые пресыщенные нобили от скуки рыскали в кварталах Грайорде в поисках грязных драк, где можно потешиться кровью худородных, не опасаясь попасть за решетку, и чистых дешевых хуср из Веселых домов.

Душный вечер незаметно перешел в душную ночь. Мартен велел поставить дополнительные столы и лавки снаружи, где дышать было легче. К утренним звездам с моря потянуло соленой прохладой. Свечи колыхались на ветру, и тени танцевали на стенах старой таверны.

Бренн уже захмелел от нескольких кружек холодного пива, и его слегка качало. Он выходил в зал с двумя кружками эля, когда сильная рука уже до маковки нагрузившегося гостя отшвырнула его с дороги и он упал на спину, облившись с ног до головы. Грубое, но вполне себе добродушное ржание сопровождало его попытки подняться на липком полу, — похоже, долгожданная свежесть подарила всем благодушное настроение. Дернув встопорщенными усами, папаша Мартен неодобрительно посмотрел на разлитое пиво и мокрого Бренна, но лишь снисходительно крикнул, и враскачку направился к стойке. Забежав в спальню братьев Ри, Бренн скинул промокшую рубаху, надев безрукавку Пепина. Он была ему велика и болталась на шнуровке, но зато под нее залетал ветерок, охлаждая потное тело.

Дело шло к рассвету, и народу поубавилось, когда внутрь ввалились четверо богато одетых молодых вооруженных мужчин в компании двух молоденьких хуср. Лицо одного из благородных господ — светлокудрого, высокого, в шелковой рубашке с серебряной нитью — было прикрыто черной полумаской. Виден был лишь красивый рот с белоснежными зубами. Лицо папаши Мартена посмурнело, и он тут же велел Дриффе освободить от местных гуляк лучший стол у открытого окна — трезвый зоркий глаз трактирщика немедля разглядел и перламутровый блеск кружев на манжетах, и сверкание драгоценных камней на ножнах коротких мечей. Стол опустел мгновенно — никто не подумал возражать огромному, как тролль, порху-вышибале. Все знали, что миролюбивый Дрифа приходит в ярость, если возражают его хозяину.

— Мальчик мой, — подозвал трактирщик Бренна, и он невольно насторожился, — папаша Мартен был не склонен к проявлениям нежности. — Ты задержись-ка малость и на пару с Пепином обслужи гостей вон за тем столом, — отец Дуги явно нервничал, то и дело утирая с красного лица крупные капли пота. — Вишь, нобили с Верхнего к нам пожаловали, и не побрезговали дешевым трактиром, рыбий хрен им в глотку... И уж пьяные в дымину... Тут такое дело... — не хочу я к ихнему столу подавальщиц слать. Коли по пьяни начнут девок лапать, мы ж ничего сделать не сможем супротив таких высоких господ, сам понимаешь... — дыша чесноком, разъяснил ситуацию Мартен, — а очень может статься, что на четверых здоровых жеребцов, как я мыслю, — двух бабенок, что они с собой приволокли, — маловато будет...

Бренн без особого интереса глянул на дальний стол, где молодые богачи ржали, щупая под юбками продажных дев.

— Не пойму я, чего вдруг благородным господам приспело пиво пить в Русалке, — озадаченно продолжал папаша Мартен, — хотя люди шумят, что в последнее время нобилям

по нраву стало таскаться по кабакам Грайорде. Зажрались, видать. И еще шепчут, что немало дев перепортили в Нижнем, — видать, хусры и домашние потаскухи им приелись, а свежее-то горожаночки — они вкуснее...

Папаша Ри вдруг побагровел, увидав, что старшая дочь, стоя в проеме кухонной двери, с интересом разглядывает богатых аристократов. — Ну-ка живо пошла на задний двор матери помогать, непутная! — шикнул отец на Мелену, и та, раздосадованная, надула пухлые губы, но перечить отцу не посмела и нехотя ушла в глубь дома. Трактирщик дернул себя за встопорщившийся ус и зашептал:

— Ты, главное, в глаза им не смотри, — продолжал он учить Бренна, — ссутулься и голову пониже держи, чтоб ненужного любопытства ихнего не вызвать... Постерегись... в общем...

— Мне-то чего стеречься, я ж не девка... — буркнул уставший Бренн.

— Да кто ж знает... — туманно ответил Мартен, понизив голос, — сдается мне, вон тот белобрысый нобиль в маске, что лыбится без продыху, больно уж походит на Белого принца — прионса Лизарда. А морду маской прикрыл для виду...

Если честно, Бренну было плевать и на господ, и на прионса. Вымотавшись за три последних дня до крайности, он хотел только одного — долго спать... Очень долго...

— А что, прионс, окромя баб, до задков мальчишек охочь... ты, верно, и сам слышал, — добавил скабрезных подробностей трактирщик, — в общем, чудаковатый у Красного короля сынок. Вот ты и потише себя веди... Навроде тебя и нет...

Бренну совсем не улыбалось обслуживать чудаковатого прионса. И чего тогда Мартен сам их не обслужит, — на его-то зад благородные господа уж точно покушаться не станут, — думалось ему, пока из огромной бочки в кувшин тянулась темная струя густого эля. Когда он, не спеша двигаясь меж столами и пьяными тушами, приблизился к столу у окна, Пепин уже успел постелить перед господами чистую скатерть.

Белокурый красавец, оскалив снежные зубы под черной маской, медленно разрезал кинжалом шнуровку на платье у одной из девушек. Хусра игриво взвизгивала, вроде как дразня мужчину, но ее хорошенькое личико было искажено страхом. Ее неловкие попытки прикрыться неожиданно вызвали раздражение у пьяного нобиля, и он рывком разорвав лиф платья, грубо стиснул вывалившиеся груди.

Бренн, стараясь не смотреть ни на господ, быстро поставил два кувшина черного эля, а сменивший его Пепин принес блюдо с запеченной рыбой и побежал за мясом.

— Еще свечей, шико! — велел смазливый, употребив унижительное прозвище слуг, и с прищуром мазнул взглядом по фигуре Бренна, — быстро!

Бренн вышел в кухню. Липкий взгляд светлых прозрачных глаз молодого нобиля вызывал брезгливость, богач смотрел на него так, как мужики смотрят на потаскух. Неужто, этот похотливый козел и правда, сын Красного короля Готфрида. Да, уж — не свезло королю... Да и хрен с ним! — отмахнулся Бренн от неприятных мыслей. Еще малость помочь Пепину и можно сваливать наверх, к Дуги. Спать.

В брошенном на него взгляде Ойхе, которая, пощелкивая пальцами, что-то шептала над вспухавшим тестом, он увидел беспокойство. Похоже, бабка Дуги уже знала о нежеланных гостях. Она бросила колдовать над тестом, и, подхватив щепоть золы у очага, молча растерла ее по лицу Бренна, растрепала мокрые от пота волосы и затянула шнуровку на безрукавке. Кривовато усмехнувшись, он кивнул, поняв ее намерение как можно сильнее подпортить ему наружность. Пепин же, приподняв бровь, прыснул от смеха, догадавшись о причине

бабкиного маневра.

— Вот был бы ты пострашнее, как все порядочные парни, типа меня, — придуриваясь, заявил Пепин, подмигивая Бренну, — так и не пришлось бы по углам шараться от благородных извратов...

— Иди в пень, Пепин, я достаточно страшен... — буркнул Бренн, поднимая поднос с кусками телятины, запеченной в сливах под мятным соусом. Пепин подхватил соседнее блюдо, где дымились лепешки с пузырящимся от жара острым сыром, и улыбнулся прабабке: — Да не бойсь, афи, господа девками заняты, на честь и задницу нашего Бренна никто покушаться не будет...

Пробираясь между столами с тяжелым подносом, Бренн увидел, как хохочущий Лизард тычет горячей свечой в обнаженные груди скулящей девушки, которую крепко стискивал его приятель, зажав ей рот. Глаза хусры были полны ужаса, кожа на груди покрылась красными пятнами. Ее подруга, вспотевшая от страха, замерла, не обращая внимания на задранный подол, под которым уже шарили две пары рук.

Наверное, Бренн не забыл бы наставления папаши Мартена поостеречься, если бы сам не был пьян... — как он думал позже, прокручивая в голове случившееся... А может и нет... Но только, водрузив на стол блюдо с мясом, он вроде бы даже случайно задел локтем кружку Лизарда и холодное пиво выплеснулось тому на белые штаны — прямо на топорщившийся под ними бугор в паху. Рычание, женский визг, звон ударившейся о каменный пол медной кружки, и в тот же миг сильные пальцы жестко прижали его за шею к столу, а кончик кинжала уперся под ухо, проколов кожу.

— Пошалить вздумал, порх криворукий? — прошипел нобиль, и совсем рядом Бренн увидел бледные гадючьи глаза с черными точками зрачков. Эти бесцветные глаза, пожалуй, были единственным, что портило красоту Белого принца. Чувствуя, как горячая струйка крови бежит по щеке, и всерьез перепугавшись, Бренн прикинулся дурачком, подпустил в голос жалостливые нотки: — Простите, простите меня, почтенный господин, я нечаянно, — поднос не удержал...

Рука, прижимавшая его голову к столу, чуть расслабилась, кинжал с шелестом нашел ножны, но сильные пальцы стали больно скручивать кожу на плече. Хусры в суматохе вырвались, и обозленные приятели Лизарда прижали Бренна к краю стола, не давая шевельнуться. Кроме побледневшего Пепина, который не знал, что делать, никто не обращал на них внимание — несколько упившихся вусмерть торговцев орали похабные песенки и топали в такт ударам табуреля.

— Не дергайся, сучоныйш, руку сломаю, — горячее дыхание обожгло щеку, — я вижу, ты приревновал меня к этой девке, малыш, и сам захотел стать моей потаскухой? Пожалуй, я не против поменять ее на тебя...

Прионс мямл ему живот, щипал ягодицы, а Бренн и правда не мог дернуться, придавленный к столешнице. Это было позорно, невыносимо — он был готов к тому, что ему, возможно, сломают нос, вывернут ухо, но эти похотливые ощупывания вызывали омерзение, стыд и ярость... Рука прионса опустилась ниже и с силой сжала ему пах. Бренн заорал от боли... Неожиданно Лизард замер, сильнее вдавив его щекой в лужу эля, и придвинул свечу.

— Ты кто такой? — услышал он напряженный шипящий голос. — Говори, скот! — заревел прионс, ткнув горящую свечу ему в шею. От боли Бренн прикусил язык.

— Милостивый господин, — услышал он кудахчущий голос тетюшки Уллы, рядом с

которой стоял уже не бледный, а красный от стыда Пепин, — это тутошный пацанчик, он еще не наловчился подносить таскать, вот и не удержал, милостивый господин, — частила она, не останавливаясь, — вам уже несут полные кружки эля и вина за счет заведения, сейчас, сейчас, сейчас все уберут... Вот полотенце чистое, вот еще... — Улла говорила и заговаривала, вязала слово за словом, гипнотизируя успокаивающим ритмом речи...

— Заткнись, тетка, — оборвал ее нобиль, взглядываясь в лицо Бренна. Помолчал, прищутив бледные глаза в прорезях маски. — Пусть этот шико все тут вытрет или я воткну ему в зад клинок и погляжу, как он вылезает у него из глотки!

Улла побоялась возражать — не сделать бы хуже, но не ушла, а топталась рядом, помогая Бренну вытирать залитый пивом стол и лавку и прикрывая его своей дородной фигурой от цепкого взгляда благородного гостя. А Пепин уже спешил с четырьмя кружками черного эля. Улучив момент, Улла подтолкнула Бренна в спину, направляя к кухне.

Через пять минут она уже отчитывала багрового от злости и растерянности супруга:

— Заездил мальчонку, боров пузатый! Он еле на ногах стоит, а ты его гоняешь и тут, и там, и все тебе мало...

— Да я ж завсегда к нему, как к родному, Улла... как к Дуги, к нашему, — защищался вконец расстроенный папаша Мартен. Ойхе, не слушая их перебранку, прижала тряпкой кровоточащий разрез под ухом Бренна, и потянула его за рукав на задний двор: — Поди, поди домой, касатик, — от беды подальше... За Дуги не бойся, ему много легче, теперь уж сама за ним пригляжу... Иди, да защитит тебя Жизнедатель...

\*\*\*

К вечеру пятого дня Дуги стало настолько лучше, что он решительно отказался валяться в постели, а его проснувшемуся аппетиту позавидовал бы сам Дрифа. — Хорош! — заявил он, тепло глянув на Бренна и уничтожая еще один жирный кусок печеной индюшатины, подложенный матерью, — хорош тебе за меня горбатиться... С завтра сам впрягусь...

Бренн невольно кивнул, почесав вокруг зудевшего рубца под ухом. Он понимал, что надо бы подменить Дуги еще на пару вечеров, дав тому полностью поправиться, но уж очень не хотелось после неприятного знакомства с нобильями Розстейнар, мельтешить в таверне. Хотя дурковатый Белый принц, если это был действительно он, больше в Русалке не появлялся.

Перевалило за полночь, когда он засобиравшись домой, с ухмылкой глянув на мирно сопящего Дуги, заснувшего с надкушенной булкой в руке. Ночь была глухой, безлунной и беззвездной — именно в такую ночь по мостовым Грайорде катилась Черная повозка, о которой рассказывала Ойхе. Но в те времена фонарей на улицах стояло раз-два и обчелся, а сейчас масляные светильники горели хоть и тускло, но почти через каждые два-три дома. А уж в Розстейнар особняки, улицы, дворцы и площади освещались сотнями ярких фонарей.

Он миновал улицу Старого Порта, где у лавки башмачника она делала поворот, выводя на площадь Красного полумесяца и затем к кварталу пивоваров. Из распахнутых дверей Старой Каракатицы неслись разухабистые куплеты захмелевших торговцев, привалившись к стене, дремали двое упившихся мужичков... Оставалось пройти еще пару кварталов, пересечь улицу Горшечников, а там до Вишневой рукой подать.

Усмехаясь про себя, Бренн прошел мимо двух скорпов, которые заигрывали с грудастой белошвейкой, — пышная молодая женщина по пояс высунулась из окна, белея в полумраке смеющимися личиком и соблазнительными округлостями в вырезе лифа. Добравшись до улицы Зеленых крыш и привычно сокращая путь, свернул в глухой узкий переулок Черного

кота, и почти на выходе увидел вставшую поперек однолошадную повозку. Бренн невольно замедлил шаг, не слишком понимая, с чего это вдруг ему стало не по себе, когда он миновал чернеющую в стене нишу...

Краем глаза засек лишь стремительную тень. Удар по затылку! Резкий пинок под колени сбил его с ног. Жесткие пальцы тут же стиснули шею, пригибая к земле, — Бренн слышал только тяжелое топанье и луковый дух напавших на него мужиков. Бешено вырываясь, он чувствовал, как паника приближает выброс ядзу. Но ему сразу заломили руки, почти вывернув из плеч, и он заорал от боли. В рот тут же вбили комок колючей мешковины, на шею накинута ременную удавку, стянув так, что он едва мог дышать носом. Один из грабителей — а кто еще это мог быть — наступил сапогом ему на спину, продолжая затягивать удавку и одновременно шарить по карманам.

— Ша! — услышал Бренн сиплый шепот, — живьем велено доставить...

Кто-то с досадой крикнул, но ослабил удавку. Полузадушенного, его проволокли дальше и швырнули на дощатый пол повозки. От нехватки воздуха и острой боли в голове в глазах замерцали пятна. Ядзу отхлынула, растворилась в крови, не найдя выхода, и он провалился в беззвездную безлунную ночь.

\*\*\*

Он очнулся, когда его грубо скинули на мостовую, протащили по лестнице и втолкнули в полутемную низкую камеру за решеткой, где в углу на цепи сидели двое крепких, судя по виду и одежде, молодых селян, и отдельно от них — три девы лет пятнадцати, одна — светлокожая рыжуха, две других — смуглые южанки, с широкими лицами и яркими глазами. Юноши хмуро, без интереса глянули на него, а девушки даже не подняли глаз, уткнув лица в поджатые колени и завесив лица густыми прядями.

Мысли прыгали в голове, как земляные блохи. Разорванные кляпом углы рта горели и жгли, стянутые кисти онемели — Бренн вообще их не чувствовал. Затылок раскалывался от боли. Его сильно тошнило, а из-за тряпки во рту он боялся захлебнуться рвотой. Удавка, хоть была и ослаблена, но продолжала стягивать шею, не давая нормально дышать. Бренн попытался придвинуться к парням, елозя на заднице, и замычал, надеясь, что кто-то из них вытащит кляп и ослабит душивший его ремень. Но те лишь угрюмо покосились на него, а девушки не шевельнулись.

Что за хрень?! Все произошло так быстро, что он ничего не успел понять. Грабители? Чушь! Ни один грабитель не станет подкарауливать жертву в грязном переулке, заваленном старыми бочками... Может, его с кем-то перепутали? А вот на это похоже, особенно когда вспомнились последние слова одного из нападавших — доставить его живьем. Точно — ждали кого-то другого. Валяясь на земляном полу, Бренн лихорадочно пытался додуматься до чего-то, что прояснило бы ситуацию, но четко осознавал лишь одно, — никто не знает, где он, а Морай и Дуги начнут искать его только утром, и вряд ли от этого будет толк. А за это время с ним сотворят, все, что угодно.

Услышав тяжелые шаги, Бренн поджался. За решетчатой дверью, направив фонарь ему в лицо, остановился рослый офицер в красно-серой форме. Скорп-сержант из Службы правопорядка. Желто-серые глаза, выпуклый подбородок с ямкой, длинные, ухоженные, свисающие ниже подбородка рыжеватые усы. Офицер отпер замок, и мазнув взглядом по девушкам в углу, наклонился над Бренном, довольно щурясь, как сытый кот.

— С сего момента ты, грязный ушлепок, — злостный преступник, обвиняемый в бродяжничестве и воровстве, — спокойно заявил ему вислоусый. Бренн возмущенно

замычал, пытаясь вытолкнуть языком тряпку. С нескрываемым злорадством офицер продолжал:

— Пытаешься возразить, отброс? — скорп пригладил пальцами кончик уса, — зря! Ты, как я вижу, здоровый парнище, который таскается по городу, нигде не работает и не имеет дома... А не работающий на благо короля подданный может выжить только за счет воровства или грабежа добрых людей. Значит — ты вор, и по закону, тебе следует отрубить руку и отправить в шахты Змеиных гор. А может ты вообще убийца? Или насильник? — скорп задумчиво поковырял в зубах.

Бренн яростно замотал головой, широко раздувая нос, чтобы словить хоть немного воздуха. Ну точно его с кем-то спутали! И вообще, неужто этот страж порядка и спокойствия держит его за тупорылого лоха? — ведь при всей суровости лаарских законов, для суда обязательно требовались доказательства, свидетели... Да и где сам суд, в конце концов. Никто не может беспричинно обвинить в воровстве или убийстве свободного подданного... Даже Судьи Ордена Непорочных ищут свидетелей, выявляют улики и только потом выносят справедливый приговор... Перед глазами на миг мелькнуло потное изуродованное лицо пекаря. Ну да, улики... справедливый приговор...

Скорп нагнулся к нему, так что стал слышен сладковатый душок помады для волос. Приглаживая ладонью блестящие усы, офицер добавил, растягивая слова: — Но у меня хорошее настроение, вор, насильник и убийца, и потому я подарю тебе твою сраную жизнь и продам тебя Тухлому Крабу! Может быть, он выдрессирует из такой никчемной блохи, как ты, умелого живца. Владельцу Казаросса постоянно требуются крепкие порхи для кровавых игрищ.

Ткнув сапогом в грудь Бренну, он опрокинул его на спину и, надавив каблуком на живот, спросил: — Как тебе такая идея, ушлепок? Ты должен лизать мне сапоги за то, что тебя не покалечили, не отправили подышать в шахты и за то, что каждый день ты будешь видеть родной Бхаддуар. Правда, недолго...

Потянувшись и рыгнув, Вислоусый отошел к двери, загремел засовом и, не поворачиваясь, бросил через плечо: — Кто дернется или вякнет — буду отрезать по кусочку и скармливать своему любимому псу. Начну с ваших мочек и сосков, ублюдки...

Девушки затряслись в рыданиях, парни скорчились, будто стараясь казаться меньше. Бренну казалось, что он, как жалкая муха, попал в центр жуткой паутины, похожей на железное устройство в Испытательном Рауме, где он висел, растянутый на ремнях. Висел и ничего не мог сделать или хоть как-то повлиять на события.

Когда вдали затихли шаги скорпа, в камеру вошел пожилой тюремщик и, шаркая сапогами, приблизился к Бренну: — Ты не станешь кусаться, порх, если я вытащу кляп, сниму удавку и посажу на цепь? Не станешь драться? — задал он вопрос, ставя на земляной пол гнутую жестяную миску с водой. Бренн замотал головой, глядя на воду. Надзиратель выдернул ему изо рта слюнявый ком, снял с шеи ремень, надел железный ошейник, закрепив цепь на стенном кольце, и лишь после этого развязал запястья. Бренн лихорадочно хватал открытым ртом воздух, еле разгибая почти вывернутые руки.

— Ладони и пальцы жечь будет, — оно всегда так бывает. Но ты не кричи, не кричи, порх, терпи, иначе Зигор, то бишь, твой хозяин господин Зигор Болли, обозлится, и будет только хуже. — Тюремщик подвинул ему миску: — Лакай из миски, порх, да не пытайся хвататься руками — все одно — разольешь. Или терпи, коли гордый, пока руки не отойдут...

— Я не порх, я не вор, я свободный подданный Бренн Ардан — прохрипел он, решив,

что не станет лакать по-собачьи, как бы ни хотелось пить. — Это какая-то дерьмовая ошибка...

Перед глазами закачалось желтое морщинистое лицо надзирателя. Откашлявшись, старик проскрипел: — Ошибка? Может, оно и так, только это уже неважно... Забудь свое прежнее имя, порх. Привыкай к новой жизни. Привыкай стоять на четвереньках, поджимать зад и с готовностью подчиняться... иначе будет хуже.

Хуже? Он задыхается в вонючей камере. Не чувствует рук, не чувствует даже слабой пульсации ядзу из-за сильной боли в голове и охватившей его паники. Его собираются лишить свободы, сделать никчемным бесправным порхом, как его мать... Старый, вызревший в детстве, ужас набросился на него голодным зверем, захлестнув темной волной. Бренн почти не соображал. Куда уж хуже!

Но старый тюремщик оказался прав.

## Глава 10. Новый милый дом

... он выдрессирует из тебя умелого живца — живое мясо для кровавых игрищ в Казаросса... — страшные слова долбили изнутри голову, и этот долбеж не стихал.

Бренн хорошо помнил первое впечатление от Игры Живцов, в которой принимали участие дрессированные молодые порхи. Помнил азарт и дрожь предвкушения, когда в Аквариуме Казаросса началась бойня между десятками морских летучих тварей, доставленных из южных морей, и полуголыми юнцами, вооруженными копьями, тесаками и трезубцами. Живцы прыгали над бурлящей водой по мосткам, перебегая между ними по узким брусьям, и одновременно отбивались от летучих мурен, химер и небольших акул. Хищные рыбы остервенело впивались в почти незащищенные тела живцов, вырывая из них куски мяса. Под конец Игры зелено-голубая вода в Аквариуме стала красной, а из тридцати порхов выжило меньше половины.

Они с Дуги смотрели представление с «балкона» — самого верхнего яруса Аквариума, откуда фигурки людей казались живыми игрушками, специально изготовленными для развлечения публики. Он помнил куски мяса, оторванные кисти рук, и мертвые тела живцов, плавающие среди дохлых рыб. Они тоже казались ненастоящими, а кровавое зрелище влекло и отталкивало одновременно. Бренн испытывал азарт, желание выиграть хоть немного по ставке, а смутная жалость к покалеченным и погибшим меркла под натиском острого ощущения — он здесь, наверху, в полной безопасности делает ставки, а там — внизу — порхи, участь которых — служить свободным. Именно это проповедовалось в Лааре веками и тысячелетиями. Всегда. На Играх Бренн даже забывал о судьбе матери, и лишь через некоторое время, придя в себя, начинал испытывать неловкость, стыд и душевный раздрай.

Правда недавняя жесткая проверка на яджу, когда, корчась от боли и страха в Рауме, он оказался на грани жизни и смерти, похоже, напрочь отбила у него тягу к кровавым представлениям. По крайней мере, в последние дни Бренн даже думать не мог о развлечениях такого рода. И не мог представить, что его детский ужас воплотится в реальность, и с ним произойдет то же, что случилось с его матерью. Что по неведомому капризу Жизнедателя, судьба вмиг превратит его из свободного подданного в презренного порха, швырнув в подвалы Казаросса.

\*\*\*

Перед рассветом двое солдат-скорпов связали заключенным руки за спиной и затолкали в тесную повозку без единого окошка или щели. Через час тряски по мостовым, она остановилась. Бренн не ошибся — в сизом предрассветном тумане перед ним вздымались древние стены Казаросса. Их погнали по полутемным проходам и крутым каменным лестницам. Несмотря на боль в затылке, Бренну казалось, что он все еще спит, и никак не может очнуться от кошмара... Он пытался задержать дыхание, как делал это в детстве, если снился дурной сон... зажмурился и резко открывал глаза, но это не помогало... Перед ними все также маячили ссутуленные спины парней, а позади раздавались резкие окрики стражей.

В небольшом помещении их развязали, и офицер велел всем быстро раздеться донага. Этот приказ вызвал растерянность у девушек, и они, замешкавшись, стали переглядываться. Но тут же узловая плеть из воловьих жил, закрепленная на запястье скорпа, будто ожила — взбешенный задержкой Вислоусый, принялся осыпать ударами всех рабов. После наказания

дело пошло быстрее — через несколько секунд Бренн вместе с другими стоял голый, неловко прикрывая пах, а девушки, от стыда втянув головы в плечи, пытались закрыть грудь длинными волосами.

Еще один коридор с охраной и через низкую дверь их, как стадо, вогнали в другой мир. Бренн видел перед собой большое, освещенное множеством светильников помещение, обставленное дорогой арианской мебелью из розового дерева. — Смотреть в пол, не поднимать глаз! — рявкнул Болли.

Огромный шелковый ковер, судя по нежно-голубому цветочному орнаменту, привезенный из провинции Шахру, раскинулся почти по всему мозаичному полу. Но заключенных остановили у его края, будто у границы, разделявшей мир жалких порхов и свободных уважаемых подданных королевства.

— Свежаки для Аквариума доставлены, почтенный ан Хурц. — Зигор Болли склонил голову в едва заметном поклоне. Бренн, как и было приказано, смотрел в пол, но исподлобья попытался разглядеть все, что удавалось. Грузный безбровый человек с лысой головой и жабыми глазами лениво поднялся с кресла, опершись пальцами, сплошь униженными перстнями, о выбритую макушку сидящей на корточках молоденькой порхи. Нут ан Хурц почти не имел шеи, и его бугристая голова росла прямо из широкого бочкообразного туловища. Длинные, как клешни, руки, оттопыривались в стороны, а из-под атласного халата жалко торчали тонкие кривые ноги. Казалось, они едва выдерживают вес массивного тела. Внешний облик ан Хурца мог бы вызвать насмешку, если бы не жесткий, похожий на капкан, рот, и ненормально широко расставленные, выпуклые глаза с длинными веками.

Вперед тут же выступили два Жреца с эдирами, державшими наготове тулвары. Бренн напрягся — зачем здесь Непорочные? Хозяин Казаросса опасается, что среди слуг или порхов может оказаться гнилой урод? И нанял Жрецов, чтобы они могли отразить возможное нападение с помощью ядзу? Тухлый Краб все продумал...

Странно раскачиваясь на тонких ногах, ан Хурц подошел к краю ковра, дернув за поводок на шее порхи, которая подбежала к хозяину, как собака, опираясь ладонями и ступнями о ковер и высоко подняв зад. Владелец Казаросса из-под полуприкрытых век цепко охватил взглядом группу свежих рабов. В нос Бренну шибануло ароматическим маслом, — Тухлый Краб, как юная дева, благоухал розами!

— Сколько голов? — задал вопрос ан Хурц, и Бренн запоздало понял, что он спросил вовсе не о коровах или овцах...

— Пока шестеро... Но будут еще, и по очень выгодной для Казаросса цене... Бычки выносливые, крепкие, а молодые свинки — крупные, мясистые, с широкими задницами, как вы и просили... — похвалил товар скорп.

— Девки дырявые? — едва приоткрыл щелевидный рот Краб, выдохнув струю мерзкого запаха, который, смешавшись с ароматом розового масла, вызвал у Бренна приступ тошноты. Понятно теперь, почему Краба называли Тухлым...

— Нет-нет, еще непорченные, — поспешил сообщить Зигор, — проверены мной собственноручно, — он гнусно ухмыльнулся. Кончиком жесткого прута Краб ударил невольниц по ладоням, прикрывавшим груди. Девушки вскрикнули, но покорно опустили руки. Он равнодушно помял их ягодицы и молочные железы и одобрительно буркнул: — Неплохой товар, сочный, — возьму, пожалуй...

Повернувшись бочкообразным телом к сельским парням, ан Хурц стал щупать их мышцы на руках, животе и бедрах.

— Сельские бычки тоже подойдут, — кивнул он. Затем, пожевав губу, перевел взгляд Бренна. — А вот из какого дерьма ты выковырял этого мелкого ублюдка, Зигор? — повысил голос хозяин Казаросса, — в Аквариуме нужны сильные здоровые самцы не моложе пятнадцати — вот как эти двое... На кой хрен мне этот недоросль?

В ответ сержант толкнул Бренна ближе к краю ковра. — Порх взрослый и выносливый, — много лет работал в кузне с молотом и прочей дрянью... что там у них еще есть... у этих ремесленников...

— Пошевели мозгой, скорп, — рассчитано унижил сержанта владелец Казаросса, употребив народное прозвище представителей Службы спокойствия и правопорядка, — на дрессуру щенка уйдет куча времени и денег, а на Игре живцов он в первые же минуты превратится в мясной фарш...

Зигор раздраженно прищурился, дернув холеной щекой, но стерпел насмешливое обращение. — Пощупайте его, уважаемый ан Хурц — это вполне крепкий недоносок. И, в конце концов, у порха смазливая рожа... — ухмыльнулся Зигор Болли, — можно отрезать ему стручок, и с успехом пользоваться в зад, как послушную хусру...

Скорп вдруг нагнул Бренна за шею, хлестнул плетью по ягодицам и заржал: — У недоростка отличный, упругий зад, — хоть сейчас вставляй! А еще можно его...

Вислоусый недоговорил... Унижение, как ожог раскаленным железом, вырвал Бренна из оцепенения, и глаза заволокло красным. Позже, он так и не мог понять, как ему удалось сдержать выброс яджу, уже клокотавший в горле... Похоже, что лишь мощный инстинкт самосохранения не дал ему подставиться под смертоносный удар Жрецов, которые, как ястребы, следили за каждым движением и вздохом порхов. Если бы он не сдержался, Непорочные мгновенно сковали бы его яджу, — против опытных искусных мастеров он бы не выстоял.

Но даже если бы случилось невозможное, и он бы чудом справился с обоими... то через минуту встретил бы страшную смерть, разрубленный мечами стражников. И это еще лучший из возможных исходов...

Сжатую до предела яджу он сумел перенаправить вглубь, внутрь себя, и она бурлящими потоками растеклась по жилам, даря силу мышцам и ускоряя движения. Миг — Бренн подпрыгнул, разворачиваясь в прыжке к стоящему за спиной Зигору, и, обхватив его толстую шею, мгновенно вонзил зубы в мякоть сальной щеки. В рот хлынула чужая кровь, смешавшись с ключьями напомаженных усов. Заревев, как кастрированный хряк, Болли принялся драть Бренна за волосы, другой рукой сдавив ему шею и пытаясь придушить. Но, обхватив ногами мускулистую ляжку врага и повиснув на его мясистой щеке, Бренн не разжимал судорожно стиснутых зубов.

Несколько секунд Тухлый Краб, откинув бугристую голову, наблюдал за неожиданным развлечением, и его щелястый рот довольно кривился. Выждав, он щелкнул пальцами, давая знак телохранителю — огромному могучему умшигтайцу с темно-желтой кожей. Он жестко сдавил голову Бренна, вонзив железные пальцы в лицо под скулами. От острой вспышки боли зубы разжались, и Бренн рухнул прямо под ноги рычавшему от ярости Вислоусому. Зажимая прокушенную щеку — сквозь пальцы хлестала кровь — тот резко вскинул колено, намереваясь разнести вдребезги височную кость Бренна, вбив в нее зубчатую набойку на каблуке.

Жизнь спасло мгновенье. Мгновенье, которого хватило телохранителю, чтобы вывести из строя Зигора коротким, точно рассчитанным ударом в кадык. Тот засипел, забулькал, и

пока хватал ртом воздух, лыбящийся владелец Казаросса, скрестив на животе руки, подвел итог: — Сделка состоялась. Ты меня убедил, Болли! Неслыханное дело — опытный скорп не смог вырубить худосочного ублюдка...

Тухлый краб затрясся всем телом и закудаhtал, заходясь смехом и обнажая подточенные зубы, на концах которых кровавыми каплями сверкали рубины. — Я беру этого мелкого порха, — заявил он. — Хусра из него получится слишком злобной — может и хер клиенту отхряпать ненароком, — Краб затряс жирным подбородком, — а вот неплохой живец, пожалуй, выйдет при надлежащей дрессуре...

Еле дыша, Бренн лежал на каменном полу, холодившим голое тело. Телохраниль давил ступней ему на шею, то ослабляя, то усиливая нажим, и ожидая дальнейших приказов. Зигор выглядел жалко — из разорванной щеки, вспухавшей и наливавшейся багровой синевои, текла кровь, пачкая отглаженный чистый мундир. Усы с одной стороны были частично выдраны зубами Бренна и висели обмусоленным и слипшимся от крови огрызком. Медленно выпрямившись и отдышавшись, скорп сплюнул кровавой комок на ковер, и просипел: — Я передумал. Вместо продажи, я живьем скормлю этот сучий выкидыш сторожевым псам — и получу куда больше удовольствия...

На большом лбу Краба собрались морщины — он, не мигая, рассматривал слюняво-кровоиный сгусток, расплзающийся по драгоценному ковру. — Ототри загаженный тобой ковер, скорп, — лениво бросил он Зигору Болли, — причем тщательно и с усердием...

Ан Хурц удерживал на лице дружелюбную улыбку, но маленькие глаза под длинными веками оставались холодными и неподвижными, как у рептилии. — Конечно, я мог бы попросить вылизать ковер свою порху, но ее старательный шустрый язык пригодится мне для других — более забавных целей...

Бренн вдруг ощутил запах липкого страха Зигора и вонь, поднимающейся из кишок злобы. Вислоусый бесился и одновременно опасался, что, упорствуя, может потерять связь с Тухлым Крабом, которому поставлял дармовых порхов за хорошие деньги. А еще он до усрачки боялся, что его, сержанта Службы правопорядка, легко переварят желудки Аквариумных рыбок Казаросса. Причем, вместе с красно-серым мундиром и начищенными сапогами...

— Простите великодушно мою несдержанность, достопочтенный господин ан Хурц, — забормотал Зигор, взяв себя в руки и сплатывая слюну, — это всего лишь помутнение в голове от потери крови... — Скорп наклонился и собственным платком стал оттирать плевков с ковра...

— Ну, конечно, какие могут быть проблемы между друзьями, — Краб показал рубиновые зубы и с преувеличенной заботой подсказал: — Утрись, Зигор, — прижми платочек к ране! А то грязь попадет, и щека загноится... Далеко-ли до беды... Прижми!

Стиснув зубы и стараясь не касаться раны, Зигор коснулся щеки слюняво-кровоиным грязным комком, в который превратился чистый платок.

— Вы правы, господин ан Хурц, вы правы — это очень выгодная сделка... — сумел выдать он.

— Естественно, — благодушно кивнул Тухлый Краб. — Разве я когда обижал тебя? Я даю хорошие деньги за этого отброса, сержант, — на них ты купишь пару мясистых рабынь, и твои псы получают в два раза больше еды, а ты — в два раза больше удовольствия, чем от захудалого сопляка...

Тухлый, не глядя, бросил на консоль призывно звякнувший кошель, но тот соскользнул

на пол, не удержавшись на краю узкого пристенного столика. Подавив унижение, скорп нагнулся, и, не пересчитывая монеты, сунул кошель за пазуху.

— Вот и замечательно, — покивал владелец Казаросса, тяжело усаживаясь в кресло. Водрузив широкие ступни на спину стоящей на четвереньках рабыни, он сделал большой глоток густого темно-красного, почти черного напитка, и продолжил беседу. — Я не предлагаю тебе отведать этого великолепного старого рома, Зигор, но лишь из-за того, что он обожжет твою ужасную рану, нанесенную злобным порхом, мой дорогой друг. Однако же в виде утешения предлагаю тебе через полгода посетить Казаросса, и посмотреть Игру живцов, где будет участвовать твой обидчик... Если, конечно, он доживет до этого знаменательного дня. И я надеюсь, ты насытишь свою жажду мести, видя, как морские зверюшки будут насыщаться мясом этого гадкого недоростка...

Тухлый опять закудаhtал, тряся складчатым подбородком. Его выпученные глазки меж складчатыми веками бегали, как мыши, разглядывая обнаженных порхов. — Вам повезло, свежаки, — один из наших лучших воспитателей Хис Яппар выразил желание обучить вас правильному поведению в Казаросса, покорности и беспрекословному послушанию.

Бренн скосил глаза: в проеме боковой двери стоял высокий молодой мужчина с торчащим вперед узким подбородком и бледным ртом. Серые, прилизанные волосы, стянутые в пучок на темени, открывали уши с длинными мочками, с которых свисали тяжелые серьги из темного оникса. Он даже не смотрел на невольников. Светлые глаза, притиснутые к переносью костистого носа, скользили взглядом поверх их голов. Запах опасности, исходивший от Яппара, заставил Бренна напрячься, — казалось, что он смотрит на еще не раздувшуюся капюшон кобру.

Краб вдруг развернулся всем туловищем к телохранителю и приказал: — Подыми ублюдка! Тот резко вздернул Бренна за волосы, и в него уперлись жабыи глаза ан Хурца: — Грязный порх, за нападение на твоего уважаемого хозяина... бывшего хозяина, — уточнил Краб, — тебе отрежут твои мелкие яйца и стручок и насадят задом на кол, чтоб ты подольше на нем корячился в назидание другим...

Он сделал долгую паузу, прощупывая взглядом лицо Бренна и наслаждаясь выражением ужаса, которое растекалось по его лицу. — Но ты развлек меня, порх, и потому тебя всего лишь хорошенько накажут, чтоб другим неповадно было. Но оставят жить. До поры до времени. Ты понял, порх?

Облизав пересохшие губы, Бренн кивнул, и тут же получил скользкий удар по почке от стоявшего позади охранника.

— Когда к порху обращается его владелец, сургач или воспитатель, порх должен открыть свой поганый рот и почтительно ответить — «да, мой хозяин», — назидательно поднял палец ан Хурц. — Тому, кто промедлит с ответом, на первый раз вышибут зубы, на второй — вырежут язык. Живцам язык совсем не обязателен. Понятно?

— Да... мой хозяин, — прозвучал нестройный хор шести голосов, а Бренн и заработал еще один удар для закрепления урока.

— Шило, — обратился ан Хурц к Яппару, — эти порхи дурно воспитаны... Придется хорошенько поработать с ними.

Воспитатель уважительно кивнул, с недобрый прищуром оглядывая невольников, и задержав взгляд на Бренне, будто прикидывая, как именно его наказать.

— А чтобы вы глубже прониклись тем, что ожидает придурков, кои задумают побег или нападение на своих хозяев, — продолжил Тухлый Краб, — воспитатель отведет вас на

увлекательную прогулку в Харчевню, а затем познакомит с правилами жизни в Загоне — вашем новом милым доме... — Ан Хурц отвернулся и, выбрав на блюде спелый персик, впился подточенными зубами в сочную мякоть.

\*\*\*

Бренна просто раздирало изнутри. Казалось, под сердцем скребется крыса, пытаясь вырваться через горло или прогрызть живот. Если поначалу он мог оправдать свою нерешительность использовать яджу тем, что подручные Зигора захватили его врасплох, вдарив по башке, и он едва мог дышать, то потом... А потом он надеялся на то, что его действительно с кем-то перепутали, а значит, все как-то само собой уладится, образуется, и ему не придется рисковать... А когда уже было ясно, что его продали, и никто не собирается ни в чем разбираться, было уже поздно... С него не спускали глаз Жрецы.

Яджу предала его. Он не всесилен.

Другой на его месте, сохранив остатки гордости, скорее выбрал бы смерть, чем согласился ползать убогим порхом, которого могут раздавить в любой момент, как червя... Но он, Бренн Ардан — жалкий трус, который хочет жить так сильно, что готов подчиниться и унижаться. Готов стать порхом, червяком, мясом... лишь бы жить...

Он ничтожество. И эта мысль сражала наповал...

Только одно давало силы Бренну ужиться с самим собой. Кроме страха смерти, свойственного любому зверю, ему помешало пойти вразнос одно смутное соображение. Смерть — это неподвижность и потеря любых возможностей. Навсегда. А самая дерьмовая жизнь, пусть редко, пусть нехотя, но может вдруг швырнуть тебе в унылую морду шанс что-то изменить к лучшему. В нужный момент. Главное не ошибиться и успеть понять, что это тот самый момент... Ну и как-то изловчиться дожить до него, не сдохнув по дороге...

Из покоев Краба стражники погнали порхов в боковую дверь, тыча в спины тупыми концами коротких алебард. За дверью Бренн увидел еще один длинный коридор с ответвлениями и поворотами, похожий на лабиринт. Их направили в один из боковых проходов, едва освещенный редкими масляными лампами. Он привел к лестнице, уводящей по спирали еще глубже — вниз. Ступив на влажные замшелые ступени, одна из девушек поскользнулась, но стражник успел схватить ее за волосы, выдрав при этом несколько прядей. Внизу их ждала широкая низкая дверь, сколоченная из нескольких слоев дерева и железа. Сонный охранник у двери, увидев Шило, вскочил и загремел засовами.

— Добро пожаловать в Харчевню, скот, — Шило ослабил сероватые зубы.

Невольников втокнули внутрь огромного сводчатого подвала. Кожа Бренна покрылась мурашками — стылая полутьма напомнила ему Судейский зал в Пирамиде. В ноздри ударил запах подгнивших водорослей, тухлятины и испражнений. От рядов огромных каменных чанов-бассейнов, заглубленных в толщу пола, накатывали волны влажного холода. Босые ступни скользили по полу, покрытому ошметками мяса и требухой.

— Харчевня с нетерпением ждет любого, кто мне не понравится, — сузил глаза воспитатель, пристально глядя на перепуганных свежаков.

В колеблющемся свете чадающих факелов, Бренн разглядел около трех десятков нагих бритых порхов — сгорбленных истощенных женщин и мужчин. Их влажно блестящая бледная кожа была покрыта рыбьей кровью и слизью. Сначала ему показалось, что это старики, но, взглядевшись, понял, что здесь содержатся молодые рабы, которые лишь выглядят стариками. Одни рубили топорами туши свиней, другие катили к чанам тачки, заполненные рыбой. Три женщины, таскавшие тяжелые деревянные ведра, вынашивали плод,

и их набухшие животы жалко торчали под отвисшими грудями.

Услышав голос Яппара, порхи тут же бросили работу и приняли позу покорности — упали на локти, подняв зады и уткнувшись лицами в грязные плиты. Стражники следили за каждым их движением, готовые немедленно изрубить тесаками любого, кто, сойдя с ума в этом аду, осмелится напасть на воспитателя.

— Я вижу, эта тупая свиноматка до сих пор не выучила, как нужно кланяться господину? — холодно поинтересовался Шило, подойдя к одной из склоненных женщин, не сумевшей сильно нагнуться из-за огромного беременного живота. Бренн видел только ее бритый затылок и широкие бедра. Яппар не спеша выдернул из бочки с водой жесткий скрученный из трех розог, прут, и нанес хлесткий удар по ее заду. Невольница, поджавшись, завизжала. Один из стражников по знаку Шила наступил порхе на шею, вмяв ее лицом в слизистые кучи отбросов. Пока длилось наказание, пронзительные вопли в пустом сводчатом помещении усиливались и умножались, отражаясь от стен и потолка. Бренн почувствовал, что дрожит.

— Встать! — ударил воспитатель прутом еще двоих истощенных порхов, и повернувшись, с удовлетворением посмотрел на бледные от страха лица новобранцев. — Через пару недель мы решим — годитесь ли вы для игр в Аквариуме. Если окажетесь говнивыми слабаками и ссыком, — отправитесь сюда, в Харчевню. Хотя есть и другие — не менее интересные варианты, но об этом позже.

Бледные глаза Хиса Яппара внимательно осмотрели помещение, остановившись на грудке соломы в углу за одним из кормильных чанов. Только сейчас Бренн увидел, что там, с запрокинутой головой и широко открытым ртом неподвижно лежит рабыня.

— Что делает там эта дохлятина?! — заорал Шило, брызгая слюной.

— Она умерла, господин, — запричитала одна из порх, — вчера вечером, господин.

— И до сих пор валяется неразделанная? — угрожающе тихо спросил Яппар. — Разве я не велел сразу рубить на куски подышающие отбросы и отправлять мясо в чаны еще теплым. Свежим. Увижу еще раз, — прошипел он, — заставлю рвать труп зубами и глотать.

— Работать! — рявкнул один из стражников, как только Хис Яппар повернулся к двери. Несколько рабов бросились к телу умершей с маленькими топорами, другие продолжили прерванное занятие, выгружая с тачек крупные куски мяса и рыбы и опасно просовывая их через решетки бассейнов.

Вода, взбаламученная морскими хищниками, поднимающихся к поверхности на кормежку, окатила голых порхов, с плеском залила пол и тут же стекла в глубокие каменные желоба по периметру подвала. Напольные плиты были уложены правильно — под небольшим уклоном от центра к стенам, чтобы вода уносила с собой слезы и пот, грязь и кровь.

# Глава 11. Хуже не бывает

Теперь они поднимались вверх, затем долго шли по лабиринту длинных коридоров, который привел их к Загону, где содержались свежаки-новобранцы. За дверью скрывалась пара низких каменных барачков, подсвеченных чадящими жировыми фонарями. Их толкнули в левый. Все до сих пор были без одежды, включая девушек, — им даже не дали набедренных повязок, чтобы прикрыться.

В нос ударил густой запах пота и горелого жира. Но дышалось все же легко — похоже в подземельях исправно работала система притока и оттока воздуха. Хотя тусклые пятна ламп рассеивал мрак, их света едва хватало, и дальний конец барака тонул в полумгле. Вдоль помещения тянулись ряды грубо сколоченных низких деревянных лежаков. Как только в барак вошел воспитатель, с лежаков тут же стали сползать порхи и вставать на колени. Они прижимали подбородки к груди, исподлобья настороженно следя за каждым движением Ши́ла.

Глаза Бренна цеплялись за любые мелочи, лишь бы это помогло отвлечься от панических мыслей. Вот у входа широкий стенной выступ, который, судя по множеству деревянных мисок, заменяет стол. Длинные лавки из щелястых досок. Рядом — бочка с черпаком, наверное — с пресной водой. Ящик с песком на случай пожара. Но вот зачем у противоположной стены в каменный пол вделана огромная железная бочка, почти на метр выступающая над ним? Бренн и раньше видел подобные трехметровые дошники, которые использовали для засолки, но их делали из дерева и вкапывали в землю. Над железным дошником — рычажная конструкция с цепями, ремнями и блоками. Зачем здесь эта хрень, что так напоминает жуткие устройства в Испытательном Рауме...

— Так. Вы — трое, — Яппар презрительно оглядел свежаков, — теперь это, — он обвел рукой подвал, — ваш милый дом, ваш свинарник... Здесь будете жрать, спать и срать. За драку — порка и бочка, за тайные потные утехи друг с другом — Хис Яппар отрежет яйца, — спокойно сообщил Ши́ло новичкам, говоря о себе в третьем лице... Но судя по неподвижной тяжелой тишине было ясно, что слышали его все, причем уже не первый и не второй раз...

— Теперь вы, свиноматки, — Ши́ло повернулся к девушкам, — ждать своей свинячьей участи будете тут... совсем скоро господин Хис Яппар навестит вас снова...

Дверь глухо хлопнула, лязгнул затвор. К новеньким тут же двинулся десяток поджарых крепких порхов с голодными жесткими лицами. Они не спеша обступили свежаков, с ухмылками рассматривая их, но их глаза то и дело перебегали на тела обнаженных дев, прикрывших волосами груди и срамные места. Бренн в свою очередь, крепко сжав губы, смотрел на «старожилов». Старожилы, как же! — из разговора Тухлого Краба с Зигором Болли он понял, что эти парни попали в Казаросса лишь на пару недель раньше него.

В Загоне было несколько десятков молодых рабов из разных земель, подвластных Лаару. Ширококостные желтокожие умшигтайцы, медноволосые юноши с севера Тейгу, сплошь покрытые татуировками обитатели острова Юха, смуглые жилистые джаккайцы, высокие синекожие парни из Каапро, быстроглазые ловкие рхетцы. Хватало и великорослых, чуть неуклюжих селян из провинций. У всех волосы или стянуты в хвост, или заплетены в косы. У каждого — широкий железный ошейник, с которого свисала костяная бирка с номером. На бедрах болтались тряпки, крепкие тела покрыты разводами грязи, синяками, шрамами,

ссадинами и следами от бича.

Благодаря детству, проведенному в постоянных драках с одноклассниками и заклятым врагом Джоком, картинка была знакома Бренну до тошноты. Сейчас начнут проверку на вшивость. Надо успокоиться, или хотя бы сделать вид, что спокоен, иначе сразу почувствуют жертву, которую можно пинать во все щели. Он попытался расслабить плечи. Драка его не слишком пугала — дело привычное, обыденное... До холодного пота он боялся другого, о чем упомянул Шило, — что его могут отыметь. И хотя Яппар доходчиво описал наказание за подобные действия, всем было понятно, что опозоренный, опущенный слабак даже не вякнет. А то, что Бренн до сих пор был голым, вызывало особо острое чувство унижения и уязвимости. Внутри все сжималось от леденящего страха, и подавить его никак не удавалось.

Однако Бренн ошибся, — испытания надвигались вовсе не с этой стороны.

— Откуда тебя приволокли, крысеныш? — вдруг резко придвинувшись к Бренну, спросил плечистый рослый порх с белесыми ресницами и рыжеватыми волосами, чем-то смутно напоминавший Джока. Когда парень двигался, под бледной, лишь покрасневшей от загара кожей, перекатывались твердые мышечные бугры, но тело было рыхловатым, а на животе натек слой жирка. Понятно. Значит, для развлечения выбрали его, Бренна, — как самого младшего.

— Из Канавы, жирная бледная крыса, — ровно ответил он, подавляя дрожь в голосе.

Бледнокожий явно не ожидал услышать от свежака-недоростка столь наглый ответ и потому среагировал не сразу. И Бренн использовал подаренное мгновение. Когда здоровый веснушчатый кулак рассек воздух, целясь ему в челюсть, он успел уклониться. Белесый всхрапнул, разъярившись еще больше, и шагнул к Бренну, намереваясь как следует проучить охамевшего новенького.

— Хорош, Коста, — властно произнес невысокий смуглый парень с узким лицом, острым взглядом и жесткой черной косой, падающей на спину. Белесый с досадой уронил руку, и будто бы стал ниже ростом.

— Лаадно, Гайр, пусть помочный крысеныш поживет пока, — протянул он, щеря рот в кривой улыбке.

Вот оно как... Похоже, что верховодит в бараке именно Гайр, а Коста, хоть и силится строить из себя равного, на деле опасается этого быстрого, как мангуст, парня, который на полголовы ниже него.

— Сколько тебе? — цепко оглядывая Бренна, спросил смуглый.

— Четырнадцать... через полгода будет...

— Это вряд ли, — без улыбки бросил Гайр. Белесый сипло засмеялся. Стоящие кругом порхи также заржали с каким-то наглым весельем.

— Захлопнулись! — рявкнул Гайр и ткнул оттопыренным большим пальцем себе за плечо, вглубь барака. — А вы, новики, занимайте свободные лежаки. Скоро метчики пожалуют. — После он обернулся к жмушщимся друг к другу девушкам: — Сели в углу и умерли!

Когда «старожилы», повернувшись спиной к новеньким, направились к лежакам, Бренн невольно поморщился, увидав на их лопатках красные овальные печати с надписью «Казаросса». Он двинулся вдоль прохода под оценивающими взглядами других невольников, приподнимавшихся с убогих лежбищ, чтобы разглядеть его в тусклом свете масляных ламп. В глазах товарищей по несчастью он не заметил ничего, кроме насмешки, пренебрежения и равнодушия. И ни капли сочувствия. Мы тут мучаемся — вот и ты мучайся. Как все...

Шедшие впереди него парни заняли два свободных лежака почти в конце барака, а ему пришлось идти дальше, вглубь, где воздух становился все более тяжелым и зловонным. Два незанятых лежака он нашел возле низкого входа в соседнее помещение — уборной, судя по вони и гулкому звуку капающей воды. Ссутулившись, сел на тощий тюфяк, из дыр которого торчала солома и пучки сухих водорослей. Подушкой служил такой же тюфяк, только в три раза меньше, одеяла не было.

Он не успел осмотреться, когда снова лязгнув засов. Чуть впереди Яппара, расставляя мощные, как столбы ноги, в барак вошли два телохранителя в кожаных доспехах. В волосатых руках — хлысты, за широкими поясами — изогнутые клинки. Прищуренные глаза Яппара шарили по фигурам порхов, торопливо встающих на колени, и примечали тех, кто замешкался. — Свежаки! Выползли вперед! — приказал он, растягивая слова. В проеме открытой двери показались фигуры двух метчиков, один нес толстую пластину из темного дерева, усаженную короткими острыми шипами, его помощник — глиняный сосуд. Один из телохранителей — кряжистый, рябой Хнор, обвел рабов брезгливым надменным взглядом. — Мордой к стене, — велел он Бренну, сдавив сзади шею и толкнув вперед, — прижмись брюхом и не дыши!

Камень обжег влажным холодом грудь и живот. Шорох, шаги за спиной. К лопатке прижали шипастую пластину, и Бренн невольно напрягся. Резкий удар, и он вздрогнул, ощутив колющую боль от шипов, вонзившихся в тело, и бегущие по спине теплые струйки крови. От крика удержался — терпеть можно. Второй слуга принялся растирать наколотую кожу тряпкой, смоченной в пахучей красящей жидкости. Через десяток секунд болезненного растирания на лопатке Бренна красовалась вспухшая печать раба — собственности Казаросса. У него отобрали свободу и заверили это важное изменение в жизни надежной кровавой печатью. А когда его шею стиснул ошейник с номерной биркой, — у него отобрали имя. Он стал жалким Девяносто девятым.

Процедуру провели всем по очереди, включая женщин. Когда одна из девушек завизжала от боли, Хнор разбил ей нос, ударив лицом об стену. Вторая порха, научившись на ошибке первой, вытерпела процедуру, не издав ни звука.

— Свиноматок в бабский загон! — приказал Шило, и Хнор погнал клейменных девушек за дверь барака. Оставшимся в Загоне свежакам швырнули ветхие набедренные повязки, и дверь тяжело хлопнула.

\*\*\*

Бренн тупо смотрел вверх — на низкие потрескавшиеся камни потолка. Жуткий сон, начавшийся минувшей ночью, не собирался заканчиваться. Печать раба горела и саднила. Ошейник душил. Он не мог думать, не мог вспоминать, не понимал, что делать. Вздрогнул, когда на его лежак сел бледнокожий Коста. — Развlechься не хочешь, свежак, — помогает снять напряг...

Бренн резко подскочил, задохнувшись от злости.

— Не шуми, не шуми, девяносто девятый, — примирительно сказал Коста, — твоя тощая задница никому не нужна. Тут уже все есть, — прошептал он. — Пошли, поссым... что-ли...

Заманивает в уборную. Будут бить? Несколько минут назад туда прошли трое. Может, не ходить? Нет, нельзя, ведь так или иначе, справлять нужду придется, и поймать его там могут в любое время. Драки не избежать, значит — будь, что будет, но он пойдет на все, если его попробуют отыметь. Плевать. Жрецов здесь нет, а он постарается не убивать...

чтобы выжить и не сесть на кол. Но ядзу будто замерла, как и мысли в голове, — он вообще не чувствовал привычного пульсирующего биения в крови. Страх и отчаянье подавляли искру Синдри, гасили ее, а он никак не мог сосредоточиться. Мысли теснились, прыгали, как блохи, и разбегались.

Поднявшись с лежака, он лишь сейчас почувствовал, что мочевого пузыря переполнен — низ живота почти сводило судорогой. В уборной рядом с глубоким желобом для стока мочи, на длинной цепи стояла на четвереньках бритая порха, которую насиловали двое парней. Один тянул невольницу за уши, заталкивая разбухший пенис ей в рот, другой пристроился меж худых грязных ягодиц, вбивая огромный член в прямую кишку девушки. Вторая рабыня лежала на спине с широко раздвинутыми ляжками — над ней усердно трудился еще один порх.

— Видал! А ты боялся... Можешь пользоваться в любое время, — Коста довольно лыбился, наблюдая за насилием. Вся сцена вызывала отвращение. Возбуждения Бренн не почувствовал вообще. Отодвинувшись подальше, помочился в желоб. А когда повернулся, то позабыл, как дышать, — насильник как-раз поднимался с лежащей на спине женщины. Только это была не женщина. Это был парень — с отрезанными яйцами и пенисом, на месте которых багровел ожог, а из дырки мочеиспускательного канала торчала деревянная трубка.

За спиной заржал Коста. — Покажи-ка зубки, сучья жопа! — приказал он кастрату. Тот послушно открыл рот, растянув пальцами губы и показал изуродованные десны с глубокими ямами вместо зубов.

— Видал, девяносто девятый! Этот бывший живец здесь уже пару месяцев сосет и жопой трудится, еще до того, как нас в Загон пригнали. Говорят, обоссался от страха во время Игры... Так хозяин приказал его выскоблить и вырвать зубы, чтобы было приятнее иметь его в слюнявый рот, — охотно объяснил Коста, освобождая из-под набедренной повязки торчащий колом член.

— Стать сучьей жопой можно в любой момент... — добавил он, хватая кастрата за уши и резко придвигая к своему паху, — особенно это касается таких трусливых смазливых крысят, как ты, свежак... — Гляди — гляди, — сипел Коста, сжав ноздри задыхающемуся кастрату, — это твое сраное будущее, девяносто девятый. Готовься!

\*\*\*

В спертom воздухе висело гнетущее молчание, нарушаемое тяжелыми вздохами, вскриками во сне, звуками, доносившихся из уборной, куда изредка проходили парни. Бренн забывался на несколько минут, и снова просыпался, не в силах принять весь ужас происшедшего. Он, свободный подданный, чистый перед законом... — ну, по крайней мере, так постановил Суд — вмиг оказался на самом дне, став презираемым домашним скотом, с которым могли делать, что пожелают.

На рассвете тьму подвала трижды пронзил тоскливый вой трубы. Резко сев, Бренн увидел, как порхи вскакивают с лежаков, покачиваясь со сна и растирая глаза. Через несколько минут слуги притащили «корм» — три огромных таза вареной полбы с рубленой свининой. К каменному столу подходили по десятку человек — сначала «старожилы», имевшие лежаки ближе к дверям, где было больше света и воздуха. Потом те, кто пришел в Загон позднее, и последними — Бренн и двое селян. За тем, чтобы никто не остался без пищи, внимательно следил Гайр. Сам он уселся за стол вместе с последней партией едоков, и в тазу оставалось еще достаточно корма, чтобы набить животы.

— Ты ешь давай, — шепнул Бренну сосед с номером сорок пять, — в большой семье

клювом не щелкай...

Не ожидая и малейшей доброжелательности от товарищей по несчастью, Бренн почувствовал, что дышать будто стало легче, но напряжение, сковавшее тело и душу, не оставляло ни на миг.

— Да чего-то не лезет... — смутился он, настороженно глянув на Сорок пятого — широкоплечего гибкого парнишку с пепельно-серыми косами, свисающими вдоль висков, и яркими синими глазами.

— Ну, это по-первам... — пояснил синеглазый, — с перепугу... Тебя, по всему виду, не так давно освежевали, вот и колбасит не хило...

— Освежевали?

— Ну, в свежака обратили... — объяснил парень, — шкуру содрали...

— Да, — кивнул Бренн, уставившись на каменную столешницу, — содрали... Вчера...

— Вот я и говорю — привыкнешь... Ты еще ничего держишься — многие по два дня со сральников не слазят...

Бренн не хотел привыкать. Но его никто не спрашивал. Однако, видя, что синеглазый не пренебрегает им, он чуть осмелел и решил задавать вопросы, пока тому не надоест отвечать.

— А ты здесь уже давно?

— Да почти две недели... За это время каждый день пригоняли по несколько человек... А вчера, когда вас притащили, как раз набралась сотня свежаков без одного... Потому ты девяносто девятый... А мог быть сотым, — охотно делился сведениями синеглазый.

— И куда делся еще один?

— Ну, Шило эти недели мордовал нас на Скотном дворе до усрачки... и от усердия, видать, перестарался, — одного свежака насмерть забил, — спокойно рассказывал парень. — Говорят, Тухлый Краб рассвирепел и заставил его выплатить тройную стоимость порха. Шило прям взбесился...

— Скотный двор... Это...

— Да место на берегу, где дрессировки проходят, сам увидишь... Мы же не люди, мы — скот... — Парень говорил это без злости, равнодушно... Он свыкся.

Пока Бренн пытался протолкнуть в горло хоть ложку полбы, синеглазый рассказал, что его зовут Микко и он стал порхом в девять лет, когда отец продал его за карточный проигрыш в дальнюю рыболовецкую деревню. Там малолетних рабов целыми днями заставляли нырять за моллюсками и морскими ежами, которые затем доставляли в дорогие рестораны для ноблесс.

— Тебя продал родной отец? — не выдержал Бренн, понимая, что хотя и не стоит задевать больное место, но ему нужно было понять...

— Ну, да... — невозмутимо ответил Микко. — Это разрешено законом. Разве ты не знаешь?

Бренн не знал. Как оказалось, он много чего не знал. Он никогда не интересовался такими вещами. Конечно, что-то доходило до ушей, но вскользь, не оставляя никаких зарубок в памяти.

— Может, в Бхаддуаре продажа собственных спиногрызов и редкость — все ж столица, — продолжал синеглазый, — но в провинциях, в селах, да повсюду — дело привычное... Закон запрещает бабам травить плод, а продавать детей — разрешает... Народ доволен — лишние деньги в дом...

Бренн никак не мог осознать то, что рассказывал Микко-нырлящик.

— До меня отец продал в Веселый дом двух моих сестер-близняшек... Им как-раз накануне двенадцать исполнилось...

— А твоя мать? Она что — она не возражала?

— Не так, чтобы шибко сильно... Всплакнула, само собой, когда сестер в Бхаддуар отправляла, да и позабыла... У нее же еще пятеро осталось, и она еще сможет долго рожать... А когда отец денег за сестер привез, опять заплакала — только уже от радости... Порося зарезали...

Микко вздохнул, вспоминая подробности. До совершеннолетия доживала лишь половина порхов-ныряльщиков. И это много. Их даже лечили, если была надежда, что после травмы или болезни, молодого порха можно использовать по-новой. А когда Микко исполнилось пятнадцать, хозяин за хорошие деньги продал его в Казаросса, и Микко считал, что может быть, это неплохой шанс выжить и вырваться отсюда...

От него же Бренн узнал, что на здесь, на нижнем ярусе четыре Загона, и в каждом пять десятков голов скота, как выражался Шило. Один Загон впервые отвели для свинок — так называли свежаков-девушек. Хозяин Казаросса задумал выдрессировать из них живцов-самок, чтобы внести в Игры «свежую струю» и дополнительный половой азарт.

Договорить с Микко не удалось — их прервал загремевший засов, при звуке которого все юноши сели на пятки, прижав подбородки к груди. Вошел Хис Яппар с подручными.

\*\*\*

Серебристо-розовый песок, который можно найти лишь на побережье Сильфурбэй, струился через горловину старых песочных часов. — Толковый живец должен уметь, как можно дольше находиться под водой, — лениво сообщил Яппар, глядя поверх голов невольников. — И сейчас Хис Яппар посмотрит, как долго продержится наглый порх, посмевавшийся напасть на своего бывшего хозяина и нанести ему рану в присутствии господина ан Хурца.

Шумные вздохи и шепотки пронесли под сводами подвала. Бренн замер. Понеслось! А он-то, придурок, решил, что о нем забыли, и наказание, о котором упомянул Тухлый Краб, его миновало. Холодный, как у мурены, взгляд Шила быстро отыскал его среди других рабов.

— Девяносто девятый! — рявкнул воспитатель, — выползай на свет, мелкая гнида!

В животе зашевелился ком черных гадюк, ноги стали ватными. Микко с недоумением смотрел на Бренна, приоткрыв рот. Множество недоверчивых глаз сверлили его со всех сторон, пока он, едва передвигая ноги, шел к Яппару.

— Что — очко заиграло! — услышал он ехидный смешок справа, — то ли еще будет...

— Не дрейфь, малёк, — прошептал кто-то в спину, — не ты первый...

Бренн честно старался не дрейфить, уговаривая себя, что владелец Казаросса обещал лишь наказание, но не казнь, значит, его по любому должны оставить в живых... Наверное. Однако всплывающие в голове слова Микко о замученном новобранце только усилили страх. Злоба Шила может привести к непредсказуемому результату... Или, наоборот, вполне себе к предсказуемому.

— Шевели булками, урод! — Не скрывая ухмылки, к Бренну подошел рябой Хнор и толкнул его к дошнику.

— Начинай экзекуцию, Хнор... — приказал Шило, улыбаясь и внимательно наблюдая за Бренном из-под полуприкрытых век.

Надсмотрщик связал Бренну руки за спиной, стянул щиколотки ременной петлей, и резко ударил под колено. Упав животом на край бочки, Бренн задохнулся от боли. Не дав

ему отдышаться, Хнор дернул цепь, перекинутую через блок на поворотном рычаге, и вздернул жертву вниз головой. Перед глазами заколыхались каменные плиты пола, затем раздался скрежет, — Хнор повернул рычаг, и Бренн завис вниз головой над черной водой прямо по центру бочки.

Ни хрена не страшно... не страшно, — он сотни раз нырял со скал, так с чего ему пугаться мелкого моря в бочке. Ведь топить до смерти его не будут. Конечно, не будут — жлоб Яппар не захочет выплачивать стоимость еще одного порха. Это всего лишь муторное наказание. Он продержится.

Цепь резко опустилась, и Бренн, едва успев вдохнуть, погрузился в мокрую стылую черноту, сдавившую со всех сторон. Вода была холодной, гораздо холоднее, чем прогретая солнцем морская вода в гавани. Он сразу перевернулся, и, оттолкнувшись от дна бочки, стал подниматься к поверхности, глядя вверх — на дрожащий свет, который заслоняло широкое тулово Хнора, склонившегося над краем дошника. Массивная темная фигура над водой взмахнула рукой, и прямо под ложечку ударила длинная толстая жердь, которая едва не вышибла из груди весь воздух. Вот же храфн поганый! Пытаясь увильнуть от следующего удара, Бренн подался в сторону, но жердина ткнула его в плечо, в живот, в голову, в грудь, и он задергался всем телом... Из рта вырвались каскады воздушных пузырьков, заскользившие вверх, к свету. А Хнор все продолжал тыкать его жердью, придавливая к дну дошника и не давая вынырнуть. Легкие зажглись огнем, в ушах зазвенело, и в открытый рот хлынула черная вода.

Наконец, цепь резко дернули вверх, и хрипящий Бренн повис над бочкой, извергая из себя воду, утренний корм, рвоту и сопли. Сквозь заложившие уши он едва расслышал слова воспитателя: — Свежак продержался в бочке всего один поворот часов, прежде чем начал глотать воду и дергать плавниками... Убожество!

Дождавшись, когда Бренн отплюется и откашляется, Шило кивнул, и Хнор вновь повернул рычаг, погружая Бренна в холодную тьму. И он снова корчился на дне дошника, придавленный жердью, но на этот раз измученные легкие продержались гораздо меньше. А через минуту его снова топили в черной грязной воде. Ужас не прекращался.

Он очнулся на каменном полу под тяжелой ступней Хнора, давившей ему на спину. Хлынувшая изо рта вода залила надзирателю шаровары. Разозленный Хнор, похабно ругаясь, принялся хлестать его плетью, пока Яппар не велел заканчивать экзекуцию.

Отлежавшись возле дошника, Бренн поплелся на свое место, опустив глаза... Но, найдя в себе силы, все же вскинул голову и уперся взглядом в лица порхов, наблюдавших за ним. Он увидел многое... Микко явно сочувствовал. Многие перепугались, и было ясно, что они готовы делать все, что угодно, лишь бы не попасть в черный дошник... Усмехающийся Гайр подошел и, ободряя Бренна, пожал ему плечо, причем в его темных глазах светилась искра уважения. Кто-то хмурился, отводя взгляд, кто-то, как бледнокожий Коста, не скрывал злорадства... Но Бренн чувствовал и кое-что еще — от большинства парней исходили волны тщательно скрываемого опасения и нежелания связываться с ним — бешеным свежаком, который не убоился казни и едва не загрыз своего бывшего хозяина...

Скрючившись, он сидел на тюфяке и трясся. От горечи и боли во всех местах, куда неумолимо била жердь Хнора, сводило скулы... Но это не мешало понять, что ему неслыханно, просто невероятно повезло, и, прикрыв глаза и дрожа от озноба, Бренн послал хвалу колченогому Перу-Пели.

## Глава 12. Бывает и хуже

Прошло не больше часа после экзекуции в дошнике, как в Загоне снова появился Хнор с парой надзирателей. Гайр, как староста барака, дунул в латунный свисток, болтающийся у него на шее, и рабы стали поспешно строиться, не дожидаясь приказа рябого надсмотрщика. Подобная исполнительность и послушание, видимо, льстила Хнору, и он, сунув большие пальцы за широкий ремень с железными бляшками, лишь наблюдал за свежаками и даже не хлестнул никого тяжелым бичом из сушеного хвоста ската-хвостокола. Похоже, смысленый Гайр намеренно угождая свирепому надсмотрщику, знал, что делал...

За дверью ждала вооруженная охрана. Невольники шли за конвоирами вдоль душной каменной кишки, такой узкой, что рядом могли идти лишь двое, прижавшись плечами. В таких тесных коридорах в случае бунта даже пара-тройка стражей с копьями и длинными мечами легко перебила и сотню полуголых рабов. Через определенные промежутки кишка расширялась до небольшой площадки с чадящим масляным фонарем, от которой уходили во полутьму другие коридоры.

— Здесь кладовые, всякие служебные помещения, а там — спуск в карцеры... — сообщил Микко, заметив, как Бренн вглядывается в едва освещенные проходы.

— Карцеры?

— Ну да, — кивнул Микко, — их сделали прямо под уборными. Так что тебе, считай, повезло...

В ответ на удивленный взгляд Бренна, он принялся объяснять: — Помнишь, я говорил про свежака, которого Шило до смерти забил? А до этого он велел посадить его в карцер. Парень тогда еле выполз оттуда... Он и рассказал, что три дня сидел на карачках в низком каменном мешке... Встать не получится, а лечь сам не захочешь — потому как там по пояс душистой смеси говна с мочой, которая стекает туда прям из сральника. Хлеб ему швыряли прямо в дерьмо — хочешь жри, хочешь голодай. Воды не давали вообще — он ее с мокрых стен слизывал...

Микко помолчал и добавил: — Уже потом Шило по-доброму так, лыбясь во все рыло, сообщил, что некоторых свежаков и живцов из прежних наборов, прямо в карцерах и казнили — топили в дерьме, перекрывая слив... Намекнул, вроде как, падла, что и нас такое ждет, коли не угодим...

— Храфн ему в жопу! — не выдержал Бренн, на миг представив, что вместо воды в дошнике колышется жидкое дерьмо, и его суют в него вниз головой, снова и снова... Прав был старик-надзиратель — как бы не было плохо, всегда может стать еще хуже. Они поднялись на ярус выше. — А там что?

— Там Загоны для живцов, которые прошли Игру и стали настоящими кортавида. У них там куда лучше, чем у нас — и дышать легче, и жрачка сытнее, в потолке световые окна прорублены, а для утех не кастратов пользуют, а свежих баб...

Еще один подъем, и воздух стал свежее и прохладнее, — сквозняк, обдувающий влажную кожу, нес с собой солоноватый запах моря.

\*\*\*

Солнце только всходило, но после подвального сумрака жемчужно-розовое утреннее небо слепило глаза. Бренн с удивлением смотрел на простирающийся перед ним Скотный двор — именно так называлась огромная огороженная территория на берегу, где все было

обустроено для подготовки живцов и кортавида. Глаза разбегались от обилия больших и малых площадок, оборудованных тренировочными устройствами, включая брусья и перекладины, столбы-палусы, закрепленные на разной высоте бревна, вертикальные и наклонные лестницы, канаты и рукоходы, кольца и решетчатые трубы, и другие непонятные конструкции.

На вышках дежурили стражники, причем у многих, вместо арбалетов, были ружья, как у королевских гвардейцев. По периметру Скотного двора лениво вышагивали патрули, осматривая берег, заполненный сотнями живцов и мельтешащих повсюду хозяйственных рабов и вольнонаемных слуг.

Невольникам из двух загонв в ожидании построения разрешалось сидеть, и девяносто девять юношей тут же рухнули на песок, понимая, что весь день они проведут на ногах... Береговая часть Двора была разделена на несколько секций, где проходила подготовка порхов на разных стадиях дрессировки. В одной из них Бренн увидел около сотни бритых наголо девушек в набедренных и грудных повязках, среди которых, очевидно, находились и те, которых Крабу продал Зигор Болли. Они с ужасом косились на кол, где дергалась голая порха, чьи вопли разносились по всему берегу. Даже отсюда Бренн рассмотрел обрубленные кисти рук и кровавые ямы на месте глаз и рта.

— Что, обоссался, свежак? — толкнул его локтем Коста, заглядывая в глаза и по-видимому, надеясь увидеть в них страх и замешательство.

— С чего бы? — поморщился Бренн, — у нас в Бхаддуаре каждый месяц такие казни проводят. Иль ты из глухой деревни, потому тебе и в диковинку? — поддел он Косту.

— За что с ней так? — повернулся он к Микко, не слушая, что там продолжает бубнить Коста, и стараясь не выдать свой душный липкий страх. Ведь казни на площади Искупления проводились после суда... а здесь...

— Кол в жопу можно получить запросто — например, за побег, нападение на хозяев, — синеглазый выразительно посмотрел на Бренна, намекая на его стычку с Зигором, — и даже за попытку самоубийства...

— Она хотела убить себя?

— Да не... Сдернуть отсюда она хотела, на охранника набросилась...

Бренн оторопел. — Набросилась? Она что — головой скорбная? Как худосочная девка может надеяться, что завалит вооруженного амбала...

— Зря не веришь, свежак, — снова встрял Коста, — девка эта — гнилая, настоящая урхуд!

— Урхуд? — Бренн в недоумении уставился на довольного его замешательством Косту.

— О чем тебе и талдычат! Только она еще и овца тупорылая, — видать думала, что сможет удрать отсюда с помощью своей гнилой яджу, — ухмыльнулся тот, наблюдая, как бьется на колу казненная порха. — Подгадала, да и харкнула в рожу караульного. А у того вмиг зенки лопнули... Так и потекли сырыми яйцами... А что толку то?

— У Тухлого все продумано на такой случай, — нехотя кивнул Микко, видя, как огорошен Бренн, — в нее даже болтами пулять не стали. Жрецы, что на Краба работают, сразу эдиоров на нее натравили с ловчими сетями. А у них амулеты, которые вроде как яджу ослабляют... Да, если б и не было тех амулетов, — что она одна могла сделать против толпы мужиков с копьями да тулварами...

— Эдиры девку загнали, значит, поймали ее всем скопом во все дыры, потом язык вырезали, глаза выжгли, а кисти рук отрубили, — смакуя подробности, продолжил Коста, —

ух, и визжала она на весь Двор, как свинья недорезанная, — чуть уши не треснули. Теперь тварь эта еще дня два будет корячиться — кол-то нарочно тупой взяли, чтоб помедленнее ее нутро гнилое протыкал...

Коста не скрывал ехидства, с похотливым интересом разглядывая несчастную. А Бренн едва смог проглотить слюну — во рту пересохло, сердце пропустило удар. Значит, сбежать, используя яджу, чтобы избавиться от охранников, точно не выйдет... На самом деле, он понял это еще вчера, увидев жрецов возле Тухлого Краба, но осознал полностью лишь теперь, когда прямо ему под нос сунули доказательство страшных последствий тупого использования яджу — ослепленную и безъязыкую порху.

Раздался резкий свист — дунув в латунный свисток, Гайр дал сигнал к построению своей группы, и порхи начали торопливо выстраиваться в шеренги. Бренн тупил, не зная, куда деваться, но Гайр тут же дернул его за локоть, веля встать за Микко. Но облегчение от того, что рядом оказался синеглазый ныряльщик, тут же растаяло, когда Бренн увидел стоящего первым в шеренге Косту. Значит, бледнокожий будет постоянно его доставать и издеваться...

Пока ждали воспитателей, Бренн успел узнать от соседей, что по правую сторону от секций новобранцев тянутся площадки для тренировок настоящих бойцов. Ближние предназначены для «свежеиспеченных» кортавида, то есть, для везунчиков, которые уцелели и всерьез не покалечились на Игре. Площадки подальше — для опытных игроков с морскими тварями, а самые дальние — для ветеранов. Выше, над береговым склоном, стоят хозяйственные постройки и караульные. Слева от них — казармы для кортавида-невольников, справа — небольшие каменные дома свободных бойцов, среди которых немало вольноотпущенных, сумевших выкупить себе свободу. Возле этих домиков Бренн разглядел хлопотавших по хозяйству порхов — бывшим рабам теперь прислуживали другие рабы.

Вдоль берега были сооружены огромные бассейны с многоуровневыми вышками, опускающимися решетками и другими конструкциями. Повсюду мелькали слуги и порхи. Одни убрали и разравнивали площадки, чистили бассейны, другие везли тачки с песком и галькой, тащили носилки с тренировочным оружием, на третьих была возложена обязанность проверять и регулировать устройства и механизмы.

Бренн отвлекся, разглядывая суету на Скотном дворе, но тут в уши опять вонзился страшный вопль урхуд с женской площадки... Перед глазами внезапно поплыл кровавый морок, и он увидел, как в этом мороке сучит ногами насаженный на кол толстяк Сирос. И как лицо невинного пекаря дрожит, течет и смазывается, неумолимо превращаясь в лицо настоящего убийцы — в его лицо...

Резкий свист. Порхи в шеренгах вытянулись и застыли — к первому Загону направлялся Хис Яппар, ко второму — воспитатель Арбай — низкорослый узкоглазый старик с длинными жилистыми руками, перевитыми бугристыми венами. За каждым шли пятеро надсмотрщиков. — Разминка! — объявил Шило, и дрессировка началась.

\*\*\*

Два часа выматывающей разминки дались Бренну тяжело. Для начала их погнали по рыхлому песку, постепенно заставляя наращивать скорость. Мышцы голеней, непривычные к долгому бегу по сыпучей поверхности, заныли спустя минут десять, если не раньше. Затем дистанцию между парнями увеличили, и бег стал чередоваться с кувырками. Свежакам, которых привели в Загон последними, было велено повторять все действия за бегущими впереди них... Они сбивались, спотыкались чаще, чем другие, и спина Бренна, как и других

новичков, быстро покрылась следами от ударов плети. По хлопку Яппара все остановились, тяжело дыша.

— Пятьдесят отжиманий! — приказал он. Порхи упали на песок, отжимаясь в темпе, который задавал Шило, хлопая ладонью по маленькому барабану, висящему на поясе. Пятьдесят — это много, и Бренн несколько раз коснулся животом песка, получая удары от надсмотрщика, который таким способом наказывал неумех и слабаков за промашки.

Закончив отжиматься, Бренн сел на песок, тяжело дыша, тупо глядя перед собой и ничего не видя. Он справляется. Пока справляется. Лишь за счет того, что несколько лет работает с молотом и мехами. Вернее — работал. В той — прежней жизни, которая существовала еще вчера. Нет-нет, она существует и сегодня, причем совсем рядом — за каменными стенами Казаросса. Просто его, Бренна, в этой жизни уже нет. Его вытряхнули из нее, как гнилую картошку из мешка. И так случилось, что путь сюда — на Скотный двор — оказался стремительным, как укус гадюки, а обратная дорога теряется во мгле, превращаясь в туманный след, уводящий в никуда...

Он вздрогнул от хрипа задыхающегося свежака из группы старика Арбая. Руки парня подогнулись на третьем десятке счета — не помогла даже плеть. Таких, как он, — не справившихся с заданием, — было больше трети. Сапог воспитателя в качестве наказания давил на затылок парня, вжимая его лицом в песок, пока тот не стал хрипеть. — Жри песок, сука, жри песок! — измывался над свежаком старик Арбай, велел надсмотрщикам также наказывать и остальных неудачников.

Пять минут всем дали на откашливание и возможность напиться из ведер, принесенных слугами. — Не хлебай так много, — остановил Микко жадно глотающего Бренна, — иначе потом совсем хреново будет... Я уж на себе испытал... Не бойсь — воду еще несколько раз принесут...

Бренн заставил себя оторваться от вожденной прохладной влаги, и покосился на синеглазого. С добротой в этом мире не густо, но непохоже, что за заботой Микко скрывается корысть, — что можно взять с таких же, как и он сам... Хотя, нет — все не так. Бывает и зависти нет, потому что завидовать нечему, но ведь тот же Коста возненавидел Бренна сразу, ни за что, без всякой причины, просто потому, что он посмел вкатать и сопротивляться его власти... Получается, что ненависть всегда найдет причину, если она живет в сердце...

Когда порхи отдышались, их заставили прыгать — бесконечно долго прыгать на рыхлом песке с колен, с корточек, вскакивать прыжком из положения лежа на животе и на спине. Становилось все жарче, а проклятое солнце даже не добралось до зенита. Дрессировка продолжалась, и теперь, как цирковые зверюшки, они с разбега прыгали через широкий обруч, приземляясь на руки с кувырком на смесь гальки и колючего базальта. Напряженно следя за тем, как ловко прыгают более опытные свежаки, Бренн старался запоминать все их движения. Вот гибкий, жилистый Гайр рыбкой пролетел через обруч, спружинил на руках, погасив силу удара, и замедлился, кувырнувшись через плечо... Сначала Бренн не понял, почему тот делает именно так, но присмотревшись, увидел, что Гайр, прокатившись по дуге от лопатки до ягодицы, не коснулся колючего крошева ни позвоночником, ни крестцом, оберегая их от повреждений.

Разбежавшись и сильно оттолкнувшись, Бренн пролетел через обруч, не задев его, но приземление на руки вышло жестким — он не смог ни угадать силу удара, приходящегося на ладони, ни смягчить его. Потому кувырок вообще не получился, и он проехался по

шершавым камням, ободрав локти и спину. К его облегчению — не он один, многие из «старожил» также обзавелись ссадинами, а свежак Бакир выбил плечо. От боли он стонал и морщился, глядя на торчащую вбок руку, но вместо сочувствия получил десять ударов плетью за неуклюжесть. Только после воспитательной порки Яппар позволил надсмотрщику вправить бедолаге руку и прибинтовать предплечье. Но даже увечье не спасло Бакира от дрессировки — Шило приказал ему выполнять задания наравне со всеми, кроме тех, где нужна левая рука.

\*\*\*

Разбитые локти и колени страшно ныли, но эта боль отвлекала Бренна от другой — постоянной грызущей боли, которая поселилась под ложечкой, где у человека находится его суть. Бренн знал это точно — именно там всегда сверлило и грызло, когда на него обрушивалось отчаянье, страх или тоска...

Растяжка «штагом» оказалась той еще пыткой. По приказу воспитателя Гайр показал свежакам, чего конкретно они должны добиться. Сначала он быстро сел так, что вытянутые напряженные ноги образовали прямую линию, подобную жесткому стальному тросу — штагу. Затем староста подошел к двум каменным опорам на уровне колена и, опершись ладонями о песок, сел в «штаг», опираясь на опоры лишь пятками, и провиснув задницей почти до земли. Так, и даже еще лучше, умела делать лишь гибкая, как каучук, Лея — нежная девушка-змея из театра дядюшки Гримара... А теперь змеей должен стать Бренн, — изворачиваться, ползать, немислимым образом скручиваться, и выживать...

Растяжка длится всего ничего, а мышцы на внутренней поверхности бедер горят огнем, и кажется, что вот-вот разорвутся связки. Ни Бренну, ни десяткам других живцов не удастся даже приблизиться к впечатляющему результату Гайра. Судя по бою городских часов, их дрессировали около пяти часов, а Бренн уже дико устал. Да еще и Гайр «обрадовал», сообщив новеньким, что дрессировка с несколькими перерывами длится с рассвета до захода солнца. На износ... Как это выдержать...

Он едва успевает отдышаться, а перед рабами уже поставлена новая задача. Длинный брус, закрепленный на уровне коленей, надо перепрыгивать зигзагом — с одной стороны на другую. Чтобы свежаки прыгали резвее и выше, тех, кто останавливается хоть на секунду, ободряют хлыстом надсмотрщики. У Бренна получается не хуже, чем у других, только вот сил приходится тратить больше — ему явно не хватает роста и длины ног. Мышцы дрожат, рот пересох, пить хочется невероятно. И хотя воду им приносят каждый час, он помнит совет Микко и мелкими глотками выпивает лишь небольшой черпак, подольше удерживая влагу во рту.

— Что-то вяло у тебя скот скачет, — с издевкой протянул подошедший к надсмотрщику Яппар, и велел закрепить брус выше. Спустя четверть часа с ободранными коленями оказался почти весь загон. Растирая вспухшие гематомы, порхи уселись на песок в надежде на краткий отдых, но их тут же подняли на ноги болезненные удары бича... И Бренну опять пришлось до изнеможения прыгать, только теперь с разбега в высоту, перебрасывая через брус свое тяжелое, ужасно тяжелое, будто закаменевшее, тело. Хис Яппар был весьма изобретателен, постоянно усложняя задания, а за ошибки порхам приходилось платить все тяжелее. Бренн не мог отвязаться от ощущения, что близко посаженные глаза Шиловы нацелены именно на него, будто тот ждал любой его промашки...

— Такого еще не было, — скривившись, пробормотал Микко, когда их пригнали на следующую дрессировочную площадку. Требовалось быстро пробежать на метровой высоте

по узким доскам порядка тридцати метров... Но подвох был в том, что пересекающиеся как попало брусья тянулись над тлеющими углями, которые на железных тачках привозили слуги и разравнивали плотным слоем. Лишь пятнадцать парней сумели сохранить равновесие, добежав до конца и не свергнувшись вниз — на мерцающие багровыми искрами, угли. Бренн оказался среди большинства неудачников, — кричал от боли, вскакивал, как ошпаренный, кувырком уходя с дымящихся угольных дорожек на горячий песок, который казался холодным после обжигающего жара углей...

Наблюдая, как стремительный Гайр и еще несколько ловких парней при потере равновесия перепрыгивали на соседние брусья, гася скорость пробежкой, Бренн попытался повторить их технику... Он очень старался поймать нужный момент для прыжка, но срывался, зарабатывая новые ожоги. Лишь в конце «угольной» дрессировки, как только он качнулся в сторону, потеряв равновесие, ему удалось перескочить на соседний брус, пробежать по нему, и снова, шатаясь, прыгнуть на другой, и пронестись над черно-багровыми углями до белого моря песка...

Недалеко от их секции дрессировали живцов-женщин. Среди темно-желтых тел мелькали светлокожие, смуглые, синекожие и коричневые. Все девушки были высокие, большегрудые, широкобедрые, с сильными длинными ногами, только вот их головы, украшенные свежими порезами от бритвы, выглядели жалко... И Бренн вдруг догадался, зачем вообще всем невольницам в Лааре — и совсем юным, и старухам, — обрезали под корень волосы, выскабливая кожу, — их хотели как можно сильнее унижить, уродуя внешность, обезличить, низвести до положения мелкого скота, овец, с которых срезают шерсть... Только домашние порхи, чья работа заключалась в услаждении господ, или невольницы-хусры, имели возможность сохранить свои длинные волосы... Надсмотрщики то и дело отпускали похабные шутки, с вожделением поглядывая на едва прикрытые тела молодых женщин, многие из которых падали на песок, не выдерживая непосильных длительных нагрузок. Но судя по частым крикам, доносившимся с площадки, им не делали поблажек, наказывая так же жестоко, как и юношей.

\*\*\*

Когда над побережьем разлился бой часов, оповещающий о наступлении полудня, слуги притащили жбаны с кислым молоком и огромные оловянные корыта со смесью ячменной каши, овощей и рыбы. Но корма было немного — каждому досталось лишь несколько горстей питательной смеси. Воспитатели считали, что набитые животы порхов будут мешать дрессировке. Несмотря на острый голод, Бренн давился и не мог глотать, — в горле будто застрял ком. Утреннее наказание в дощнике, постоянное напряжение и страх, чрезмерная нагрузка, боль от побоев, ожогов и падений довели его до изнеможения, приступы тошноты и головной боли накатывали волной...

— Не будешь жрать, совсем ослабнешь, девяносто девятый... — За его спиной сидел Гайр, быстро и жадно поедающий теплую смесь. — Твое дело, конечно. Но если не справишься на дрессировке — Шило отправит тебя сначала в карцер давиться дерьмом, а потом в Харчевню — как бракованный скот на бойню... Или объявит тебя «сучьей жопой» и велит откочерыжить стручок, — Коста тебе не врал, свежак... А Шило с тебя глаз не сводит...

Гайр опрокинул в себя черпак кислого молока и отошел к другим новичкам. Бренн замер — значит, ему не показалось... Презирающий порхов садист-воспитатель из всего Загона особенно сильно возненавидел его, Бренна... И пока не забил его лишь, опасаясь

гнева Тухлого Краба и штрафа за беспричинно умерщвленного порха. Приглядываясь к Бренну, Шило ищет надежный повод, чтобы с полным правом избавиться от мелкого наглого раба...

\*\*\*

В загон их отправили после того, как тяжелый шар солнца утонул в сыто вздыхающем океане. К горлу то и дело подступал комок, горели огнем ожоги, болели разбитые колени, локти и костяшки пальцев. Сердце билось так часто, что не хватало воздуха, а желудок будто скукожился, не желая принимать пищу. Но слова старосты стегнули Бренна, как бич хвостокола, и за поздним ужином он силой впихивал в себя смесь из вареных яиц с козьим сыром, запивая кислым разбавленным вином, чтобы легче глоталось.

По примеру остальных, он зачерпнул из банки остро пахнущую, холодящую мазь, осторожно натерев ею ожоги, ссадины и синяки. Еле двигаясь, добрался до жесткого ложа, но сон не наступал, хотя тело изнемогало. И чем больше он нервничал, что не заснет, и завтра не справится с нагрузками, тем труднее было расслабиться. Загон был полон шумным дыханием порхов, стонами, вскриками боли при неловких поворотах и скулежом сучьих жоп, который доносился из уборной и вонзался в уши раскаленными иглами. Несколько выносливых двужильных парней, несмотря на усталость, все же развлекались с кастратами.

Бессилие и ярость душили Бренна — такое же состояние он испытывал, когда эдиры волокли по камням Рыночной площади его мать. Но тогда он был мал, бессилен, и у него не было искры Жизнедателя. Теперь есть, а он все также бессилен. Яджу, на которую он так рассчитывал, не поможет вернуть прежнюю жизнь. Планы отомстить Скааху, отыскать мать, стать могущественным, уважаемым, богатым, рухнули. Он копошился как червяк на грязном илистом дне жизни вместе с предавшей его силой. Потеря мира, в котором он рос, была невозполнимой, черная тоска окутывала мысли зыбкой мглой, а будущее казалось таким же затхлым и темным, как подвалы Казаросса.

Но травяная мазь и кислое вино сделали свое дело — физическая и душевная боль немного стихла, затаилась... Тяжелое оцепенение охватило его

## Глава 13. Акулий Хрящ

— Слыхал, сегодня нас будет дрессировать сам Джерг Риган, — сообщил Микко-ныряльщик за «утренним кормом».

— И он кто, этот Джерг Риган? — спросил Бренн, хотя ему было почти все равно. Он забылся беспокойным поверхностным сном лишь в самом конце ночи, и при пробудке едва встал с лежака — болело все, что могло болеть — суставы, мышцы, ожоги, да все тело целиком... Ему казалось, что он передвигается, как дряхлый старик с перебитым позвоночником, и не понимал, как вообще продержится дальше...

— Риган — он сургач, то бишь дрессировщик. Кликуха у него — Акулий Хрящ. Так вот Хрящ считается лучшим наставником для свежаков...

— А Шило тогда кто? — вяло спросил Бренн. Он понемногу глотал густую пресную густую кашу, запивая травяным отваром.

— Хис Яппар всего лишь воспитатель, ну, навроде помощника сургача, — просветил его синеглазый.

— А этот Хрящ... он такой же, как Шило?

Такой же говнюк? — чуть было не добавил Бренн, но промолчал, однако Микко прекрасно его понял.

— Не, — хмыкнул он, — Хрящ он само собой, тоже хрен лютый, если что не по его идет, но свежаков зазря не калечит, наказывает только за дело, а не так, как Шило — ради кайфа... Этому и баб не надо, дай поизмываться вволю...

— Между прочим, в молодости Джерг Риган был порхом, — энергично хлебая месиво из чечевицы с чесноком, вмешался в разговор Гайр. — В семнадцать его продали в Казаросса, но он выкарабкался и стал знаменитым кортавида-ныряльщиком. Тогда у него и прозвище Акулий хрящ появилось...

А вот это было интересно... Бренн с трудом повернул закостеневшую шею, стараясь не пропустить ни слова из рассказа Гайра.

— А ты не заливаешь, староста? — недоверчиво проворчал Бакир, потирая выбитое плечо и зло расчесывая тело вокруг ожогов.

— Да не хрена подобного... Я тоже не сразу поверил, но Ригана будто сам Перу-Пели за собой тащил — удача за ним прям хвостом тянулась. Правда, Акулий Хрящ и сам не пальцем деланный, — соглашался на бои чаще, чем другие кортавида, — так сильно мечтал подняться. Рисковал по-крупному, вот ему и удалось выкупиться всего за три года...

— Если за три года, то чего же он до сих пор в Казаросса торчит? — хмуро спросил Микко, сгорбившись на лавке — и ему тяжело досталась вчерашняя дрессировка.

— Остался в Казаросса как вольноотпущенный, чтобы набить мощну потуже, — объяснил староста, — и ведь добился, чего хотел...

— Хрящ и правда такой умелый боец-ныряльщик? — решил спросить Бренн.

— Кто бы его назначил сургачом, если б это было не так, — дернул плечом Гайр, — он зубы проел на этом деле...

— А я вот слыхал, как Хнор со своими базарил да и брякнул, что мол у Хряща в башке что-то сдвинулось от того, что он слишком часто и долго под водой бывал... — вмешался Коста, с ехидством глядя на хмурого Микко, — и еще, что мол до денеги шибко прожорливый стал, и нынче даже Тухлый не переплюнет его в жлобстве... Хрящ ведь до сих

пор ни бабу себе не завел, ни спиногрызов, — и все потому, чтоб на семью денгу не тратить...

— Может и так, — не стал спорить Гайр, — но только нынче Джерг Риган живет себе припеваючи на верхнем ярусе Свартрока, как лучший наставник, имеет самых свежих хуср, собственных порхов, и ни в чем себе не отказывает. Поговаривают, скоро и собственный дом заведет в Грайорде.

— Сургач этот, он заговоренный, — прошептал сидевший справа парень с причудливыми татуировками на груди и спине, — он ведь с Тейгу, как и я, а у нас там много гнилых старух водится — настоящих прожженных урхуд, которые своей яджу умеют и не такое делать... Не зря у него по всему телу особые партаки набиты... я уж малость в этом разбираюсь... Заговоренный он!

— Может и так, — опять кивнул Гайр, — кто знает... Только хорош балакать про такое... пока тебя в сраный карцер не загнали, — повысил он голос, и порх уткнулся в миску.

— Гайр, я слышал, что подводные бои длятся чуть ли не полчаса, — поднял голову Микко, сменив тему, — я сам ныряльщиком был и знаю, что так долго продержаться под водой никто не может... — Синеглазый явно был озадачен.

— Ты видать не в океане, а в корыте нырял, — скривился в ухмылке Коста. — Все кроме тебя знают, что кортавида-подводники в особых масках сражаются. А маски мастера Непорочных по заказу Тухлого Краба делают. Больших денег стоят — ведь на них жрецы кучу яджу тратят. Так в масках этих можно дышать под водой аж двадцать минут... Ведь так, Гайр? — Коста вытянул толстую шею, пытаясь заглянуть старосте в лицо.

— Так и есть, — подтвердил Гайр, не глядя на бледнокожего, — только ныряльщикам все равно тяжелее всех приходится. Как только яджу, что в маску залили, стухнет, то сразу надвигается большая мокрая жопа, и боец держится под водой только за счет мастерства. Минут пять, не больше...

— Минут пять?.. — растерянно повторил Микко, — но это долго, очень долго...

— Долго для нас, да и для кортавида тоже долго, тут ты прав, а вот для сраных зрителей — всего ничего... И потому, если б не маски, никто бы из них столько не платил за подводные бои, которые длятся несколько жалких минут, — добавил Гайр, поднимаясь из-за стола.

\*\*\*

Акулий хрящ ждал новобранцев на Скотном дворе. Уже издали был виден широкий разворот плеч и выпуклая грудная клетка сильного пловца и ныряльщика. Вблизи привлекало внимание множество татуировок и грубых шрамов, покрывавших тело и лицо Джерга Ригана. Бренн исподлобья внимательно рассматривал наставника. Черные, мелко вьющиеся блестящие волосы, стянутые на затылке в низкий хвост. Широкая переносица, чуть приплюснутый нос, узкий, как трещина в скале, рот с твердыми губами, выступающий тяжелый подбородок.

Вздернутая углом бровь придавала лицу Ригана насмешливо-надменное выражение. Хотя возраст дрессировщика приближался к полувек, под плотной кожей играли выпуклые твердые мышцы. И Бренн почуял, что обманчиво ленивые движения Джерга Ригана скрывают стремительную хищность тсаккура. Одет сургач был очень просто — в свободные холщовые штаны и безрукавку, на ногах — короткие мягкие сапоги со шнуровкой, на поясе — широкий ремень с петлей, где висел короткий чекан.

Серые глаза, казавшиеся очень светлыми на фоне темной татуированной кожи, цепко обежали шеренги порхов. Дрессировщик, не напрягаясь, начал говорить в небольшой медный рупор, и его низкий хрипловатый голос слышали все.

— Чтобы стать кортавида, порхи проходят два этапа. Первый этап — это свежаки. То есть, сырое мясо. Этап дрессировки свежаков длится около полугода, — размеренно произносил Джерг Риган из раза в раз повторяемые слова.

— Это время отпущено свежаку, чтобы приобрести нужные умения. Тот, кто выдерживает, переходит на второй этап и становится живцом, то есть, червем, кормом для рыб, — сургач вскинул подбородок, равнодушно глядя на стоящих вокруг бассейна юношей. — Приобретенные во время дрессуры навыки порх показывает на Игре, и если он уцелеет и не покалечится, то вместо номера ему дается кличка. Это значит, что живец перешел в разряд кортавида. Таким образом, из-под земли, где ползают черви, он имеет возможность выйти на свет, где живут люди.

Говоря последние слова, Хрящ посмотрел вверх, где над Скотным двором стояли казармы и дома бойцов. — И потому, чем больше порх выкладывается на дрессировке, тем больше у него шансов уцелеть на Игре и получить статус кортавида. Дальше все зависит от способностей, удачи и воли Жизнедателя.

Сургач повернулся к воспитателям и надсмотрщикам, отдавая приказы. Рабов разделили на группы по двадцать «голов», и к каждой группе слуги притащили длинные тюки из грязной холстины. Судя по тому, что тюк несли двое мужчин, Бренн понял, что он довольно увесистый. Что там может быть? Тренировочное оружие? Зачем его заворачивать? В это время Джерг Риган начал ходить между отдельными группами, что-то объясняя порхам, которые стояли на коленях, плотно сгрудившись вокруг тюков. Остальным свежакам, ожидающим урока наставника, Шило приказал отжиматься и заниматься растяжкой. Мышцы, уже вчера дошедшие до предела, взвыли. Бренн не смог отжаться даже полсотню раз, и, как остальные, хрипел под сапогом надсмотрщика, вдыхая вместо воздуха песок. Мучения закончились, когда к ним, наконец, подошел Хрящ и велел встать вокруг свертка на колени. Бренн напрягся, увидав на грязной холстине темные бурые пятна...

— Баба дышит животом, как животное, — начал дрессировщик, не повышая голос, — а мужчина, как человек, — грудью. Свежаку-порху, чтобы дольше продержаться под водой, надо научиться дышать, как баба. — Наставник внимательно обвел взглядом лица учеников-порхов: — Чтоб лучше понять, надо увидеть.

Синекожий слуга, не сводящий глаз с лица сургача, тут же развернул сверток, и Бренн, как и остальные, невольно отшатнулся, увидев обезглавленный труп. Но Шило, растянув узкий рот в подобие улыбки, и вбивая каблук в спины свежаков, приказал им подползти на коленях как можно ближе к покойнику. Слуга серповидным коротким ножом умело вспорол грудную клетку мертвеца от ключиц до пупка, не затронув сизых петель кишок. Обнажились сероватые губчатые лепешки легких и лиловая полость взрезанного желудка. Тяжелый запах, вырвавшись из мертвого нутра, забивал ноздри, вызывая тошноту.

— Вот эту подвижную перегородку ученые называют диафрагмой, — Риган, не нагибаясь, ткнул поданной рабом длинной указкой в хрящевато-белую пластину, что отгораживала легкие от желудка, — она движется при вдохе и выдохе...

Бренн пытался вникнуть в слова сургача, но мерзкий трупный запах, казалось, пробивался через нос прямо в мозг, мешая сосредоточиться. Ничего, — встряхнул он самого себя, — тебе не привыкать — горы тухлой рыбы на оконечности Старого порта, куда

выводят переулки Канавы, тоже не пахнут розами. Просто надо соглотнуть и вдохнуть вонь — тогда через пару минут нос привыкнет, и тошнота отступит. Сработало. Покосился на побледневшие искривленные лица вокруг. Кто-то задерживал дыхание, кто-то дышал открытым ртом, чтоб не проблеваться. Только Гайр не показывал слабости.

— Чтобы набрать побольше нового воздуха, сначала нужно выпустить старый. Весь. Для этого, при выдохе надо поджать брюхо. Тогда диафрагма сдвинется вверх, выдавливая из груди дурной воздух.

Раб привычно сдвинул пальцами хрящевато-пластинчатую ткань вверх, и Бренн чуть не подавился кислой слюной от дурноты.

— Ясно? — Из толпы Хрящ выдернул взглядом Бренна, шлепнув его по плечу указкой, — что ты понял, порх?

Не поднимая глаз выше пояса наставника Бренн неуверенно ответил: — Понял... господин, что похуже случается, когда бьют поддых, и потом бывает трудно вдохнуть...

Не глядя на Бренна и щурясь на далекий горизонт, сургач отрицательно качнул головой: — Не понял. При ударе поддых диафрагму просто напросто отшибает, и потому, как бы не пыжился, ни вдохнуть, ни выдохнуть сразу не удастся.

Дрессировщик повернулся к порхам. — Перед тем, как набрать воздух, делают долгий выдох, поджимая пузо и сдвигая диафрагму вверх. Потом глубоко вдыхают, расслабляя живот. В этот момент диафрагма опускается, и, стало быть, воздуха в легкие наберется больше.

Слуга по знаку Хряща начал показывать, как это происходит, и сдвинул перегородку вниз, сдавив сизые петли. Кишечные газы рванули из брюшины, и нескольких свежачков тут же вывернуло наизнанку. Кудрявому Вилки сильно не повезло — он не успел отвернуться и сблевал прямо на внутренности мертвеца и на сапог стоящего рядом Шила. Джерг Риган лишь приподнял бровь, отходя к другой группе, а Шило взбесился не на шутку. Пока синекожий слуга торопливо оттирал его сапог, он резко вжал Вилки лицом прямо в подгнившие легкие трупа, и держал, пока двое надсмотрщиков крепко стягивали веревкой два тела — хрипящее живое и тихое мертвое.

— Надеюсь, до захода солнца, ушлепок привыкнет к этому чудесному аромату, — раздувая ноздри, Хис Яппар пристально оглядел лица рабов, выискивая намек на усмешку. — А если не привыкнет — ему в глотку забьют все говно, которое найдется в кишках дохлятины!

Вилки мычал и дергался, пытаясь отвернуть голову, чтобы не дышать смрадом, но его продолжало выворачивать, и он уже давился, глотая и слизистую гниль, и собственную рвоту. Хис Яппар пару минут понаблюдал за его мучениями, затем повернулся к остальным, и по его знаку всех погнали к воде. Вилки оставили лежать под палящим солнцем в обнимку с вонючим безголовым трупом.

\*\*\*

После мертвячьего смрада соленый воздух возле огромного бассейна — Лягушатника, как его называли, — казался особенно свежим. Проникая через мощные решетчатые стены, в бассейне свободно гуляли морские воды. Похлопав ладонью старые песочные часы, железный остов которых был весь изъеден пятнами ржавчины, Акулий Хрящ пояснил: — Теперь время вашей жизни будут измерять они...

Бассейн был устроен наподобие амфитеатра — в виде пяти широких каменных ступеней, уводящих в глубину, но даже выложенное ровными плитами дно хорошо

просматривалось в прозрачной воде.

— В Лягушатнике четыре широких ступенчатых яруса, полная глубина — около четырех ростов, и это в два раза меньше, чем в Аквариуме. Что же до морских гадов, с которыми вам придется иметь дело...

Наставник сделал паузу и презрительно хмыкнул, оглядывая лица новобранцев: — Смотрю — уже яйца поджали? Не ссать, свежаки, не ссать — с настоящими взрослыми тварями вы встретитесь мордой к морде только на Игре... На дрессировках пользуют механические рыбы куклы иль чучела, иначе из сотни свежаков до Игры не дотянул бы и десяток...

— Если ж говорить о гадах, — продолжил урок Риган, — то кортавида-надводники чаще всего резвятся с акулами-прыгунами, химерами-летягами, двукрылыми муренами и разного вида барракудами. Ныряльщикам приходится иметь дело с плащеносцами, морскими змеями, протосфиренами, парусниками, плотоядными скатами-хвостоколами, ракоскорпионами и краками... Порой, чтобы порадовать зрителя, с юга привозят какую-нибудь особо редкую и зубастую зверюшку... Ну, для начала все, хорош сопли жевать!

Сургач устроился в наклонном широком гамаке, позволяя воспитателям и надсмотрщикам вести дрессировку, но не спускал глаз ни с них, ни с порхов, наблюдая за всеми и отдавая короткие приказы. Порхам велели надеть на щиколотки железные, в несколько витков, кольца-утяжелители, похожие на кандалы с разрезом.

— Тяжелые, зараза, — буркнул Бренн, сделав шаг по краю бассейна.

— Самое тошное, что скоро нас заставят таскать их на площадках, — ответил Микко, — еще и обруч железный вокруг пуза навесят...

Бренн вздохнул и вместе с другими спустился на каменный круг первого яруса, где вода доходила до пояса. Колыхание прохладных волн, ласкающих израненное тело, принесло облегчение. Но недолгое. Как лошадей, свежаков заставили бежать по кругу, постепенно ускоряясь. Утяжелители на щиколотках, хоть и стали в воде чуть легче, сильно затрудняли бег. Тех, кто замедлялся, сразу подгонял удар хлыста, вспыхивающий острой болью, особенно когда на кожу попадала соленая вода. Надсмотрщики, стоящие по периметру бассейна, только и ловили момент, когда кто-то их порхов споткнется или обессилит.

Дождавшись, когда порхи измотались настолько, что начали падать даже под кнутом, сургач позволил им отдышаться. Слуги принесли ведра с пресной водой, — морить рабов жаждой Акулий Хряц не собирался. После недолгой передышки всем велели перейти на второй ярус. Бренн шагнул глубже и ухнул в воду по самый подбородок. Дышать можно было, лишь встав на кончики пальцев и задрал голову. Сверху раздался скрежет, и Бренн увидел, как по мощным стойкам опускается ржавая решетка, на которую до этого никто из свежаков не обращал внимания.

Решетка приближалась. Вокруг раздавались испуганные возгласы и грязная ругань, рабы старались как можно глубже вдохнуть. Неужто опять будут топить! Кроме этой панической мысли, из головы Бренна начисто вылетело все, чему учил Хряц, — как дышать, когда выпячивать живот, когда поджимать... Он едва успел глотнуть побольше воздуха, как прутья решетки надавили на макушку. Его голова уже находилась под водой, но движение скрежещущей махины продолжалось. Бренн сел на корточки, обхватив колени, но неумолимая решетка не останавливалась... Он скользнул с яруса еще глубже, и железо на ногах и шее сразу потянуло ко дну. Вцепившись в выщербленные края каменной ступени, огляделся — вокруг, как и он держась за камень, зависли десятки парней со стиснутыми

ртами и надутыми щеками. И все смотрели вверх.

Горький опыт, пережитый в бочке Загона, как ни странно, ему помог. Пугаться нечего — это просто одно из упражнений для ныряльщиков, а не страшный дощик в подземелье с холодной черной водой. Вокруг светло, рядом — его сотоварищи, он видит блики на прогретой солнцем воде и мелкие светящиеся пузырьки, которые поднимаются к поверхности. А главное — его не будут многократно топить, как в бочке, — ведь это не наказание, а обычная дрессировка. Для всех.

Но решетка все никак не поднималась. Секунды растягивались — казалось, что он висит в воде очень долго. В груди началось жжение. Бренн чуть-чуть выпустил воздух — стало легче, но ненадолго. Не ссать! — приказывал он себе, но сердце билось, как сумасшедшее. От вожделенного глотка воздуха его отделяла железка и небольшой слой воды. В глазах темнело, печь в груди стало невыносимо, еще секунда — и морская вода ворвется в глотку. Также, как в черном дощике! Секунда прошла — и, тяжело вздрогнув, решетка стала подниматься. Бренн вцепился пальцами в прутья — теперь проклятая железка вытаскивала его наверх — к свету и воздуху.

Самостоятельно дыша, на поверхность поднялись почти все порхи, среди которых были Гайр, Коста и, конечно, ныряльщик Микко. Оставшихся надсмотрщики вытаскивали за волосы, и перегнув через колено, выдавливали из них воду. Одного парня, который сидел с Бренном в камере у Вислоусого, откачать так и не удалось. Шило грязно ругался: — Это сельское дерьмо, которое даже плавать не умело, приволок Зигор. И теперь в двух загонах опять недобор скота — девяносто восемь голов вместо ста...

— Вот незадача, Хис... — спокойно заявил Риган. — Я же давал тебе знак поднять решетку, но ты медлил... и не рассчитал возможности свежаков...

— Ты прав, прав, Риган! Я просто перестарался, — с перекошенным лицом бесился Яппар, не смея возражать сургачу, — но посоветуй, что делать, — иначе ан Хурц заставит меня платить за этого уroda! Опять! Подтверди ему, что моей вины нет — должен буду!

Бренн осторожно наблюдал за тем, как высокомерие сползло с костистого лица Шила, как он заискивает перед Джергом Риганом, который с усмешкой смотрел на него и не спешил отвечать.

— Ну что ж, — потянулся Акулий Хрящ, снисходительно глядя на Шило, — пожалуйся Крабу, что Зигор Болли продал ему никудышный товар — деревенщину, а я так и быть, подскажу хозяину, чтоб в следующий раз сержант Болли не продал, а подарил ему двух сильных порхов из своего очередного улова.

— Должен буду! — Яппар кивнул, не решаясь дальше надоедать сургачу. — В Харчевню на разделку! — велел он, с досадой ткнув труп подошвой сапога. Вбив крюки под ребра утонувшего, слуги поволокли его на берег. Кровь еще теплая и живая брызнула на камни, свиваясь в багровые дорожки, тянувшиеся за погибшим.

\*\*\*

За несколько ночей бесконечного разброда мыслей решение было принято. У него есть два варианта — или стать одним из лучших кортавида, как Акулий Хрящ, и выкупить себе свободу, или все же отыскать способ побега. Удачного побега. Чтобы наверняка. Третий вариант — сдохнуть от перегрузок, захлебнуться в карцере или быть растерзанным зубами тварей — Бренн отбросил, как тухлую рыбу.

После знакомства с Джергом Риганом ростки ночных решений стали обретать некую материальность. Раз за разом вспоминая подробности рассказа Гайра о том, как «выныривал

из дерьма» Акулий Хрящ, Бренн осознал — в этом аду можно не только выжить, но и вернуть себе свободу. И даже заработать большие деньги и власть. А раз так, то он просто обязан использовать все, что поможет ему набраться опыта и умений. И не пренебрегать ядзу, а постоянно работать с ней. Чтобы в тот самый «нужный» момент начать действовать. Действовать стремительно и без ошибок.

# Глава 14. На холодных берегах

(Энрадд, Императорский дворец, Эбба)

Император крутил в пальцах ромбододекаэдр — старинную игрушку-головоломку, с которой он не мог справиться уже два дня. От него до сих пор исходил едва слышный аромат палисандра, и Магнус заметил, что пристрастился к этому древесному запаху с оттенком распустившихся розовых бутонов. Иногда он вспоминал слова прабабки, которая утверждала, что запах — это часть души, а, разгадав запах души человека, зверя или вещи, овладеваешь их сутью и секретами.

— Что у нас с Лааром? — Магнус развернулся к Тайному советнику Ивару нор Кербази и Министру внешних связей графу Вельфскому. — В своем последнем послании королева Элмера одобряет и поддерживает наше предложение по возведению еще трех швартовочных мачт и эллингов в районе южных предгорий и в одной из провинций на западе — скорее всего — в Джакке. Это радует.

— Любое решение Элмеры — по факту является решением ее супруга принц-консорта Готфрида, которому она любезно присвоила титул короля... — начал Филипп нор Вельф, но император прервал его.

— Не повторяйте всем известное, граф, — то, что властительница Лаара полностью находится под влиянием мужа в данном случае нам на руку. Это означает, что Красный король явно заинтересован в развитии торговых связей и воздушных пассажирских перевозок и не скрывает этого... Я не прав?

— Вы совершенно правы, Ваше величество, — подтвердил мнение императора Министр внешних связей.

— Однако, в послании... чувствуется некая легкая прохладца, едва заметный сквознячок, так скажем... Что думаете по этому поводу, господа?

— Мне кажется, что этот сквознячок — лишь вполне ожидаемая реакция на нашу сдержанность по поводу «проекта» Элмеры Милостивой касательно брака между вашим наследником принцем Гуннаром и ее дочерью прионсой Илайной... — Озвучивая свою версию, Филипп нор Вельф внимательно следил за выражением лица императора, стараясь уловить малейшие «симптомы недовольства» затронутой темой.

— По всем признакам, Красный король явно не прочь завязать с нами более тесные связи и породниться с династией Крейгов, выдав замуж дочку с дальним прицелом, — поддержал министра Тайный советник. Император усмехнулся, и его холодноватые серые глаза скользнули по стоящей на столе фотографии — молодой мужчина в шлемофоне и летной кожанке в кабине дирижабля. Фотограф сумел поймать тот момент, когда аэронавт улыбнулся, посмотрев через плечо, на миг отвернувшись от приборной панели.

— Возможно, вы правы... Курите, господа, — император сделал приглашающий жест, указав на тяжелый портсигар из черненого серебра и детальной объемной инкрустацией часового механизма. В центре одной из шестерен сверкнул гранью черный бриллиант. Собеседники благодарно кивнули, расслабив напряженные спины.

— Кроме того, — продолжил нор Кербази, — судя по настойчивости его супруги, король Готфрид в курсе, что великий малхаз Ариании Мгер-Камари со своей стороны также выражает заинтересованность в помолвке его малолетней дочери Фрейи с нашим Гуннаром.

— Я не ослышался, господин Тайный советник? — уверенный молодой голос прервал

беседу, — меня хотят «забраковать», даже не поинтересовавшись, хочу ли я этого?.. Доброго дня, господа! — В кабинет с насмешливой улыбкой вошел крепкий ясноглазый молодой мужчина с коротким ежиком светлых волос. Широкие плечи обтягивала короткая летняя куртка, из-под которой виделась белоснежная рубашка. Сопровождающий его высокий темноволосый парень в легком нараспашку пальто, приветствовал всех, остановившись возле двери. Император с досадой поморщился, глянув на блондина, и раздраженно заметил:

— Гуннар, я запретил врываться ко мне в кабинет без доклада, тем более, когда я провожу совещание.

— И что, Ваше Величество — мне торчать в приемной? Вам ведь должно быть интересно мое мнение по столь важным вопросам... — парень вопросительно изогнул светлую бровь, став вдруг очень похожим на императора.

— По каким важным вопросам, Гуннар... — устало спросил Магнус сына.

— Считаешь мою женитьбу неважным вопросом, отец? Да и какая разница, — все вопросы, которые ты обсуждаешь с Тайным советником и Министром внешних связей — важные, не так ли?

— Угомонись, Гуннар. Можешь резвиться еще года четыре, — твоей будущей невесте едва минуло двенадцать...

Император развернулся к племяннику, стоявшему у дверей: — Герцог, где вы пропадали целые сутки? Герцогиня Мэрезол не давала мне ни минуты покоя, атакуя вопросами, где болтается ее сын.

Серьезное лицо Ларса нор Байли смягчила легкая улыбка, а серебристо-серые глаза блеснули из-под темных бровей. — Прошу прощения, Ваше Величество, — мама бывает весьма утомительной. Я уже перенаправил мощь ее агрессивной заботы на проблемы младших отпрысков...

— Вы не ответили, герцог...

Ларс погасил улыбку, поняв, что сейчас император не в духе и не принимает легкомысленного тона.

— Ваше Величество, отец, — поспешил на помощь кузену Гуннар, — прошу, не делайте вид, что Служба безопасности не поставила вас в известность о наших перемещениях. Мы действительно несколько часов поболтались в гондоле... как две... эээ... две ромашки в проруби...

Магнус нахмурился — он не выносил вульгарности. Ларс выпрямил спину, шагнул ближе к столу совещаний и сдержанно кивнул, подтверждая слова двоюродного брата:

— Ваше величество, мы не собирались задерживаться, но над Тарусским проливом в наши планы вмешался серьезный встречный ветер. Порывы вызвали боковую качку, что привело к небольшой потере газа через клапаны, и техникам пришлось немного повозиться...

— Вы могли сообщить об этом, или вдруг срочно пропала связь? — император вскинул бровь, язвительно взглянув на племянника, — я не ожидал от тебя безответственности, Ларс, — ты всегда серьезно относился к вопросам безопасности...

Ларс, сунув руки глубоко в карманы, опустил взгляд и чуть расслабился — император обратился к нему по имени, значит его гнев его мало-помалу остывает.

— Простите, дядя, — Ларс осторожно перешел на родственное обращение, — мы видели, что ремонт несложный...

— Дело не в ремонте, — ты прекрасно это понимаешь. Вы были без охраны, отменили

машину сопровождения и страховочное судно. И я считаю такое поведение в лучшем случае — поздней инфантильностью, в худшем — признаком раннего слабоумия у обоих...

Гуннар, не удержавшись, ухмыльнулся, но сухой тон отца был ему неприятен, — Магнус не шутил.

— Именно так! — потеря разом и наследника империи и его кузена — позор для государства. Кроме того, из-за вас пришлось наказать дежурных офицеров порта и Начальника службы безопасности. Вы играетесь, создавая достойным людям проблемы и губите их карьеру.

Неожиданно для самого себя Ларс с досадой осознал, что нравоучения венценосного дядюшки задели его всерьез — они действительно не думали ни о ком, кроме себя. — Больше этого не повторится, Ваше Величество, — поспешил он ответить, чтобы снизить градус раздражения императора, — вы абсолютно правы — мы болваны...

Однако Ларс умолчал о том, что с починкой справились за пару часов, и никто особо торопился с возвращением на базу. Вернее, не торопился Гуннар, прихватив с собой бутылку отменного купама тридцатилетней выдержки и свежую подругу — баронессу Вальми, что была на десять лет моложе купама. Склонная к романтике и авантюрам, Эмилия, оснащенная пышной грудью и игривыми черными глазами, была очень мила, и бурные ласки в кабине на высоте ее тоже возбуждали. Первые полдня. Затем обилие спиртного, холод и болтанка вызвали у баронессы приступ истерики и тошноты. Гуннар закутал ее в несколько не слишком чистых одеял и уложил на одну из двух коек чтобы дама, неоднократно и с азартом исполнившая свой долг перед наследником Энрадда, не мешалась.

Ларс всю эту возню изначально не одобрял, был почти трезв, и вообще ему хотелось вернуться к родному «причалу». Но Гуннар оказался сильно под шофе и вести дирижабль не мог, уснув рядом с баронессой. Ларсу пришлось принять управление судном на себя — поддерживать курс, непрерывно отслеживая ерзанье угла тангажа и стабилизировать положение огромной машины. Повезло хоть с тем, что штурман был опытный и надежный, как бронепоезд... Но и он постоянно ворчал, что баба на корабле, включая воздухоплавательный, — всегда головная боль. Да уж — мореманы правы...

— Вопрос закрыт, — холодно констатировал Магнус. — Еще что-то в этом роде, и я прикажу не допускать вас к полетам. Обоих.

— Ваше Величество, — обратился к императору Советник, и Ларсу показалось, что тот старается отвлечь внимание императора на себя. — Я, как глава Департамента тайной службы Энрадда прошу вас разрешить присутствовать на совещании принца Гуннара и герцога нор Байли... Считаю, что они должны быть в курсе происходящего. Вы согласны со мной, граф? — он выразительно посмотрел на Министра внешних связей.

— Да-да, Ваше Величество, — кивнул граф Вельфский, — я присоединяюсь к просьбе советника.

Сделав паузу, Магнус сделал приглашающее движение рукой, не глядя на кузенов. Принц с комфортом устроился в углу кожаного дивана, сбросив кожаную куртку. Ларс подошел к огромному окну с захватывающим видом на широкую Вельду, хмурившую свои воды под осенним ветром. Сине-серая река держала на себе множество кораблей — барж и мелких судов, барок, парусных лодок, шлюпов и паровых катеров с красными дымящими трубами. Над бурлящей жизнью рекой вздымалась двухъярусная ажурная громада моста Элефант. Из утреннего тумана, окутавшего Эббу, выныривали крыши многоэтажных зданий, шпили и фасады храмов, портовые краны и заводские трубы на далеких окраинах. А над всей

столицей царили высоки башни собора Святого Макария, возведенного на древнем холме. Собор будто летел над туманом, сияя в рассветных лучах многоцветием витражных стрельчатых окон...

— Так вот, я бы не обратил внимание на эту прохладцу, — продолжил тему император, затянувшись длинной черной сигаретой, — но Министерство Коммерции жалуется, что за последние недели из Ариании в три раза... я повторяю, господа, — в три раза сократились поставки ферилла... — основы «крылатых сплавов» для воздушного флота. И мне почему-то кажется, что эти факты неким образом связаны... Я ошибаюсь, граф? — он пристально посмотрел на Тайного советника.

— Ни в коем случае, Ваше Величество, — нор Кербази с готовностью кивнул, поправив дужку старинного пенсне, которое он никак не хотел менять на современные очки. — Малхаз Мгер-Камари не вводил нас в заблуждение, сообщая Министерству коммерции о трудностях с добычей ферилла — наша разведка подтверждает, что в районе Умшигтайских месторождений ферилла как-то внезапно возникла группа проблем.

Советник прищурился, глядя через пенсне на крупномасштабную карту, и обвел карандашом небольшую область в районе Змеиных гор. — Во-первых, по косвенным разведанным, там стали гораздо чаще появляться военные отряды Лаара, причем в сопровождении боевых групп Ордена Непорочных. Мы подозревали, что в Ордене существуют формирования жрецов-воинов, но о них очень мало сведений. К сожалению, у арианцев также не имеется доказательств, что Лаар ведет какие-то враждебные действия на их землях, как нет и объяснений, зачем они там находятся.

— Но почему у вас в Департаменте все разведанные косвенные, мы что — до сих пор не сумели завербовать местных осведомителей в Лааре и Ариании? — возмутился граф Вельфский.

— Ваше Величество, — обратился Советник к императору в ответ на упрек Министра, — вы, несомненно, в курсе, что Служба нашей разведки не в силах работать полноценно, пока не налажены взаимные пассажирские перевозки между Энраддом и южными государствами... Все просто — там нет наших посольств, представительств, имеется лишь Торговая палата, в которой рулят местные. Нет и других важнейших учреждений, необходимых как для всеобъемлющих внешних связей, так и для работы сети шпионов... И если в столице Ариании — Дур-Агирсу, наши люди имеют определенные выходы на серьезных осведомителей, то касаясь Лаара — полное ZERO... И хотя торговля идет активно, все энраддцы, включая команды грузовых дирижаблей, при посещении Бхаддуара находятся под постоянным наблюдением.

— Согласен — в этой области нужно много и активно работать, — кивнул император, — и я ожидаю докладов от всех наших ведомств, и, в первую очередь от Министерство внешних связей, граф... И ваших личных предложений по развитию этих связей... — император без улыбки посмотрел на Филиппа Вельфского и перевел взгляд на нор Кербази, — продолжайте, советник...

— Во-вторых, по неподтвержденным данным наши осведомители в Ариании сообщают, что за последний месяц рудники четырежды атаковали племена нохой, уничтожив всех — и рабов, и надзирателей, и охрану. Почему «по неподтвержденным»? — потому что свидетелей не осталось...

Граф Вельфский откинулся в кресле, с недоверием глядя на советника: — Но Ивар, насколько мне известно, месторождения ферилла охраняют весьма основательно... И

арианцы давно применяют огневое оружие. Пусть оно и сильно устарело по нашим меркам... но уж против диких, почти первобытных племен наверняка работает максимально успешно!

Тайный советник позволил себе улыбку: — Вы правы, Филипп, однако эти первобытные племена агрессивны, кровожадны и никого не боятся, кроме властителей Лаара, которым они поклоняются, как богам, уже полтысячи лет — с Эпохи Рассвета, что началась после падения короля Чарлага... И как оказалось, их примитивное оружие тоже весьма эффективно.

Всерьез заинтересовавшись новой информацией и начав следить за беседой, Ларс спросил нор Кербази: — И что конкретно они применяют?

— Двухметровые боевые косы с острейшим лезвием из вулканического стекла, Ваша светлость. Один взмах — и ноги нескольких противников срезаются, как трава... — охотно начал рассказывать нор Кербази. — Кроме того, судя по рваным ранам на трупах, — они всю используют маканы — метровые мечи из тяжелого дерева шириной с ладонь, по краю которых закреплены лезвия из того же обсидиана. И еще так называемые атлалы — самые настоящие первобытные копьеметалки. Но очень мощные, с полутораметровыми дротиками, которые легко пробивают доспех.

Филипп Вельфский пытался было перебить нор Кербази, но император, приподняв ладонь, остановил его властным жестом: — Мы слушаем, Ивар...

— Следует добавить, что с воздуха воинов-аборигенов прикрывали, не знаю даже как сформулировать, в общем — стаи боевых птиц...

— Птиц? — император подался вперед, не скрывая недоумения, — боевых? Что за абсурд...

Ларс, нахмурившись, с нетерпением ожидал ответа Советника.

— К сожалению, пока мы и об этом знаем немного... «Ведущие Рухов» — так называют наездников из племен нохой, которые управляют огромными, покрытыми шерстью плотоядными птицами... Рухи легко разбивают клювом голову человека и наносят когтями ужасающие раны... Кстати, похоже, что лет десять назад — еще до заключения Торгового договора с Лааром — именно этих птичек видели наши авиаторы, пытаясь миновать земли Лаара, пролетев над равнинами... И едва сумели вернуться... но сейчас не об этом...

Сосредоточиваясь, советник на секунду прикрыл глаза, потер красный след на переносице под пенсне и продолжил: — Так вот, наши уважаемые ученые ни на миг не поверили в существование таких тяжелых летающих птиц. Сказали, как отрезали, что крылатые существа с такой массой не смогут взлететь и обязаны падать! — что это невозможно в принципе...

— Естественно, невозможно, — высказался, наконец, Министр внешних связей, — неужели Департамент Тайных дел верит сказкам, которые преподносят арианцы, чтобы накрутить панику... и повысить цену на ферилл?! Это же очевидно!

— Не горячитесь, Филипп, — попытался успокоить его нор Кербази.

— А что думаете вы, господа? — неожиданно обратился Магнус к сыну и племяннику.

— Копьеметалки, птички — смешно... — Гуннар рассмеялся, глянув на кузена. Но Ларс качнул головой, не принимая легкомысленный выпад кузена.

— Я думаю, — заявил он, подойдя к столу, — что необходимо проверять и перепроверять любые, в том числе самые невероятные сведения, и даже, как вы выразились, граф, сказки, мифы и легенды... — если эти мифы в потенции могут оказаться реальностью

и угрожать Империи...

Ивар нор Кербази очень внимательно посмотрел на племянника императора и одобрительно кивнул: — Именно так, Ваша светлость... Смею заметить, у вас очень грамотный подход к информации.

— Хорошо, советник, разбирайтесь, проверяйте, — согласился император, — но птиц пока оставим в покое... сейчас мне интересен ваш вывод с учетом всех полученных данных.

— Мой вывод, Ваше Величество, следующий: именно Лаар руководит нападением на месторождения «крылатого металла», используя равнинные племена. Цель — перехватить у Ариании добычу и поставки ферилла в Энрадд, — выдал краткий результат Тайный советник.

— И это происходит из-за того, что я собираюсь женить сына не на прионсе Лаара, а на принцессе Ариании? — усмехнулся император. — Ваш вывод мне понятен... И я согласен, что Лаар, зажатый между Энраддом на севере — пусть и с буферной зоной в виде Лютного океана — и Арианией на юге, чувствует себя не слишком комфортно. И понятно, что король Готфрид хочет, чтобы я женил Гуннара не на арианской принцессе, а на своей дочери... — Он жестом остановил пытавшегося что-то возразить Гуннара.

— Именно так, Ваше Величество. С помощью этого брака Красный король хочет со временем заполучить наши технологии в военном деле и авиации, других сферах промышленности, а также усилить свое влияние на соседей... И, конечно, не допустить прочного союза Энрадда с Арианией.

— Да, да, все это очень похоже на правду... Мне странно другое, — император наклонился над картой, — почему малхаз Мгер-Камари столь пассивен в отражении поползновений Красного короля на месторождения ферилла, которые находятся на его суверенной территории...

— Пассивен, потому что либо не знает точно, а лишь подозревает... либо подозревает, но не желает обвинять Лаар без прямых доказательств и портить отношения... А скорее всего, просто боится связываться с Красным королем... — заявил Советник.

— Может быть, мы могли бы как-то помочь малхазу в отражении этих странных птичьих атак, не афишируя это? Людми, современным оружием? — озвучил свое мнение Гуннар. — Ферилл нам жизненно необходим!

— И ферилл, и торговые связи с Арианией и богатейшими странами, что лежат еще дальше к югу... — поддержал принца граф Вельфский.

— Что скажете, советник? — спросил Магнус, не поднимая глаз от головоломки, которую опять начал крутить в пальцах — похоже, хитрая игрушка успокаивала его.

— Помочь арианцам, — медленно повторил Кербази предложение Гуннара. — Считаю, что в этих вопросах мы должны действовать очень осторожно. Наши специалисты в Департаменте рассматривают проблемы с поставками ферилла как свидетельство тайной мощи Лаара, Ваше Величество...

— Прошу Вас, продолжайте, советник, но с фактами, — поощрил его император.

— Устойчивый мир меж Арианией и Лааром царит долгие пять веков, с начала эпохи Рассвета, — просто тишь да гладь. Расширяются каботажные грузоперевозки, работорговля, связи между образовательными институтами. И действительно, арианские оружейники достигли гораздо больших успехов, нежели лаарцы. Однако... — сделал паузу нор Кербази, — однако, именно территория Лаара, а вовсе не Ариании, трехкратно расширилась за счет стремительного захвата и полного порабощения Джакки, Рхета, Каапро, островов

Юха и Тейгу — и я перечислил не все страны и земли...

Складывается впечатление, что сменяющие друг друга властительницы Лаара просто не торопились, оставляя Арианию на десерт. И, похоже, что сейчас от амбиций Красного короля Арианию спасают лишь хребты Змеиных гор.

— Да с чего вы взяли, Ивар! — возразил граф Вельфский, — Лаар просто как боялся раньше, так и сейчас опасается военной мощи Ариании, потому и не рискует соваться за Змеиные горы! И правильно делает.

— Смею напомнить, Ваше Величество, — проигнорировал нор Кербази своего оппонента, — что до подписания с королевой Элмерой договора о торговле, сооружении причальных мачт и воздушных перевозках, наши небесные суда по до сих пор не выявленных нами причинам или взрывались, или просто исчезали над территорией Лаара! И только после того, как мы наладили отношения с Элмерой, нам открылся доступ к южным территориям за Змеиным хребтом.

— И с чем же вы это связываете, советник? — спросил император, чуть прищурив холодные серые глаза.

Ивар нор Кербази вдавил в переносицу дужку пенсне и закашлялся, будто тянул время. Граф Вельфский усмехнулся:

— Советник хочет, но стесняется сказать, что Тайная императорская служба, призванная строить выводы на основании четких фактов и доказательств, все больше и больше погружается в мир фантазий о том, что могущество Лаара зиждется на применении магии!

В кабинете императора на несколько секунд воцарилась тишина.

— На применении ядзу, — уточнил Советник, подняв палец, — энергии неизвестной природы... Неизвестной в Энрадде, дорогой граф. Однако, даже наши ученые, которым свойственен консерватизм и некая заторможенность, в последнее время всерьез дискутируют по этому поводу...

— Граф, — прервал император, холодно посмотрев на Тайного советника, — давайте не будем удаляться в сферу мистики, то есть — непознанного и недоказанного, а займемся фактами. — Магнус не терпел пространных рассуждений, предпочитая конкретику и комплексный анализ событий.

— Хорошо, Ваше Величество. Вот факты: вам, а значит и империи, брак между Гуннаром и прионсой Илайной принесет гораздо больше предпочтений...

— Советник, может быть, вы посоветуетесь со мной тоже? А то я ощущаю себя безгласным объектом брачной сделки... Чем-то вроде манекена, который таскают туда-сюда... — нахмурился Гуннар. Ларс с легкой усмешкой глянул на кузена и, подойдя к окну, рассеянно взял механический ромбододекаэдр, оставленный императором на широком подоконнике.

— Не сердитесь, Ваше высочество, дослушайте, — нор Кербази поднялся с кресла, — дочь малхаза всего лишь амира, то есть, принцесса без права престолонаследия. А прионса Илайна, вступив в брак с вами, через месяц автоматически, если можно так сказать, становится королевой Лаара! У них такие законы.

Император прищурился, и не дав сыну отреагировать на речь советника, медленно кивнул:

— Это меняет дело. Я совершенно упустил из виду тот факт... что со времен Эпохи Рассвета властителем, то есть, властительницей Лаара может стать только женщина... И

значит, при вашем влиянии на юную жену, Гуннар, мы сможем оказывать свое воздействие на всю государственную структуру нашего заокеанского соседа...

— Но неужели Красный король не боится утратить власть? — спросил Ларс, оторвавшись от головоломки.

— Он не на секунду не собирается ее утрачивать, Ваша светлость, — хмыкнул Советник, — считая, что останется фактическим властителем Лаара, царствуя вместе с королевой Элмерой, а его дочь, выйдя замуж, станет королевой лишь формально... И это так. Но лишь до поры до времени.

— ... До поры, до времени... — повторил Ларс, крутя элементы головоломки, и усмехнулся, когда из правильно сложенного ромбододекаэдра зазвучала механическая мелодия старинной песенки. — Слышал, Гуннар... Господин Тайный Советник прочит тебе большое, прямо таки, многостороннее, будущее...

Магнус Первый чуть нахмурился, с удивлением посмотрев на «поющую» головоломку в руках племянника, затем перевел взгляд на сына, прищутив серые глаза и о чем-то напряженно размышляя:

— Ну что же... Время у нас пока есть...

# Глава 15. Колесо

Первые дни и недели в Казаросса слились в нескончаемый тяжелый сон, который не прерывался ни на минуту. Следующие были не лучше, а многие и хуже, но именно первый месяц изнурительного напряжения всех сил на грани смерти врезался в память бесконечным кошмаром.

Ежедневные дрессировки в воде и на берегу продолжались с зари до сумерек с получасовыми перерывами на скудные перекусы сырными лепешками и кислым молоком, — «чтоб брюхо при выдохе втягивалось аж до позвоночника, оно должно быть пустым», часто повторял Джерг Риган.

Когда солнце тонуло за горизонтом, их вели обратно — во мглу подземелий, и, только тогда слуги приносили в тазах обильный «вечерний корм» — вареную чечевицу с мясом, ячменную кашу, масляный хлеб и разбавленное кислое вино. В первые недели, прежде чем замертво упасть на жесткий топчан, Бренн с закрытыми глазами пихал в рот ложку за ложкой, заставляя себя глотать корм, заливая его вином, и опять глотать. Иначе — выжить, да еще и по его задумке — стать сильнее, было невозможно. Раз за разом он находил в себе силы встряхиваться, как Самсон, искупавшийся в морских волнах, и твердить себе, что он все еще жив и даже не покалечен... хотя тело, сплошь исхлестанное бичом, было покрыто свежими и подживающими ожогами.

Акулий Хрящ быстро наращивал темп дрессировок, до предела усложняя задания. Разминка всегда начиналась с бега, растяжки, прыжков и кувырков. Потом порхов гнали над углями по брусьям, которые ставили все выше, а искрящиеся красным черные дорожки вдоль них становились шире.

Наставник заставлял их нырять со связанными руками, хватать со дна ртом мелкие камни и поднимать их на поверхность. И, к сожалению, Микко оказался прав — теперь и в воде, и на суше свежаки постоянно несли на себе дополнительный груз в виде грузовых колец на поясе и на ногах. Каждый день Бренну приходилось, задерживая дыхание, бежать с утяжелителями по нижним ступеням бассейна, проталкиваясь сквозь толщу воды.

Теперь при выполнении заданий на Скотном дворе и в бассейне Бренн использовал учебное тупое оружие из дерева с железной сердцевиной, причем оно было гораздо тяжелее боевого меча, трезубца или копья. Все чаще приходилось драться под водой с другими парнями и на кулаках, и с тренировочным мечом. Травм становилось больше, но Бренн понемногу набирался опыта, и проигрывал все реже, однако справиться с Гайром и с Костой ему не удавалось.

— Живец или кортавида-надводник имеет дело с хищными рыбами-летунами, и чаще всего использует рубящий удар, чтобы выпотрошить их «в полете», пока они не вцепились ему в глотку или не сбили с ног... — объяснял Акулий Хрящ. — А под водой кортавида-ныряльщик обычно применяет короткий удар — колющий, тычковый или секуще-режущий. Долгий удар с замахом небезопасен даже на суше, поскольку боец открывается для встречной атаки, и уж тем более может стать роковым в воде, замедляющей движение. И потому, чем короче удар, тем скорее он достигнет цели и нанесет смертельную рану врагу. Если же ныряльщик начнет замахиваться... его сожрут!

С полудня дрессировки проходили в Колесе. Так называли сложную механическую конструкцию в отдельном бассейне, подобную той, что использовали в Аквариуме, только

раза в три меньше. От небольшой центральной площадки, закрепленной на мощных опорах, в стороны веерной спиралью расходились обрезные доски и брусья не шире ладони, установленные на разных уровнях. Одни выступали из воды на локоть, другие были затоплены, третьи — поднимались на высоту человеческого роста. На небольших площадках, устроенных между ними, с трудом умещалось не более трех живцов. Колесо крутилось с разной скоростью то по солнцу, то против, и порой внезапно останавливалось, — потому удержаться на доске было той еще задачей.

Вместо «общения» с живыми смертоносными существами, свежаки тренировались на «рыбных куклах» — муляжах, обтянутых высушенной акульей шкурой. Сухая жесткая чешуя даже при скользящем касании оставляла на коже глубокие ссадины, и это заставляло Бренна дополнительно напрягаться и изворачиваться чтобы избежать ее прикосновения.

Для игр с рыбными куклами применялись особые механизмы, смонтированные над Колесом. При его вращении многочисленные муляжи, заменяющие живых хищников, опускались, поднимались и раскачивались, меняя направление и скорость движения. Чтобы свежаки не расслаблялись, на конце длинного рыла «куклы» торчали железные шипы, которые при ударе оставляли на теле неглубокие, но болезненные кровоточащие ранки — «рыбьи поцелуйчики». Бренн, как и остальные, с ног до головы был покрыт «поцелуйчиками» и ссадинами от колючей оболочки кукол. Очень часто стремительный сильный удар «рыбы» просто сшибал с ног, и сорвавшись, Бренн летел в воду. А на Колесе от каждого свежака требовалось одно — не падать и нанести как можно больше ударов по муляжам, уворачиваясь от их рыл любым способом.

Над водной поверхностью на горизонтальных перекладинах и поворотных рычагах были закреплены «подвески» — жерди, канаты и кольца, болтающиеся на разной высоте. Подпрыгнув и схватившись за них, порхи могли на несколько секунд зависнуть над «полем боя», поджав ноги и избегая атак хищников. Самые ловкие умудрялись таким образом даже перелетать с одной площадки на другую, если могли сильно оттолкнуться или раскачаться. Чтобы свободно пользоваться подвесками, Бренну не хватало роста, и он злился, ведь чем выше поднимаешься над водой, тем дальше окажется твоя задница от рыбьих зубов. И он старался не избегать нагрузок при прыжках и беге, чтобы восполнить недостаток роста умением прыгать выше и дальше, чем рослые старшие парни.

По массе, размеру и форме рыбные куклы почти не отличались от летучих и прыгающих морских тварей, которых Джерг Риган показывал в подводных клетках, терпеливо перечисляя их особенности и повадки. Бренн впервые в подробностях рассмотрел легендарных рыб, которых доставляли из морей Хибэя и Мададьгара. Они во многом походили на своих сородичей из Лютого океана, но были гораздо крупнее, агрессивней, а главное — имели мощные крылья-плавники.

— Даже обычные химеры угрожают человеку, если нападают втроем или вчетвером, — Хрящ указал на метровую рыбину с широким рылом и лупатыми, похожими на яичный белок, глазами. — Своими загнутыми, похожими на акульи, зубами, тварь, как бритвой срезает кусок мяса, и неудачник гибнет от невыносимой боли и потери крови. Ну а летучие мальдагарские особи, помимо зубов, могут разодрать тело шипом на хвосте. А если живец растеряется, зевало раззявит, то крупная тварь собьет его с ног... и он голубком полетит прямо в пасти ее товарок, алчущих свежего мяса...

Бренн с внутренним содроганием разглядывал будущих «врагов», их суженное к хвосту тело, безобразно огромную голову и длинный бичевидный хвост с острым шипом на конце.

В соседней клетке, вызывая опасливое омерзение, зигзагом двигались длинные тела метровых мурен с кожей, покрытой буро-лиловыми, болотными и желтовато-ржавыми пятнами. Хорошо просматривались широкие, похожие на крылья, грудные плавники, а сзади еще один — жесткий широкий, со множеством лучей.

По знаку сургача слуга швырнул сквозь решетку несколько крупных кусков мяса, и вмиг челюсти мурены широко раскрылись как у змеи, показывая треугольную острозубую пасть. Из тьмы глотки резко выдвинулась вторая пара челюстей, и Бренн вздрогнул от неожиданности. Он слышал, но никогда не видел, как именно охотятся мурены. Глоточные челюсти сомкнулись на куске кровоточащего мяса и потащили добычу в пищевод. Бренн застыл, поглощенный движениями рыбы, — чтобы запомнить, чтобы знать... чтобы самому не стать добычей.

— Любой рыбак с Мальдагара скажет, что мурены-летяги — кровожадные и свирепые твари, — будто сквозь слой тумана пробился низкий голос сургача. — Чтобы выпрыгнуть из воды, хищник использует мощный жопный плавник. А с помощью грудных плавников мурена удерживается в воздухе, пролетая до трех-пяти метров. Это немного, — Хряш усмехнулся, — но вполне хватит неуклюжему живцу, если он не успеет вспороть ей брюхо либо уклониться... А иначе обе ее челюсти начнут с аппетитом рвать незадачливого болвана.

Шагнув к другой клетке, Бренн увидел синевато-розовое тело небольшой митцекурины с мерзко оголенными деснами, над рылом которой торчал уродливый вырост в виде клюва. Однако страшная тварь напомнила ему о безмятежном прошлом, когда они с Дуги смеялись перед афишей, на которой такую же акулу, только в три раза больше, разрубал знаменитый кортавида-ныряльщик... Как же его звали... Ну, да — Черный Катран... И в тот же самый день, почти три года назад, он получил искру Жизнедателя, вдребезги разбив кружку папаши Мартена...

Теперь Бренн уже не отвергал с раздражением дар, который поначалу, когда его продали в Казаросса, показался не только бесполезным, но и опасным для него самого... Нет... Яджу, копившись в крови и не находя выхода, понемногу меняла его самого. Он ощущал, что становится выносливее и быстрее не только благодаря изнуряющим физическим нагрузкам, и понимал, что, если бы не яджу, то давно мог оказаться в Харчевне или на цепи в качестве хусры.

Каждый раз, заходя в это зловонное место, он старался не смотреть в угол, где были прикованы «сучьи жопы». Один из кастратов прожил месяц, другой умер через неделю, и его тут же сменили на свежака из загона Арбая. Для постоянных измывательств во время дрессировок и наказаний лютей старик выбрал красивого кудрявого паренька с предгорий, который раньше был домашним рабом-певцом, но когда потерял голос, его продали. Арбай бесился от злости, что порх оказался непригодным для дрессуры. Парень не выдержал истязаний и ночью пытался покончить собой, зубами разорвав вены на руках... Ему наложили жгуты, остановили кровь. Затем Арбай, стоя перед шеренгами свежаков, оповестил: «Хозяину Казаросса принадлежит не только жизнь порха, но и его смерть». И, оскалив кривые бурые зубы, добавил: «Каждый из вас будет жить столько, сколько захочет хозяин, и умрет тогда, когда этого захочет хозяин. И вид вашей смерти тоже выберет хозяин».

Свежака приговорили к публичному показательному оскотлению, и в течение получаса сотня порхов смотрела на то, как воющему от боли и ужаса парню отрезали член и яйца,

умело прижигая раны и вливая в рот очередную дрянь, не позволяющее ему потерять сознание или погибнуть от болевого шока. После этого старик Арбай лично вырвал ему зубы клещами, приговаривая: — Свежая сучья жопа готова для сладких утех!

Через неделю, когда раны в паху и рту у несчастного чуть поджили, над ним уже вовсю глумились бывшие сотоварищи. И это потрясло Бренна сильнее, чем жуткое наказание за попытку самоубийства.

Дни отбора «сучьих жоп» воспитатели проводили в конце каждого месяца, чтобы добиться слепого подчинения и подстегнуть усердие новобранцев на дрессировках. Порхи ждали этого дня с нескрываемым ужасом, ворочаясь всю ночь. И хотя Бренн, выкладываясь по полной на дрессировках, показывал результаты даже выше средних, накануне он напрягался до крайности.

Гайр был прав, когда предупреждал его — с первого дня Шило взъелся на едва достигшего совершеннолетия раба. И, размышляя, от чего так случилось, Бренн нашел лишь две причины такого отношения. Или Хис Яппар возненавидел его за наглость, типа из господской «солидарности», увидев, как он напал на Вислоусого, или, сравнивая Бренна с более взрослыми свежаками, считал его низкорослым, хилым и мелким, а значит — бракованным ненужным довеском. А скорее всего — и то, и другое вместе. Даже когда Бренн втянулся и почти ни в чем не уступал старшим парням, Шило не изменил к нему предвзятого отношения, видимо, уже по привычке, или из мерзостности своей натуры. Колючие, как у хоря, глаза воспитателя так и сверлили его в дни «отбора», и сердце Бренна стучало как сумасшедшее от дурных предчувствий.

Он знал, что пойдет на все, но не позволит сделать из себя хусру, знал, что убьет... Не в первой! — храбрился он, но понимал, что это не поможет сбежать. Если он убьет Яппара, используя ядзу, то сразу «раскроется» как гнилой урхуд, а жрецы-служители Тухлого Краба сумеют его скрутить. Если он просто перегрызет Шилу горло, то его также обвинят в нападении на воспитателя. А значит, так или иначе, но его посадят на кол на Скотном дворе. Казнят напоказ, для острастки других, нарочно продлевая ему жизнь. Конец один. И все равно — если так случится, он захватит с собой как можно больше уродов, всех, кого сможет достать...

Эти тоскливые мысли долбили его голову, как дятлы. Но кроме страхов и постоянных панических ожиданий, зарождались пустые и бредовые, как он сам считал, соображения — одолеть жрецов можно, но для этого нужно обладать мощью Отца Непорочных — поганого Скааха ан Хара. Ну да, ну да... мечтать не вредно, порх... Особенно, сидя глубоко в жопе.

\*\*\*

Прошло уже три месяца, как нижние подвалы забили новой партией свежаков, приобретенных Тухлым Крабом, а Бренна вместе с другими перевели в Загон на верхнем ярусе. Как и говорил Микко, там действительно было больше места и воздуха, корм стал сытнее, вечерний и предутренний свет радовал глаз, попадая в Загон из скважин в потолке, а главное — не было жуткого дощника с тухлой водой, где по приказу Шила регулярно «топили» порхов в качестве наказания.

Чем меньше времени оставалось до Игры Живцов, тем чаще и громче в Загоне обсуждали всевозможные ситуации, которые могут произойти в ходе боя с морскими тварями. Свежаки изо всех сил изображали уверенность, что все обойдется, они получат вожеленный статус кортавида и начнут свой путь к славе и свободе. Разъедающий душу страх парни скрывали за бурными спорами о тактике боя с разными видами хищных рыб, о

том, как правильно распорядиться победой и сделать дальнейший выбор. Внимательно вслушиваясь в злые перебранки и веские доводы, Бренн не пренебрегал ничьим мнением, пытаясь сопоставлять, сравнивать и делать выводы.

Те, кто особенно рвался как можно скорее выкупить себе свободу, заявляли, что пойдут в нырятьшики, как в свое время сделал Джерг Риган. Ведь именно бойцы-подводники быстрее могли накопить нужную сумму на выкуп. Особо горячим парням Гайр напоминал — чтобы получать личные награды от поклонников, кортавида для начала должен получить статус «мастера», и у подводника на это уйдет в среднем один-два года. — Да я за год выкуплюсь, — хмыкнул Коста, с превосходством глянув на других, — вот увидите!

Острая неприязнь к бледнокожему, не мешала Бренну здраво оценить его самонадеянность, — Коста мог сделать то, о чем говорил, поскольку считался одним из лучших бойцов в загоне, уступая, пожалуй, только стремительному Гайру.

— Все это прям здорово, конечно, — широко улыбнулся Гайр, — ты стал мастером-кортавида, тебя прославляют, поклонники осыпают тебя серебром и даже золотом. И ты прав, — некоторые, особо выдающиеся бойцы, собирали нужную сумму за год-два после того, как стали мастерами. Только все почему-то стараются забыть, что этот год-два-три тебе нужно не только выжить в схватках с морскими гадами, но и как можно чаще побеждать.

— И я буду побеждать! Или ты сомневаешься в моих способностях, староста? — прищурился Коста, играя мускулами. Бренн заметил, что за последние месяцы бледнокожий порх перестал заискивать перед Гайром, стал держаться наглеи и уверенней. Он даже ходить стал по-другому — чуть в раскачку, поводя мощными, но покатыми, плечами. Похоже, благодаря успехам на дрессировках, самомнение Косты раздулось, как рыбий пузырь, и теперь он считал, что ни в чем не уступает Гайру.

— Я во многих из нас не сомневаюсь, — спокойно ответил Гайр, быстро глянув на Косту из-под бровей, и не отрываясь от еды, — просто знаю, что жизнь найдет способ обломать любого... Ведь, чтобы скопить требуемую денюгу, я, если стану кортавида, должен участвовать во всех боях, на которые меня поставят...

— Ну и чего такого? Я, к примеру, так и собираюсь делать... — озадаченно посмотрел на старосту гибкий жилистый Зои, — лучший нырятьщик среди свежаков после Микко.

— А как идти в бой, если в прошлый раз, к примеру, тебе не слабо так порвала жопу плащеносная акула или вбил жало ракоскорпион? Значит, волей-неволей ты пропустишь несколько игр, пока не оклемаешься... И вот так — время до «самовыкупа» может растянуться на четыре — пять лет... А это слишком долго, чтобы кортавида не покалечился или его не сожрали рыбки. И уж если тебе не повезло, то твои кровью и потом накопленные монеты осядут в кошеле ан Хурца. Калека-кортавида, который не успел выкупиться, остается порхом, и его отправляют на работы с механизмами в подземные цеха Казаросса. Ведь порх вместе с деньгами остается собственностью Тухлого Краба...

Бренн был согласен с Гайром — гибель кортавида, даже опытного, продержавшегося достаточно долго, считалось обычным делом, а до момента выкупа доживал один-двое из десятка. А уж об увечных бойцах и говорить не имело смысла. Но сердца порхов грела сама возможность освободиться — ведь прямо над Скотным двором, подпитывая пламя надежды, стояли отдельные дома свободных кортавида. И живым примером перед глазами маячил бывший раб и нынешний дрессировщик живцов Акулий Хрящ, успешный, богатый, и повелевавший личными порхами.

— А ты? Ты сам кем хочешь стать, Гайр? — спросил Микко, отставив миску с кормом.

— Не решил еще, но думаю, — надводником, — Гайр задумчиво почесал разбитую бровь, — ныряльщику в разы трудней, тут не только сноровка нужна... Слишком долго надо держаться под водой без маски и отлично знать повадки особо опасных тварей. Надо заранее угадать, когда именно ракоскорп соберется вдарить своим жалом или отхватить тебе ногу клешнями... Или, как заставить акулу хоть на миг захлопнуть пасть... Хрящ не особо про них рассказывает, но оно и понятно — на Игре нам придется только с летучими гадами кувыряться... а дальше... Дальше, он, видать, не заглядывал...

— Нам и этих гадов за глаза хватит, — буркнул Микко, — а акулу, если ничего другого не остается, надо бить в рыло, как собаку — в нос, — это срабатывает, хотя и не всегда...

— Тебе-то откуда знать... — Коста не изменил своего пренебрежительного отношения к Микко, уперто стараясь не замечать, что тот за время дрессировок стал лучшим подводником.

— Я-то знаю, и даже сам видал, как это делают... — не глядя на Косту, спокойно ответил Микко. — Правда в тех местах, где я ловил морских ежей, водились только щелеглазые и черные кошачьи акулы, они небольшие и не слишком злобные. Однако учили нас учили опытные рабы-ныряльщики, потому я знаю, что акулий нос чувствительный, как у собак...

Микко помолчал, вспоминая неприятное, и добавил: — А если не выйдет в рыло, то бить в глаза, рвать жабры...

— Правильно тебя учили, — кивнул Гайр, соглашаясь с ним, — а еще я слышал, что особо нежное местечко у акул — ихний подбородок, навроде как у девок между ляжек. И матерые кортавида умудряются так пощекотать гадину под подбородочком, что она прям млеет, как полная дура...

Все не слишком весело хмыкнули. — Не успеешь ты ни в нос вдарить, ни щекотнуть... — хмуро буркнул синекожий угрюмый Ану, — пока тянешься к ней своими грабками, она тебе бошку откусит...

— Я надводником стану, — расчесывая подживающие ранки, твердо заявил Микко.

Бренн оторвался от миски: — Ты же с детства под водой! Тебе сам Жизнедатель велел ныряльщиком стать...

— Вовсе не Жизнедатель, — синеглазый криво усмехнулся, — а два урода... Один, которого я называл отцом, и который меня продал, а другой — который купил и замордовал до усрачки добывать этих сраных ежей! Как-то один умник — старый увечный порх, что учил цифре хозяйских деток, посчитал, что за пять лет я давился морской водой и подыхал не меньше пяти тыщ раз! — Микко почти кричал.

— Хва визжать как девка! Всем хреново приходилось, — оборвал его Гайр, и чуть смягчил тон, увидав потемневшие глаза Микко, — подыхал-подыхал, да выжил, даже калекой не стал, — скажешь не чудо?! Думаю, с твоей сноровкой и опытом ты сумеешь продержаться и стать «мастером». Пусть на это уйдет чуть больше времени, но...

И Бренн вдруг понял, что как-то постепенно он перестал злиться на судьбу и богов. Ему повезло. Он не сдох, он в Игре, и ему — порху-убийце подарили время, отсрочив конец. И если раньше при переизбытке ядзу приходилось кипятить воду, разбивать, ломать и крушить, чтобы сбросить ее излишки, то страх выдать себя научил его осторожности, вынудил распределять силу внутри самого себя. Использовать ее по капле. Когда нужно.

Крохотный огонек надежды едва теплился, но Бренн не позволял ему погаснуть.

# Глава 16. Девичьи сады

Ариания, провинция Нибиру, цитадель Девичьи сады

Сердце дрожало от предвкушения интересного путешествия и возвращения домой. Возвращения свободы и родительской любви. Наконец-то она, как чайка, вылетит за высокие угрюмые стены Девичьих садов и через леса и реки, через горные хребты Змеиных гор понесется к Серебряной гавани, к свежему ветру океана и пенистым волнам, — к родному Бхаддуару.

Почти пять лет назад, когда десятилетняя Илайна садилась в кортеж, который должен был везти ее в далекую Арианию, в горле сжималось так сильно, что ее начинало тошнить от страха и тоски — чужие места, чужие люди и ужасное одиночество — так она представляла себе жизнь в Воспитательном доме для дев благородных кровей. В Девичьи сады — прославленную цитадель образования — уже на протяжении многих веков отправляли своих дочерей богатейшие семейства, дома и династии из Ариании, Хибэя, Мальдагара и даже дальних островных государств Оккру и Шалисс. Здесь же обучались прионсы Лаара и принцессы Ариании. Репутация заведения на протяжении веков оставалась безупречной. Вне зависимости от внешних отношений между странами, войн и бунтов, юные девы оставались в безопасности, которую обеспечивал не только особый корпус стражи вокруг цитадели, но и непревзойденные защитные конструкты Ордена Непорочных.

Во время поездки, длившейся почти три недели, за пеленой слез и страха Илайна даже толком не осознавала, что видит вокруг себя, хотя ее пятнадцатилетняя служанка Гретта не переставала то ужасаться, то восхищенно ахать, то рыдать. Отца и мать Илайна ни разу не видела за эти годы — традиции Девичьих садов были весьма суровы, а путешествие туда и обратно — слишком долгим, чтобы властители Лаара могли отлучаться на свидание с дочерью. Во время прощания перед отъездом в далекую Арианию отец Илайны — суровый король Готфрид — не скрывал блестевших от слез глаз — так сильно он переживал долгое расставание с дочкой, а маленькая прионса перебирала пальцами его рыжую бороду и ревела в нее, как простолюдинка. Мать держалась, как всегда, сдержанно, но Илайна видела, что она изо всех сил крепится, часто моргая, чтобы не заплакать самой. Королева Элмера утешала ее своими рассказами о долгих десяти годах, что она провела в стенах Девичьих садов, куда ее отправили не взрослой девочкой, как ее, а пятилетней малышкой. И после таких историй Илайне становилось немного легче, ведь пять лет — это тебе не десять.

Бесконечное число дней, которые прионса томилась в цитадели благовоспитания и образования, вереницей мелькали перед глазами. Она помнила все — звуки, запахи, разговоры, тяжелый труд и увлекательные занятия, дивные часы, наказания и поощрения.

\*\*\*

Похожая на длинную желтую кость, женщина, в серой хламиде и туго стянутом платке, скрывающем волосы, строго смотрела на прионсу. Это была старшая наставница Морна. — Ее Величество, владетельница Лаара Элмера Милостивая приказала научить вас всему, что может пригодиться в жизни будущей королевы. Вы пройдете курс по множеству учебных предметов, но главное — вас научат высшим качествам, которые отличают ноблесс от хуторных: стойкости, смирению, сдержанности, а также умению быстро принимать правильные решения и подчинять всех окружающих — от презренного порха до представителей высшей знати.

Наставница внимательно рассматривала новенькую, наблюдая, поняла ли та сказанное. Но в тот момент Илайна почти ничего не воспринимала, лишь чувствовала, что ступни в башмачках из тонкой кожи сильно мерзнут от холода каменных плит.

— Как взрослая дева, вы должны жить в общих комнатах с другими воспитанницами из родовитых Домов, но прионсе и наследнице лаарского престола, по законам цитадели с древности выделяют отдельное помещение. Кроме того, вам позволяют иметь собственного врачавателя и служанку. Однако, программа обучения, воспитания и наказаний распространяется на всех одинаково.

Морна ждала, что новенькая хотя бы кивнет, но Илайна молчала, глядя прямо перед собой, будто не слыша. — Здесь вас будут называть воспитанница Айлин, — повысила голос наставница, и Илайне пришлось поднять глаза. Она встретила испытующий холодноватый взгляд наставницы, которая продолжала:

— Вам будет трудно, я предупреждаю. Но, — замолчала она, и углы сухих губ тронула почти незаметная быстрая улыбка, — все, что здесь происходит, делается только для вашего блага. И я считаю, что вы прекрасно справитесь. Вы станете образованной, выносливой, умелой и коварной, научитесь терпеть боль, унижение, а также обольщать и удерживать возле себя мужчин, и находить выход в самых трудных обстоятельствах. Когда ваше обучение завершится, вы будете готовы как к замужеству, так и к престолонаследию.

\*\*\*

Первые полгода в Девичьих садах прошли как дурной сон. После роскошных и уютных покоев великолепного Розаарде, Илайна будто провалилась в грязную холодную дыру. Небольшая, даже без камина, комната, узкая кровать с жестким матрацем и тонким одеялом, невкусная еда, состоящая из несоленых овощей, круп, молока, фруктов и вареного мяса с рыбой, — все это доводило Илайну почти до истерики. Впрочем, она видела, что в таком же состоянии паники пребывали все новенькие, и это неким образом помогало держаться. Вместо чудесных платьев, украшенных кружевом, воланами, золотой нитью и драгоценными камнями из Змеиных гор, ей выдали жуткое облачение в виде широкой робы с завязками, вместо бархатных туфельек — жесткие сандалии и грубые башмаки с хлопковыми чулками для холодных дней. А кудрявые длинные волосы велели стянуть в две тугие косы.

Первые три месяца Илайна плакала каждый день, спасало лишь тепло и забота не унывающей и легкой в общении Гретты. Она очень жалела прионсу и тайком проносила ей пряные лепешки, жареное мясо, пирожные и даже необычайно вкусное густое, черно-красное арианское вино. Удивительное дело, но условия жизни самих наставниц, слуг и даже стражей-евнухов были намного приятнее и свободнее, чем у воспитанниц. Слуги питались в отдельной трапезной пять раз в день, причем на столе были вкусно приготовленные, сытные и разнообразные блюда, исключенные из рациона учениц благородной крови.

Однако, жалость Гретты привела к тому, что Илайну впервые наказали уже через неделю. Служанка принесла ей со своего стола кусок жареной индейки с абрикосами и вишневым пирог. Но евнух-смотритель Чор, похожий на жирного злобного крыса, проследил за ней и резко открыл дверь в комнату как-раз в тот момент, когда прионса, подобно худародной девке, масляными пальцами жадно запихивала в рот куски мяса. Конечно, злорадствующий Чор немедленно доложил о нарушении, и воспитанницу Айлин лишили еды на весь день, показавшийся ей бесконечным.

Все девушки, начиная с восьми лет, были разделены на классы, только малышей пяти —

шесть лет держали отдельно. В классе Илайны были девочки семи-двенадцати лет. Все — юные представительницы высших родов и Домов из разных областей соседних с Арианей стран. Но настоящей принцессой, хотя и не престолонаследницей, как Илайна, была лишь семилетняя черноглазая Фрейя — дочь малхаза Мгер-Камари — великого владетеля Ариании. В распоряжение Фрейи также выделили отдельную комнату, врачевателя и служанку.

Девушек обучали грамматике Общего языка, истории стран, и более подробно — истории своего государства, немного — математике, геометрии и астрономии, каллиграфии, литературе и географии. В программу были введены — этикет, танцы и пение, с учетом того, что было принято в высшем обществе той страны, из которой прибыла воспитанница. Обязательные уроки религии и права проводились отдельно, в зависимости от подданства и правящей династии. Айлин опекал жрец Непорочных Тиусс, одышливый и вялый, как снулая рыба. На уроке он часто засыпал в кресле, и прионса пользовалась этим, чтобы побыстрее сделать задания по другим предметам.

А еще им давали уроки душеведения — умению распознавать типы людей, их тайные мысли и желания, слабости, страхи и пороки, а также умению влиять на людей и повелевать ими. Программа воспитания и обучения предусматривала и дополнительные занятия, на которых настаивали главы правящих династий или Домов, включая игру на любых музыкальных инструментах. Айлин с огромным удовольствием занималась верховой ездой, некоторые девы с дальнего юга и востока посещали уроки фехтования и рукопашного боя.

Огромное значение придавалось физическим нагрузкам, выносливости. Девушек готовили и к здоровому материнству, и к неожиданным превратностям судьбы, от которых никто не защищен. Воспитанниц поднимали в пять утра, выводили на широкий двор, окруженный анфиладой мрачных колонн из темного камня. И до завтрака в любую погоду они соревновались в беге, занимались отжиманием и подтягиванием. Особое внимание уделялось укреплению мышц живота, для чего на наклонных досках девочки делали специальные упражнения.

После часа спортивных занятий Айлин вместе с другими отпускали на получасовой завтрак. Через пару недель она привыкла к творожникам и овечьему сыру, темному хлебу с хрустящими на зубах зернышками, каше из разных круп, которые раньше никогда не ела, и все эти блюда ей стали даже нравятся. Завершив завтрак фруктами, воспитанницы приступали к урокам в классах. После обеденной трапезы, включавшей запеченные овощи, отварное мясо или рыбу, начинались обязательные для всех трудовые обязанности. Нежные тонкие пальцы Айлин окрепли и загорели. Прионса Илайна и воспитанница Айлин в одном лице научилась отскрести от жира котлы и огромные сковороды, мыть полы и таскать ведра с водой, не спать ночь, если ее назначали дежурной по спальням. Ее, как и всех других, учили шить, заставляли стирать свое белье, чистить лошадей и даже убирать стойла.

— Девы семейств-ноблесс обязаны уметь все, что умеют простолюдинки, а также мочь и знать все, чего не могут, не умеют и не знают худородные. По крайней мере, должны стремиться к этому, — постоянно твердила Морна. — Только тогда носительница благородной крови имеет право на свое несомненное превосходство над прочими.

Несмотря на строгое и даже суровое обращение с воспитанницами, за их здоровьем и благополучием наблюдали круглосуточно и, удивительно дело, при таких физических и психологических нагрузках девушки болели очень редко. Раз в неделю их осматривали несколько живущих в Садах врачевателей-евнухов, которые вели подробные записи о

состоянии каждой воспитанницы. После «совершеннолетия», которое наступало сразу после первого кровотечения, случившегося у кого в десять лет, а у кого лишь в четырнадцать, девушки раз в месяц проходили обследование у лекаря-скопца, ведающего женскими болезнями и ведущего учет особенностей полового развития каждой. Все было продумано до мелочей.

— Осмотры неприятны, но совершенно необходимы, — объясняла Морна смущенным и красным от стыда подопечным. — Ко всему следует относиться прагматично и без излишней чувствительности, неподобающей девам благородных домов. После осмотра ваши семьи могут быть уверены, что вы здоровы, девственны и способны выносить здорового ребенка.

Общаться девушкам разрешалось, и, хотя особой дружбы между Айлин и другими девочками не возникало — слишком разным было их воспитание, культура и традиции до прибытия в Сады, — однако симпатии и привязанности скрашивали трудную жизнь. Особое значение воспитанницы придавали двум «Дивным часам» перед сном. В это время им позволяли «расслабиться»: не возбранялись шумные игры, крики и беготня по коридорам, свободное гуляние в садах, чтение книг, пение и громкий смех. Как и другие, Айлин вволю наслаждалась «дивными» часами.

Кроме того, каждый месяц она с нетерпением ждала Дня отдохновения, когда воспитанницам разрешалось вернуться в прежнюю жизнь. Это означало, что уже с утра начинался маленький праздник: Гретта помогала ей надеть роскошное платье (в сундуке хранилось десять прекрасных нарядов — на вырост), бархатные туфельки на высоких танкетках (башмачки из телячьей кожи, сафьяна, бархата или атласа хранились в отдельном сундуке). Всем девушкам позволялось расплетать тугие косы и сооружать самые невероятные прически, для чего в Девичьи сады привозили лучших цирюльников. Однако Илайна предпочитала ловкие руки своей Гретты, которая сама укладывала ей волосы и громко радовалась, что не приходится пользоваться горячими щипцами, ведь волосы юной госпожи и пышны, и кудрявы и восхитительно отливают медью и золотом.

Волшебство продолжалось с помощью пудры, румян и помады. И вот, наконец, после наведения «красоты» она превращалась из скромной и послушной воспитанницы Айлин в грубом холщовом платье в нарядную и хорошенькую прионсу Илайну. Затем она с трепетом доставала «душистую шкатулку», где толпились флаконы цветного стекла с ее любимыми духами. Сидя перед старинным зеркалом, Илайна любовалась на себя, прекрасную и взрослую, и вместе с Греттой долго выбирала аромат, которым ей желалось сегодня благоухать.

Кроме того, лишь в День отдохновения для девушек готовили вкуснейшие блюда, десерты и напитки, и позволяли объедаться вволю. Только вот от переедания к вечеру многим девушкам становилось плохо, а ведь на следующий день — унылый и будничны — никто не освобождал заболевших ни от уроков, ни от трудовых занятий. Один раз испытав на себе последствия «обжираловки», как выразилась служанка, Айлин стала гораздо осторожнее вести себя за обильным столом Дня отдохновения. Она не забывала, как ее тошнило, как скручивало живот, пока ей приходилось намывать полы в длинных коридорах, и сколько раз ее рвало в стоящее рядом ведро, которое приходилось таскать туда-сюда, чтобы сменить грязную воду.

Когда Айлин исполнилось одиннадцать лет, и у нее впервые появилась кровь, ей, как взрослой девушке, велели посещать особые уроки, где учили следить за собой, а также умению держать себя с мужчинами разного возраста и статуса. Со временем уроки

становились все сложнее и интереснее. Взрослеющим девушкам подробно рассказывали о мужской и женской анатомии и физиологии, подробности об интимном сближении, о том, как увлечь и удержать мужчину, оставаясь при этом хладнокровной и расчетливой. И никакой слюнявой романтики. «Романтика — это для пастухов и белошвеек!» — презрительно кривила губы Морна. И хотя это были лишь теоретические занятия с использованием больших картинок и восковых муляжей, но и они давали очень много находящимся в затворничестве девственницам, которые годами видели лишь слуг-евнухов. К четырнадцати летам воспитанница Айлин постигла все тонкости кокетства, взглядов и движений, нужных слов и умений приближать и отталкивать, льстить и обдавать холодом. И главное — добиваться желаемого.

Что касается наказаний, то все они были заранее были обговорены с родственниками учениц и одобрены главами семейств. Все провинности заносились в индивидуальную тетрадь, где указывался проступок воспитанницы и вид наказания. Айлин с содроганием вспоминала, как за непослушание ее били по ладоням и ступням, привязав к скамье, или сажали в темную холодную комнату на хлеб и воду. Как и всех прочих воспитанниц. Никто из них не избежал подобных строгостей. И хохотушка Гретта убивалась и рыдала, не в силах осознать, как же такое возможно! Возмущению служанки не было пределов — ну как же так — на ее оплошности смотрят сквозь пальцы, а маленькую благородную госпожу наказывают, как презренную порху, которая разбила посуду.

Но самым противным Айлин, как и остальные девушки, считала чистку уборных евнухов. От злости она прикусывала губы и старалась не дышать, когда ей приходилось полдня ползать на коленках вокруг вонючих туалетных дыр со щетками и тряпками. Гретта снова рыдала и приходила в ужас от того, что наследницу трона Лаара, будущую королеву, подвергают такому суровому обращению, с которым даже она — простолюдинка — не встречалась никогда в жизни. Служанка терпеливо дожидалась свою «любимицу-бедняжку-страдалицу» в коридоре, не смея помочь, ибо это было строжайше запрещено, и встречала с распухшим от слез носом и красными, как у кролика, глазами.

Однако, наставница Морна лишь пренебрежительно отмахнулась от причитаний Гретты, которая рискнула придти к ней с нытьем про тяжкую жизнь своей юной госпожи. А на уроке объяснила воспитанницам, что любое наказание, включая унижительное, принуждает избалованных дев к смирению и пониманию, что жизнь человека, в том числе и ноблесс, может перемениться в один миг, причем страшно и внезапно. И нужно научиться достойно встречать любой удар, не впадая в сопливое отчаянье, и находить выход из любых ситуаций, как и подобает высокородным особам.

\*\*\*

Дикая жара, мучившая земли провинции Нибиру вот уже три недели, никоим образом не повлияла на привычный распорядок в Девичьих Садах. Накануне воспитанницы трудились на огородах под палящим солнцем, и единственной радостью было то, что им приходилось таскать в кадушках воду, которая обливала руки и ступни и дарила мимолетную прохладу. Двух дев унесли в лекарню — им стало дурно на солнцепеке — что, естественно, вызвало неудовольствие Морны, презрительно поджавшей узкий рот. Обычно она лишь радовалась любым погодным нарушениям, изыскивая новые возможности устроить воспитанницам испытания на прочность.

Но сегодня и Морна, и младшие наставницы, и слуги, и евнухи, и Хранительница Девичьих садов Куниберда находились в состоянии отчаянья. В цитадели произошло

неслыханное — ночью, промучившись несколько часов, умерла хорошенькая прионса Фрейя — дочь благородного владетеля Ариании малхаза Мгер-Камари. Ужасное событие потрясло всех, поскольку подобное никогда не случалось в стенах Воспитательного дома. И, как считалось, не могло произойти в силу высочайших мер безопасности.

Служанку Фрейи, ее лекаря и старшего евнуха Чора немедленно схватили и посадили в подвальные казематы до прибытия дознавателей и палачей малхаза Ариании. По Садам со скоростью мухи разлетелись домыслы, что девушку, которой едва исполнилось двенадцать лет, отравили тайные враги Мгер-Камари. Но зачем? — недоумевала Айлин, сгребая сорняки вокруг прополотых гряд, — чтобы просто причинить ему боль? Не сходится... Наверное, малхаз очень любит свою милую и жизнерадостную дочку... Но у него осталось еще две дочери и пять сыновей, — размышляла она, стараясь рассуждать здраво, — и вряд ли он сойдет с ума или покончит собой из-за смерти одного из своих детей. Скорее разгневется! Айлин вдруг подумала о своих родителях — как бы они восприняли, если бы подобное произошло с ней? Но додумывать такую неприятную мысль до конца ей почему-то не захотелось и она вновь вернулась к ночному событию с Фрейей... А считать, что принцессу отравили слуги, которые находились с ней несколько лет, — вообще глупо... К примеру, заплатили служанке, и что? — она пожертвует жизнью ради того, чтобы убить малышку, которую знала с раннего детства, понимая, что перед этим будет подвергнута ужасным пыткам? Нелепо как-то... Хотя, может служанку или лекаря Фрейи шантажировали и просто вынудили это сделать? — например угрожали умертвить близких...

От перегрева у Айлин закружилась голова, и все умные мысли вылетели из нее. Едва она укрылась в тени высокого колодца, раздался долгожданный звук колокольчика, оповещающий о времени ужина. Спасаясь от беспощадного солнца, воспитанницы, еле переставляя ноги, побрели под высокие древние своды Воспитательного дома. Как только вся мокрая от пота и красная от жары Айлин вошла в сумрачный каменный коридор, разгоряченное зноем и работой потное тело охватило блаженство. На столах трапезной уже стояли принесенные порхами запотевшие кувшины с холодным кислым молоком. Она жадно глотала живительную прохладу, чтобы, наконец, напиться вволю.

— Воспитанница Айлин, — сухой голос Морны, раздавшийся за спиной, заставил ее вздрогнуть, и она пролила молоко и на пол, и на платье. — Ты так и не научилась контролировать свои порывы, хотя обучаешься больше четырех лет, — проскрипела наставница, глядя на лужу и мокрый подол, и девушка напряглась, ожидая очередного нравоучения или даже наказания, — сегодня от расстроенной ночным событием Морны можно было ожидать любой гадости.

— Неужели мой голос пугает тебя до того, что ты до сих пор оскорбляешь меня вздрагиванием, — строго спросила пожилая женщина. Она медлила, внимательно рассматривая воспитанницу круглыми совиными глазами и покачивая головой, будто с чем-то не соглашаясь. — Стоило бы подержать тебя здесь еще хотя бы год с усилением воспитательных мер... — Морна выпрямилась, хотя ее иссохшее тело и так было прямым, как палка. — Но ваша венценосная мать, королева Элмера Милостивая, сообщила, что вы должны завершить обучение и немедля вернуться в Бхаддуар, — неожиданно произнесла она слова, которые Айлин с трепетом ждала все эти годы.

В голове зашумело от сумбурных мыслей, — что это — издевательство, злая шутка, вроде нового испытания на силу духа. Или, может быть, до родителей дошли вести об ужасной гибели Фрейи, и теперь все знатные семейства решили забрать дочерей из

Девичьих садов? Нет, так скоро трагическая весть не долетела бы до Лаара... Быть такого не может...

— У вас есть время до рассвета, Ваше Высочество. После того, как вас приведут к надлежащий вид, соответствующий будущей властительнице Лаара, вы сможете попрощаться с подругами. Я надеюсь, что все, чему вы научились в Девичьих садах, поможет вам в любых испытаниях, которые возможно предназначил для нас рок. — Морна едва заметно приподняла уголки узких губ и ее выцветшие глаза даже потеплели.

И почему пресловутый рок обязательно приберегает для тебя какую-то гадость, вскользь подумала Айлин, и, быстро поклонившись наставнице, направилась было к Гретте, которая с нетерпением заглядывала в дверь трапезной, но вновь похолодевший голос остановил ее:

— Воспитанница Айлин! Вас никто не отпускал! Немедленно убрать это, — ткнула Морна пальцем в лужу пролитого молока. — До рассвета — вы лишь ученица, помните об этом. И при неподобающем поведении, вместо сладких приготовлений к путешествию домой, можете на всю ночь отправиться чистить уборные.

# Глава 17. Птичка-невеличка

Ариания (Нибиру — Драхенрисс)

Слава Жизнедателю, чистка уборных на этот раз ее миновала. Илайна с раздражением сорвала с себя мокрую от пота и кислого молока холщовую робу, сбросила грубые сандалии и с упоением принялась перебирать свободные дорожные платья из невесомого шелка, уже разложенные Греттой на кровати. — Завтра, завтра... — шептала Илайна, погружая пальцы в нежную пену тончайших кружев. Теперь, вновь превратившись в прионсу и наследницу трона Лаара, она сумеет получить удовольствие от каждого дня, от каждой минуты этого путешествия. Слава Жизнедателю — после тяжелых лет в воспитательной цитадели, она, наконец, возвращается в родные стены дворца Розаарде. Голова кружилась от предвкушения и восторга.

— Ах, госпожа, — вскрикнула вдруг служанка, указывая пальцем на ее голый живот, — что это?

— О чем ты... — Илайна рассеянно вскинула на нее глаза, — а, о об этом...

— Ну да! — кивнула Гретта, вскинув белесые брови и с удивлением разглядывая на коже прионсы татуировку из странных знаков, которая кольцом свернулась вокруг нежной пупочной ямки. Сказать или не стоит, сомневалась Илайна. Но что за беда, если она поделится тайной с верной Греттой, которая все эти годы так выручала ее. Да и какой тайной — так, детская ерунда... крошечный, ничего не значащий секретик... Хотя после того, как сегодня ночью умерла принцесса Фрейя, ей стало не по себе...

Ничего особенного вроде бы не произошло. Был «дивный час», когда в одиночестве гуляя по цветущему саду, влажному и благоухающему после яростного ливня, Айлин заметила на низкой ветке сказочно-красивую птичку-невеличку — розово-бирюзовую с алой головкой и длинным золотым хвостом. Раньше она не видела здесь такой удивительной птицы. Невеличка повернула головку в ее сторону, и желтые глазки блеснули, как солнечный камень. Птичка взмахнула бирюзовыми крыльями и вдруг села ей прямо на плечо, издавая нежные переливчатые трели. Айлин боялась шевельнуться, чтобы не спугнуть крошку, но невольно протянула палец, чтобы погладить блестящие розовые перышки на грудке. Лишь только она коснулась шелковистых перьев, птица, вспорхнув, перелетела с плеча на ветку и, закинув головку, снова запела-зажурчала. Птичка будто дразнила ее, перелетая с ветки на ветку и уводя все глубже в сады. Очнувшись, словно от недолгой дремы, Айлин сразу почувствовала и тяжелый намокший от влажной травы подол, и мокрый песок, попавший в сандалии. Оглядевшись, она поняла, что оказалась в самой дальней части садов возле древней замшелой стены, окружавшей цитадель. Раньше она никогда не ходила сюда — где-то здесь, в глубине густых зарослей дикой вишни и орешника, где не было проложенных тропинок, уже целый век жила слепая гадалка Гримхильда, о которой ходило много страшных слухов, и которую воспитанницы очень боялись.

По неизвестной причине старую женщину не прогоняли из Девичьих садов. Почему? — недоумевала Айлин, — наверняка это самая настоящая урхуд, и в Лааре жрецы Непорочных давно бы раскрыли ее гнилой опасный дар. Айлин стало немного боязно. Да нет, ей стало по-настоящему страшно. Спина будто одеревенела — она с трудом обернулась и застыла. В темном дверном проеме старой лачуги, сложенной из дикого камня, стояла горбатая фигура в просторном черном тряпье... стояла неподвижно и сверлила ее затаянными бельмами

глазами. А на плече у ней курлыкала сверкающая перьями птичка.

Пытаясь взять себя в руки и не трястись, Айлин внушала себе изо всех сил, — никто и ничто не может угрожать воспитанницам в этом защищенном месте. А это означало, что старуха — никакая не урхунд и совершенно безобидна. Просто она стара и уродлива, вот и потекли слухи среди глупых скучающих дев... Однако самоуговоры не помогали — внешний вид слепой бабки отталкивал и пугал...

— Поди сюда, — проскрипела Гримхильда, поманив к себе девушку кривым морщинистым пальцем, и птичка, вспорхнув с ее плеча, скрылась в темном проеме лачуги. Будто замороженная, Айлин направилась к низкому входу. Возле тяжелой разбухшей двери стояла щербатая миска с молоком и кусочками хлеба, — для кота? Но за все время пребывания в цитадели она не видела ни одной кошки, не то, что в Бхаддуаре, где эти пушистые мурчащие существа пользовались особой любовью и почитанием за неутомимую борьбу с крысами.

Переступив высокий порог, Айлин затаила дыхание, ожидая затхлого душка влажной плесени, дряхлости и нечистот, но ее встретил горьковато-свежий аромат диких трав, пучки которых сушились под низкими потолочными балками. И от самой урхунд, как продолжала про себя называть Айлин странную бабку, терпко пахло растертыми в пальцах листьями.

Повинуясь жесту Гримхильды, она села на высокий тяжелый табурет, чуть дрожа страха, любопытства и предвкушения открытия чего-то запретного и доселе неведомого. Пусть она не урхунд, подумалось Айлин, но уж димед — это точно, — обычному незрячему человеку не под силу двигаться столь уверенно, не спотыкаясь, не теряя направление, и даже не опираясь на палку.

На потемневшем от времени столе, прямо перед гостьей старуха разложила по кругу странные предметы — два огарка свечи, разноцветные бусины, невзрачный камушек с дыркой, белесые корешки, птичьи перья, стершуюся монету, соцветия медвяной таволги. Ухватив с земляного пола горсть песка, насыпала его с краю стола. Потом, что-то бормоча, долго рылась среди пыльных бутылей, ни одну не уронив и не разбив. Из широкой банки Гримхильда выудила большую пупырчато-бурую лягушку и посадила ее в середину «круга». Айлин сжала губы, — ей совсем не нравилась противная склизкая жаба, которая смиренно сидела в центре стола, дышала, раздувая бледное пузо, и, похоже, не собиралась никуда упрыгивать.

Лягушка эта, ну прямо как я, — мимолетно подумалось Айлин, — сидит, дура, не шевелится, вместо того чтобы мчаться отсюда со всех лап... Как я...

С худой морщинистой шеи старуха сняла простую цепочку, прячущуюся в глубине ее лохмотьев, и покачала перед лицом девушки сверкающим в полутьме темно-красным камнем, оплетенным железной проволокой, грубость которой лишь подчеркивала его сияющую красоту. — Кровь Змеиных гор, — просипела бабка. Айлин на миг показалось, что в затянутых белесой пленкой глазах урхунд отразились алые вспышки самоцвета, облитого дрожащим светом оплывающей свечи. Драгоценный камень занял скромное место между высохшей когтистой лапкой ящерицы и кучкой мышиных фекалий. Взяв свечу, Гримхильда наклонила ее и капнула горячим воском на голову жабы. — Ищщи!

Издав утробный рев, от которого Айлин чуть не свалилась с табурета, жаба стала послушно прыгать по кругу на столе. На миг она останавливалась у разложенных гадалкой предметов и протяжно редела. Когда лягушка, наконец, уселась на свое место в центре круга, старуха покачала трясущейся головой и уставилась на девушку слепыми глазами. — Не

видать почти ничего... Все окрест тебя кручено-верчено да пеленой затянуто...

Раскачиваясь всем телом взад-вперед, старуха монотонно забубнила:

— То ли жизнь, то ли смерть,

— То ли тьма, то ли свет,

— Чужая мать, чужой отец,

— Чужой муж, пустое чрево...

— Полетишь птицей, поползешь червем...

— Враг страшный в дому обретается...

— Друг верный в крови купается...

Голос старухи стал тише, слова все более неразборчивы, и вот она уже опустила голову, будто заснув, но ее белые глаза не закрылись. Так же внезапно Гримхильда вздрогнула всем телом, и опять вперила слепой взгляд в Айлин.

— Ляж на стол да подыми платье, дева, — приказала бабка, одним взмахом худой руки сметая со стола разложенные на нем предметы. Жаба шлепнулась на пол, и возмущенно рывкнув, тяжело попрыгала за порог.

— Ляж! — повторила старуха, — не бойсь, — старая Хильда тебе обережь нацарапает, — хоть чуть, да охранит, когда нужда придет...

Если бы кто потом спросил прионсу Илайну, почему она послушно и даже без внутреннего ропота выполняла требования урхуд, ей бы не удалось ответить. Но тогда, при колыхании свечей, окруженная запахом огня и диких цветов, ей казалось, что так и должно быть. Она легла на стол и оголила живот, задрав робу и нисколько не стесняясь наготы перед чужой полусумасшедшей старухой.

Узловатыми бурями, как древесная кора, пальцами, та помяла ей кожу на животе, нашарила в корзинке воронье перо и вдруг резко дунула прямо в лицо Айлин, от чего та на миг зажмурилась. А Гримхильда, устремив слепые глаза в потемневшие потолочные балки, принялась что-то царапать пером вокруг ее пупка, глухо бормоча непонятные слова. Было немножко больно и щекотно, хотя старуха довольно сильно вдавливала кончик пера в кожу. — Чуть кровит, — пробурчала она себе под нос, закончив таинственный ритуал. Отойдя к холодному очагу и ухватив горсть золы, втерла ее поверх кровоточащих ранок.

— Подымайся, дева, — мне вздремнуть пора, — проворчала Хильда, и уже не обращая внимания на гостью, побрела к низкой лежанке возле маленького тусклого окошка. Айлин вскочила, осторожно стряхивая с кожи остатки золы и с удивлением разглядывая грубоватый, но красивый орнамент из незнакомых знаков-букв, двойным кольцом охвативший ямку пупка. Ну и как незрячая умудрилась так точно выполнить рисунок, если не владеет ядзу. Без сомнения, старуха — просто сильный димед... Когда Айлин оглянулась на похрапывающую бабку, то невольно остановилась, увидав, что в ее седых спутанных волосах, как в уютном гнездышке устроилась розово-бирюзовая птичка. Осторожно выйдя за порог, Айлин едва не вскрикнула... Из плошки с молоком и размоченным хлебом, которую она чуть не опрокинула, мирно насыщались два огромных ворона, толстый серый кот, уж и три полевые мыши, издавая умиротворяющий писк, карканье, мурчание и шипение...

Гретте она все рассказала в подробностях, с удовольствием выслушивая ее охи и ахи... Все, да не совсем... — умолчав лишь о странных словах Гримхильды, которые та невнятно прошамкала уже в полудреме: — А служанку-хохотушку свою не обижай — недолго ей осталось смеяться...

К самому гаданию Айлин отнеслась не слишком серьезно, — это было жутковато,

любопытно, загадочно, но и только... Однако же, когда старуха неожиданно упомянула Гретту, ей стало тревожно.

— Она что же — захворает? — почему-то шепотом спросила Айлин.

— Не захворает, — тяжело качнула старуха головой, и птичка в «гнезде» качнулась вместе с ней. — Ее здоровую куры заклюют...

\*\*\*

Караван состоял из трех длинных и широких двенадцатиколесных вагонов. Впереди двигался вагон для управителя каравана и охраны, центральный вагон, предназначенный для прионсы, соединялся с первым и последним переходными мостками с ограждением, чтобы никто не свалился под колеса во время движения. Массивная конструкция отличалась подвижностью, легко преодолевала повороты, подъемы и спуски, а многоярусные рессоры и высокие резные колеса с каучуковой обивкой по ободу в несколько слоев оберегали путешественников от малейшей тряски, пронося над ровно уложенными плитами старого тракта и жидкой грязью во время ливней.

Во все эти особенности Илайна вникать не собиралась, — ей было достаточно удобства и красоты ее собственного вагона, изготовленного из прочной и легкой древесины серебряника, изукрашенного снаружи резьбой и чудесными арианскими орнаментами, призванными отгонять злых существей.

Вагоны тянули восемь тягловых, черных как уголь, верблюдов, — широкогрудых, огромных, с длинными, мощными ногами. Их ухоженная с лиловым отливом шерсть горела на солнце. Меж широко расставленными горбами ведущей упряжной пары сидели два погонщика в ярко-алых накидках с капюшонами и черными повязками с узкими прорезями, в которых сверкали белки глаз. В авангарде и позади каравана на боевых верблюдах с шерстью цвета шафрана ехали вооруженные охранники.

Неулыбчивый и преисполненный важности алрас Юцкан — управитель каравана — низко поклонился Илайне, и лично помог преодолеть пять ступенек, ведущих в вагон, поддерживая за локоть. У входа она оглянулась, охватывая взглядом башни цитадели, где она провела последние годы, и на миг ее сердце сжалось — она навсегда покидает воспитательную «тюрьму», а в подвальном леднике остается несчастная принцесса Фрейя, которой уже никогда не суждено порадоваться солнцу и свободе.

Войдя в салон, Илайна глубоко вдохнула тонкий аромат белых цветов, — по сравнению с жаркой духотой снаружи во внутренних покоях царила нежная прохлада, ласкающая горячую кожу. Мягкий полумрак, в котором дрожал золотистый рассеянный свет настенных ламп, давал отдых глазам, утомленных беспощадным арианским солнцем.

— О, мой Синдри, какая роскошь! — воскликнула Гретта, появившись следом за алрасом — как же давно я не видала такой красоты. Когда мы ехали в Сады, почти пять лет назад, в кортеже не было такого великолепия, как здесь, — возбужденно тараторила Гретта, оглядывая салон, состоящий из двух помещений — гостиной и спальни. Илайна лишь беззаботно улыбнулась, молча соглашаясь с ней. Только теперь, войдя в этот маленький райский мирок, она до конца осознала, насколько отвыкла от чудесных дворцовых убранств, вынужденно погрузившись в душную жару, влажный холод и стылые камни, окружавшие ее в последние годы.

— Здесь так свежо и прохладно! — воскликнула Илайна, — как это может быть при такой жаре снаружи?

— Все благодаря умению мастеров Ордена Непорочных, — Юцкан показал на обитую

атласом небольшую коробочку с серебряным резным рычажком, закрепленную на стене, — они работали по заказу великого малхаза, но, конечно же, с благосклонного дозволения Элмеры Милостивой и короля Готфрида. Все — для вашего удобства, Ваше Высочество.

Алрас коротко свистнул, и в дверях появился слуга, ведущий на поводках двух молодых порхов. Юноши, резво передвигавшиеся на четвереньках, были красивы, как живые игрушки. На их лоснящихся от ароматического масла телах, были лишь кожаные фартуки, прикрывающие пах. Поймав удивленный взгляд прионсы, управитель Юцкан скупно объяснил: — Не беспокойтесь, Ваше Высочество. Это не мужчины, — рабов подвергли черной кастрации и полностью удалили половые органы. Но, несмотря на это, евнух Черная Лилия — он ткнул хлыстом в чернокудрого порха с темно-синей кожей, и Жасмин — хлыст указал на кастрата с кожей цвета апельсина и светлыми блестящими локонами, — обучены выполнять любые желания госпожи.

По жесту алраса слуга открепил поводки, и юноши, как собачонки, подбежав к приносе, склонились еще ниже и припали губами к ковру у ее ног. С замешательством глядя на обнаженные ягодички порхов, Илайна отступила назад, чуть наморщив носик. — Оставайтесь у дверей. Если мне что-то понадобится, я скажу.

Юноши, не вставая с четверенок, задом попятились назад к дверям. — Надо же, всего лишь кастраты, а какие хорошенькие, — удивленно приподняла брови Гретта, с интересом разглядывая их тела, — нас-то в Садах одни старые уроды окружали. Да еще и замотанные с ног до головы, как покойники в саван. Видать, хранительница Куниберда не на шутку опасалась, что служанки с голодухи и евнухам рады будут...

Алрас проигнорировал замечание Гретты, лишь раздувшиеся крылья широкого носа выдали его бешенство неподобающе вульгарным поведением простолюдинки, неким чудом, как он считал, попавшей в личные прислужницы будущей властительницы Лаара.

Скинув сафьяновые туфельки, Илайна осмотрела все до мелочей, наслаждаясь возвращением в жизнь, полную неги и удовольствий. Босые ступни утопали в нежном шелковисто-прохладном ворсе ковров, приятно массирующем кожу. В богато украшенном салоне все было продумано, и помещение напоминало коробку конфет, обитую изнутри розово-кремовым шелком. На изящных консолях, закрепленных вдоль стен, стояли широкие блюда с черным и белым виноградом, персиками и желтыми грушами. Мерцая, манили к себе запотевшие графины с холодным вином, и воздушные кремовые пирожные, уложенные рядами на многоярусных серебряных подставках. Струящиеся прозрачные занавеси колыхались от ветерка, а снаружи окна прикрывали от яркого солнца наклонные маркизы.

Алрас Юцкан сообщил юной путешественнице, что в случае опасности, которая вряд ли могла угрожать каравану на земле Ариании, и, тем более, на землях Лаара, на окна снаружи упадут железные ставни, которые не пробьет ни пуля, ни арбалетный болт. Правда, эти скучные сведения Илайна пропустила мимо ушей, умело приняв внимательный и заинтересованный вид, чтобы не обидеть почтенного управителя каравана.

Взяв один из широких бокалов с пышным облаком замороженного крема, усыпанного вишнями, Илайна стала подниматься по ажурной винтовой лестнице, ведущей на крышу вагона. Подхватив опахала, евнухи ринулись следом, но она остановила их: — Оставайтесь. Можете угощаться фруктами и сладостями... Гретта, проследи, чтобы Жасмин и Лилия поели вволю.

Служанка фыркнула, но возразить не решилась. — Ну, ползите, убогие, раз госпожа позволила, — ешьте, да не опрокиньте чего... — ворчливо велела она юношам, проследив,

чтобы Илайна не услышала ее слов. Гретта с невольной грустью ощущала, что ее госпожа вдруг повзрослела, и превратилась из малышки Айлин в настоящую взрослую прионсу, которой не следует перечить.

На крыше вагона к восхищению Илайны была устроена открытая терраса под полупрозрачным пологом. Но и здесь тоже, как и в салоне, было прохладно, а лучи солнца, проходящие сквозь золотистую ткань полога, теряли свой жар, создавая рассеянное нежно-розовое марево. Сидеть высоко, на вольном ветерке, наблюдая за всем вокруг, доставляло невероятное удовольствие. Отсюда открывались неспешно проплывающие мимо потрясающе прекрасные южные пейзажи. Караван двигался и вдоль пустынных равнин, и вдоль покрытых пышной зеленью холмов. Крутые горы, скалистые участки с ущельями и водопадами сменялись пышными густыми лесами. Широкие реки лениво обтекали цветущие острова с белыми храмами, утопающие в темно-зеленых пальмовых зарослях.

Упряжные верблюды легко тянули вагоны по древнему мощеному тракту, убаюкивая ровным, спокойным движением. За неделю из провинции Нибиру, где находились Девичьи сады, они добрались до предгорий, останавливаясь на каретных станциях в лучших гостиницах для высокогородных. Там прионса наслаждалась купанием в прозрачной воде мозаичных бассейнов, массажем и изысканной арианской кухней.

Все было как в чудном сне... Но пока Илайна не увидела угрюмые Сторожевые башни у Змеиных гор, с которых земли предгорья просматривалось на многие мили, она все еще не смела поверить, что едет домой.

Возле подземного тоннеля Драженрисс — Тропы Дракона, как его именовали с древности — проложенного сквозь толщу Змеиных гор, разделявших земли Лаара и Ариании, их уже встречали. Несколько бесконечных часов караван двигался под низкими каменными сводами. Илайна с трудом перетерпела этот переход, считая, что он больше похож на крысиный лаз, а вовсе не на Драконью тропу. Осознание, что над ней нависают многокилометровые слои камня, по-настоящему пугало. Казалось, тяжелые глыбы в любой момент рухнут и раздавят вагоны вместе с людьми и животными, превратив в кровавое месиво... Даже дышать было трудно, казалось, воздух стал густым и тягучим. Гретта тоже сидела потная и бледная, дыша открытым ртом, а кастраты скорчились в углу, обхватив друг друга за плечи. Илайна пыталась что-то сказать, как-то их утешить, но из горла вырывался лишь сиплый шепот. Она никак не могла отвлечься от ощущения, что каменные стены, покрытые глубокими трещинами, сближаются друг с другом и уже совсем скоро — уже через миг — стиснут ее хрупкий вагон-шкатулку...

И только огромные верблюды оставались невозмутимы. Животные явно обрадовались прохладе и успокаивающему рассеянному освещению подземного коридора и, увидев свет в конце подземного «крысиного» лаза, зашагали бодрее.

# Глава 18. Атака

Лаар, провинция Тьерр

На выходе из Драхенрисс кортеж ожидали посланники короля Готфрида и гвардейцы в качестве дополнительной охраны. Поспешно распахнув дверь и быстро спустившись из вагона, не дожидаясь услуг Юцхана, Илайна будто проснулась от удушающего воздействия Тропы дракона. Она глубоко вдохнула свежий горный воздух и просияла, увидев дядю — рэя Олларда — бывшего зятя и по совместительству главного советника короля. Его первая любимая жена, умершая в родах пятнадцать лет назад, была младшей сестрой Готфрида. И хотя советник формально не являлся кровной родней прионсы, он всегда относился к ней, как к дочери. Илайна искренне расстроилась, что за эти годы Свер ан Оллард заметно постарел и похудел, а его густые темные волосы будто припорошил снег. Но в глазах сурового министра отразилось столько тепла, что, пренебрегая этикетом, она бросилась ему навстречу. — Дядюшка, дорогой, как же я рада вас видеть!

Он протянул ей обе руки, и она тут же сжала их. — Ты стала просто красавицей, малышка... прошу простить, Ваше Высочество, — советник с явным удовольствием разглядывал племянницу, — и, хотя это было ожидаемо, ваша прелесть кажется мне несказанно дивной!

Илайна сразу поняла, что рэй Оллард запнулся от неуверенности в том, как именно он должен обращаться к взрослой прионсе — наследнице престола, и она сразу избавила его от сомнений: — Дядюшка, прошу, обращайтесь ко мне на «ты», когда мы наедине, — мне так не хватало тепла все эти годы, — прошептала она, тихо засмеявшись.

— С радостью, дитя мое, — улыбнулся Свер ан Оллард, прикоснувшись губами к ее макушке. Он не отрывал испытующий, мягкий взгляд от ее лица, и его глаза заблестели. — Прости, детка... — что-то я стал слезлив, как дряхлый крокодил, — пробормотал он. — На миг мне показалось, что воскресла моя милая Цецилия — ты стала невероятно похожа на свою тетю — те же огромные глаза, как изумрудная вода в лагуне, сияющие медью волосы... Даже черты лица...

Он проглотил комок в горле. Илайна вспомнила портрет первой жены Олларда, зеленоглазой красавицы с золотисто-рыжими кудрями, — и пожалела, что тетя умерла в родах столь рано, оставив сиротами двух сыновей шести и восьми лет... Если бы тогда выжила новорожденная малютка, то сейчас ей было бы столько же лет, сколько Илайне, и, наверняка, кузины-ровесницы стали бы лучшими подружками. Если бы...

— Как отец, матушка? Мой брат? Он не женился?

— Не дождётся тебя, Илайна... — Советник расправил плечи и с улыбкой торжественно сообщил: — Докладываю, Ваше Высочество, — король Готфрид находится в предвкушении порадовать свою любимицу балами, турнирами, празднествами, нарядами и драгоценными безделушками, столь милыми женскому сердцу. А королева Элмера, обычно такая выдержанная и спокойная, просто вся извелась от нетерпения увидеть вас... Что же касается вашего брата, то Лизард до сих пор не женился, и, похоже, не собирается...

\*\*\*

Караван быстро двигался по широкому Южному тракту через провинцию Тьерр мимо цепи невысоких лесистых кряжей, за которым простирались окутанные желтым туманом Ржавые болота. Ветра не было, солнце село, и языки тумана, добираясь до тракта, придавали

сумеречному свету за окнами таинственную призрачность.

— Я ведь здешняя, с Манчака, что к северу от болот... — таинственным шепотом сообщила Гретта, наклонившись к Илайне. — У нас сказывали, будто в Ржавых топях тоже живут... только не люди...

— Конечно, не люди, — прионсе было не страшно, а весело, — в болотах, насколько я знаю, обитают лягушки, цапли, жабки, ну и змеи, наверно, водятся...

— Да, нет, вашвысочество, не смейтесь, — отмахнулась служанка, — вовсе не жабки... а склизкие монстры, что растут в болотной жиже. Прозываются они — сосуны. На башке у них на длинных отростках торчат три глаза, которые шевелятся над водой и выглядывают добычу. И как только увидит такая монстра путника заблудшего, она кааак пасть свою огромную разинет, а из нее кааак выскочит длинный мокрый язык да и развернется аж... — она задумалась, подбирая пример, — ну вот, как от нас до тех «мороков». — Гретта показала на старые дуплистые дубы, с ветвей которых свисали длинные белесые космы мха, похожие на колышущиеся лохмотья. Илайна кивнула, сдержав улыбку, а доверчивые кастраты выкатили от страха глаза.

— Он, язык-то, когда сосун дремлет в болоте, во рту клубком свернут, — продолжала свой рассказ Гретта. — Так вот — этим самым шершавым языком он хватать беднягу, как муху, или комара, и прямо в рот свой поганый затаскивает...

— Гретта, — засмеялась Илайна, — да какого же размера рот должен быть, чтобы человек туда влез, сама подумай...

— А у сосуна пасть, как у змеи растягивается, — с торжеством поведала служанка, — вы сами, вашвысочество, не видели никогда, — вот и смеетесь. А мне об этом еще прадед рассказывал, — с упоением продолжала она свою историю, наслаждаясь страхом рабов. — А его челюсти... — да вот так прямо и раскрываются, — она показала на большой сундук с откинутой крышкой, и Жасмин, что сидел возле сундука, испуганно отпрянул в сторону. Гретта засмеялась, блестя белыми зубами, очень довольная произведенным на порхов впечатлением.

— А в пасти огромные зубы, — пощелкала зубками Илайна и, дразня служанку, высунула язык.

— А вот и нет, — с превосходством заявила Гретта, — вы, вашвысочество, небось про поцелуй сосуна и не слышали? — спросила она и замолчала, нагоняя жути.

— Ладно, ладно, рассказывай.... — Илайне действительно стало интересно, что на этот раз напридумывает неугомонная Гретта. Фантазия у той была неистошима. Евнухи вытянули шеи, чтобы не пропустить ни слова.

— Им зубов и не надобно вовсе. Они как человека языком своим длинным шершавым выдернут, так его голову челюстями своими схватывают и начинают сосать да причмокивать. Так сосать, что с костей все мясо слазит. А бедолага, говорят, прям во рту у монстры вопит, жуть как вопит! Раз, сказывали, разбойники какие-то сумели чудище убить и мужика за ноги из пасти вытянуть. Так у него на черепе одни отрепья кожи остались, даже глаза были высосаны — монстра их очень любит...

— Хватит, Гретта, — Илайна поморщилась, не желая слышать противные подробности, — ты вон насмерть мальчиков перепугала. — Ей стало неприятно, а перепуганные порхи, и правда, сидели с открытыми ртами, прижавшись друг к другу.

— Идите, возьмите сладости, — подозвала она евнухов, — Гретта, ты своими сказками застращаешь всех слуг и охранников! И что мы будем делать, скажи на милость, если вдруг

на нас и правда кто-нибудь нападет? Все стражники и даже верблюды, будут трястись, как мыши, напуганные твоими ужасами.

Жасмин и Лилия подползли к столику с пирожными и фруктами и стали торопливо набивать рты, словно опасаясь, что хозяйка вдруг передумает. Гретта брезгливо смотрела на юношей. — Как это вы, вашвысочество, так душевно с порхами обращаетесь? Не пойму я вас, хоть сто лет знаю...

— И правда — сто лет, — согласилась Илайна. — Только не думаю, что отдать ненужные мне сладости имеет хоть какое-то отношение к душевности, — голос ее стал холодноватым, но служанка не обратила на это никакого внимания. За прошедшие годы Гретта стала очень близка своей госпоже, и ей позволялось гораздо больше, чем даже высокородным фрейлинам, окружавшим маленькую прионсу в Розаарде.

— Вы их видите, — ну порхов этих. Все возитесь с ними... А никто другой из господ их даже не замечает, а уж тем более кастратов. Они же навроде скота, только говорящего... — рассуждала Гретта. — У нас в Манчаке на полях почти сотня клейменных порхов работает, так их строго держат — в хлеву, и едят они, как свиньи — из корыта...

— Превратить человека в животное угрозами и болью очень даже легко. — Чуть подавшись вперед, Илайна заглянула в круглые голубые глаза служанки. — Но, Гретта, разве можно быть уверенным, что... с тобой или со мной такое не случится?

— Уж в этом-то я уверена, — служанка повела полными плечами, — я дева свободная, — она горделиво выпятила упругую грудь и поправила белоснежный чепец, украшенный тремя рядами кружевных оборок.

— Мне бы твою уверенность, — странным голосом произнесла Илайна, и Гретта уставилась на нее с недоумением.

— Синдри Жизнедатель! — да что ж вы такое говорите-то, вашвысочество?! — запричитала служанка, и ее щеки и грудь покраснели от негодования. — И вообще, что-то скоро вы позабыли, как евнухи в Садах скалились, когда вы ихние уборные от дерьма отмывали? Им же, уродцам поганым, все ваши мучения, да унижения только в радость были...

Илайна невольно поджала пальцы на ногах, — она очень хорошо помнила боль от розог, которыми ее хлестали по нежной коже ступней за отказ мыть полы, приучая терпеть наказание без слез и воплей. В голове раздался сухой монотонный голос наставницы Морны: «Будущая королева должна сохранять достоинство в любой ситуации». «Ну, конечно», — мысленно ответила ей Илайна, — «даже отскабливая пол от грязи».

— Во-первых, Гретта, — начала она, неожиданно для себя самой копируя нравоучительные интонации Морны, — в Садах служили взрослые или старые кастраты, обученные обращаться с воспитанницами без особого почтения. Как я понимаю, это делалось специально — чтобы приучить нас к смирению, и одновременно — привить ненависть и презрение ко всем порхам. А эти мальчишки? Они же ни в чем не виноваты. Их детьми вырвали из рук матерей и изуродовали, заставляя пресмыкаться перед хозяевами.

Лилия неожиданно наклонилась и потеряла щекой о ее голую ступню, щекоча кожу темными шелковистыми кудрями, а Жасмин стал лизать ей пальцы. Вздогнув, Илайна отдернула ножку, — ей стало стыдно, противно, ей хотелось завизжать и даже ударить рабов... Но увидев благодарные глаза Лилии и Жасмин, она подавила раздражение и удержалась от того, чтобы грубо оттолкнуть их. — Не надо так делать, — строго сказала она, — никогда!

Из секретных девичьих разговоров Илайна давно узнала, что в Ариании красивых кастратов учат ублажать знатных дам разными способами, и эти сведения вызывали у нее одновременно и жгучий интерес, и брезгливость. Похоже, и к ней привели этих молодых евнухов, чтобы, не опасаясь за свою девственность, она могла получать телесное наслаждение от умелых ласк дрессированных порхов. Фуу — скривила губы прионса, поняв вдруг, что брезгливость она испытывает к самой себе... Слава Жизнедателю, что у дам-ноблесс в прекрасном Лааре нет таких омерзительных пристрастий...

\*\*\*

Все произошло столь стремительно, что поначалу Илайна даже не успела испугаться.

Ббббах! Удар! Казалось, — ствол дерева или огромный валун свалился на крышу вагона, заставив его содрогнуться... хотя как это могло случиться — ведь скальные каменистые осыпи и лесистые холмы тянулись на расстоянии от тракта. Гретта едва удержалась на ногах, ухватившись за лестничные перила, порхи шлепнулись на животы, Илайна вцепилась в подлокотники кресла, лихорадочно пытаюсь сообразить, что происходит. Первая мысль «упало дерево... камень» — сразу погасла, когда второй удар потряс крышу, и сверху раздался скрежет.

Оцепенев, она с ужасом смотрела на потолок — деревянная обшивка с треском лопнула, и сломанные доски, как бумагу, разодрали атласную обивку салона. Из проломанного отверстия внутрь хлынул красноватый свет заката. Гретта визжала, как резаная, сидя на полу в ворохе пышных юбок.

Крракк! — неведомая сила вырвала часть обшивки полностью, и сверху — через открывшийся пролом с режущим уши клекотом спрыгнула... огромная птица. Пол затрепал, вагон качнуло. Перед Илайной тяжело ворочал туловом Рух — четырехглазый мифический птицевзверь Умшигтайских равнин, которого до этого она видела только на картинках... С широко раскрытыми глазами она замерла в кресле, не в силах ни кричать, ни двигаться...

На фоне темно-бурой шерсти птицы выделялась мощная шея с жирными складками чешуйчатой синевато-розовой кожи. По бокам безобразной головы выпирали два красных с узким зрачком глаза, еще два — смотрели вперед, как у хищного зверя. Ища взглядом добычу, Рух алчно раскрывал огромный клюв с трепещущим черным языком. Передняя пара глаз вперилась в скулящего от страха Лилию, и птица издала удовлетворенный клекот. Огромная, желтая, похожая на куриную, когтистая лапа поднялась и резко опустилась, молниеносно разорвав шею юноши. По салону потек густой запах крови, бьющей фонтаном из шеи хрипящего евнуха.

Рух сделал шаг и вторым ударом тяжелого клюва пробил темя визжащей Гретте, тут же рухнувшей на мокрый от крови ковер. Впившись одной лапой в содрогающееся тело еще живой девушки, птицевзверь стал раздирать его когтями и клювом. Тварь заглатывала куски вырванного вместе с клочьями одежды мяса, двигая мускулистой шеей и издавая утробные звуки насыщения. Затем резко дернул шеей...

Илайна услышала влажный хруст. Онемев от потрясения, она будто впала в транс. Оторванная голова Гретты, зажатая в клюве руха, смотрела на нее выкатившимся голубым глазом. На месте другого зияла кровавая дыра. Из разинутого рта служанки вывалился синий язык, а кровь из обрубка шеи толчками стекала по складчатой шее птицы, пропадая в густой грязной шерсти. С омерзительным треском Рух раздавил в клюве голову служанки. Череп лопнул как орех, и лицо трупа жутко перекошилось. Словно в кошмарном сне Илайна наблюдала за тем, как расплюснутая голова Гретты продвигается вглубь пасти и исчезает в

пищевоме птицевзверя, уродливо вздувая его шею, похожую на тулово обожравшегося питона.

Проглотив раздавленную голову, рух резко изогнул жирно-жилистую шею в сторону Илайны, нацеливаясь на свежую добычу. Из клюва хищной «курицы» свисали похожие на кровавое мочало светлые волосы Гретты и кружевная лента ее чепца.

Качнувшись, Рух в один шаг оказался рядом с Илайной. В нос ударил запах тухлятины, вызвав приступ тошноты. Она перестала дышать. Кровь билась в висках, а сердце стучало так быстро, что казалось, еще немного, и оно пробьет грудь. Безобразная голова придвинулась ближе, и красные глаза, обрамленные бородавчатыми наростами, не мигая, уставились на жертву. Казалось, Рух ждет, когда добыча начнет кричать... Из приоткрытого клюва высунулся черный язык, с которого свисала красная слизь, и тут Илайна почувствовала острое жжение в груди... Воздух! Она больше не выдержит!

Девушка судорожно вдохнула, и птицевзверь издал довольное утробное урчание, от которого ее сердце чуть не выскочило в горло. Уши заложило, время остановилось.

Дикий вопль прорезал глухую тишину. Выскочивший из-за ширмы Жасмин, прыгнул на стол, с него, как кошка, взлетел на спину Руха, обхватив его тулово ногами и вцепившись в шею у основания уродливой головы. Юный евнух с силой вонзил в боковой глаз птицевзверя маленький фруктовый нож, раз за разом вгоняя внутрь лопнувшего месива крошечное лезвие. Крутя башкой, Рух издал свирепый клекот, и, пытаясь сбросить порха, приподнял огромные крылья, сшибая ими светильники, картины, посуду, и яростно принялся бить лапами столики, кресла, разрывая когтями атласную обивку стен. Острая шпора на лапе вонзилась в мягкое нутро кресла, пролетев мимо виска Илайны. Она соскользнула на пол, чтобы спрятаться за диван, но, неловко качнувшись, ударилась головой об угол стола. Сквозь надвигающуюся муть она видела, как страшная куриная лапа поднялась и, сорвав евуха с шеи, швырнула его в грудку обломков. С торчащим из глазницы ножом Рух замер, плотоядно урча и вновь нашаривая взглядом жертву...

\*\*\*

Из пяти рухов, атаковавших караван, охранники смогли расправиться только с тремя, и за это время хищные птицы успели растерзать больше трети группы сопровождения. Сидя на траве, с ног до головы заляпанная кровью служанки и погибшего евуха, Илайна не шевелилась, тупо уставившись перед собой. В ушах звенело, она не слышала ничего из того, что ей говорили. Перед глазами маячило изуродованное лицо Гретты с голубым глазом. И только, когда рэй Оллард заставил ее хлебнуть жгучего сладковато-горького напитка, она закашлялась и начала осознавать окружающее. На бинтах, охватывающих голову советника, виднелись пятна крови, загорелая кожа побледнела.

— Что, что с вами, дядя?

— Ерунда, моя дорогая, — я не боец, и всего лишь ударился о край рамы, ты можешь встать?

«Дядюшка лжет, — он вовсе не ударялся о раму...» — мелькнула мысль. Ее трясло, но она приходила в себя. Почувствовала, что за ухом дергает болью, — нащупала большую шишку. «Для меня этот ужас закончился лишь шишкой на голове... а милая Гретта... несчастный Лилия... храбрый Жасмин...». Истерика подступила к ней вплотную, но перед глазами возник унылый образ наставницы Морны с сурово сжатыми губами, и она почувствовала, что стала дышать спокойнее. Опершись на руку советника, Илайна поднялась на ватных ногах и оглядела поле боя вокруг каравана.

— Жасмин... — где он, где, дядя?

— Какой жасмин? Она что — бредит?! — Свер ан Оллард с тревогой обернулся к алрасу.

— Нет-нет, минрэй, — поспешил успокоить его Юцкан, — ее высочество спрашивает о внуче, который пытался ее защитить от руха.

Твердые губы советника тронула слабая улыбка. — Твой порх жив, детка, и думаю, будет жить дальше, — успокоил ее рэй, охватывая плечи племянницы, и пытаюсь отвести к неповрежденным вагонам. Несмотря на внешнюю сдержанность, ан Оллард пребывал в состоянии бешенства и унижительной растерянности, что происходило с ним очень редко. В сердце Лаара — обители покоя и процветания — произошло покушение на престолонаследницу! Это казалось немыслимым, невозможным! А то, что целью была именно прионса, советник не сомневался ни секунды. Один из рухов атаковал и его карету, но лишь опрокинул ее, на лету убив несколько охранников... Однако птицезверь даже не пытался добить его...

Советника раздирала злость и досада, что, валяясь без сознания, он не имел возможности ни вступить в бой, ни помочь племяннице, ни даже наблюдать за воздушной атакой. Тем временем, прионса мягко, но решительно освободилась от успокаивающих объятий дяди. Без церемоний оттолкнула юношу-пажа, смотревшего на нее, приоткрыв рот, и, обходя разодранные трупы, направилась к туше руха, вокруг которой сгрудились стражи-арианцы и сопровождавшие Олларда королевские гвардейцы.

Страшная отрубленная голова птицезверя, казалось, все еще сверлила Илайну передними, затянутыми пленкой, глазами. В боковых глазницах торчали длинные арбалетные болты. Перерубленная шея желтела срезами массивных позвонков, заляпанных кровавыми волокнами плоти и жил.

— Докладывайте! — приказал советник начальнику лаарской охраны. Тот торопливо начал объяснять:

— Группу из пяти птиц вел ичан — «ведущий Рухов», минрэй. Мы с трудом завалили лишь трех. Пуль и коротких болтов рухи почти не замечают — посмотрите, минрэй, их шерсть очень густая, многослойная. Кожа толстая, под ней — очень плотная жировая прослойка — в ней все вязнет. Сердце и печенька также прикрыты жиром и мощными мышцами груди и брюхе. Но летучая скотина сдохнет, если пробить пару ее глаз, достав до мозга.

— И что? — нетерпеливо спросил Свер ан Оллард, — в Ариании и Лааре настолько хилые стрелки?

— Нет, минрэй, — смутился офицер, — просто мозг у рухов тоже защищен жировым слоем, а еще эти летающие куры весьма увертливы, несмотря на размеры, и потому поразить глаза сложно... но...

Офицер был перевозбужден, и, по-видимому, больше опасался не рухов, а гнева королевского советника. Однако Олларду хватало здравого смысла понять, что упрекать гвардейцев и арианских воинов было бы несправедливо — предусмотреть подобную атаку не сумел ни он сам, ни король Готфрид, ни служба безопасности.

— И как только они летают — эти шкафы? — пробормотал себе под нос офицер.

— Как-как, да не иначе как с помощью гнилого шаманства проклятых умшигтаев! — вмешавшись в разговор лаарцев, гневно воскликнул алрас. Рэй Оллард не возразил ему, но и не поделился своими соображениями, внимательно рассматривая внутренности разрубленной птицы. До сего дня советник видел лишь подрастающих птенцов рухов

величиной с десятилетнего ребенка... Их дрессурой последние два года с азартом занимался прионс Лизард, естественно, в защищенных вольерах и под неусыпной охраной жрецов. Белый Принц обожал охоту, экзотических животных и даже для верховой езды чаще использовал не жеребца, а огромного тсаккура, служившего ему, подобно верному псу.

— И как же ваши люди справились еще с двумя... курами? — спросил советник.

— Врагов у руха нет, — ответил управитель каравана, перехватив инициативу у лаарского офицера. — Но, хоть мозги прикрыты толстыми костями черепа, темя ему пробить можно, там кость тоньше, слабее... — ведь нападать на птицу сверху просто некому... И вот именно это обстоятельство и помогло спасти ее высочество. — Алрас низко поклонился прионсе, невозмутимой и бледной, стоящей в окровавленном платье рядом с тушей птицы и не сводя с нее широко раскрытых зеленых глаз.

...Курица, всего лишь большая боевая курица, только с крыльями... — Ничего страшного, — уговаривала себя Илайна. Она десятки раз ошипывала и потрошила кур на огромной кухне, когда их учили стряпать, как простолюдинок. Просто те, настоящие куры были меньше... и глаз у них было всего два... Но ничего страшного, — если забыть, что эта громадная четырехглазая курица насмерть заклевала Гретту... как и говорила старуха Гримхильда...

— Рух стоял прямо под проломленной крышей вагона — готовился напасть, но хвала Жизнедателю, — воины стреляли прямо с крыши в упор и вбили ему в макушку сразу несколько пуль и длинных болтов. Успели разворотить ему мозги... Правду сказать, зверь уже подранен был — мальчишка-порх ему глаз раскучрил...

Оллард кивнул, вскользь отмечая, что следует щедро наградить спасителей королевской дочери.

— А те вот уроды, минрэй, — внедрился в разговор Юцкан, кивнув на дохлых птиц, лежащих подальше, — даже на земле крутились, как бешеные — били когтями, клювами... Глаза то у них, что спереди, что по бокам — все вокруг видят. Шея высоко сидит — пешему с земли трудно достать, даже если ближе подобраться. Ранены пятнадцать человек, семь разорваны в клочья. Два верблюда да четыре жеребца погибли...

— Как справились? — Оллард задавал короткие вопросы, ожидая полных, но четких ответов.

— Наши воины, арианцы, — подчеркнул алрас значимость вклада в победу своих солдат, — атаковали рухов на боевых верблюдах с двух сторон, чтоб сбить их с толку. Бросали болас — одному зацепили шею, двум другим сумели опутать лапы. Одновременно использовали и болты, и копья, и огневое оружие. Это вынудило подранков опуститься на землю, а уже там по их шеям наискось прошли боевыми косами... А шея будто деревянная — на вид голая, да вся в жесткой плотной чешуе...

— Вот именно, — согласился с ним офицер лаарских гвардейцев, — и потому, если нохой догадаются прикрыть шеи рухов кольчугой, а голову чем-то навроде шлема, — убить птиц будет очень трудно...

— Трудно, но вполне возможно, если Энрадд согласится поставлять нам новые, а не устаревшие модели огневого оружия, — отрезал Оллард.

Слушая подчиненных, он не переставал прокручивать в голове возможные причины нападения на прионсу. Кто стоял за этим покушением на жизнь племянницы. Умшигтайцы? Смешно. Племена Умшигтая, включая нохой, которые умели дрессировать рухов, боготворили властительниц Лаара с древности, и, как божеству, поклонялись Элмере. Кроме

того, уже много лет боевые группы рухов под управлением ичанов использовались для тайных военных и разведывательных операций самого Лаара. И весьма успешно, особенно в связке с жрецами, которые держали под контролем племена Умшигтая. Нохой служили преданно, как и прочие обитатели равнин. У них нет и быть не может причин для кровавой атаки. У них нет воли против древней силы Элмеры Милостивой.

Советник подошел к изломанной фигуре наездника-ичана, толчком ноги перевернул тело на спину и поморщился. Ведущий Рухов был жив и тяжело дышал. Под ключицей торчал арбалетный болт. По изуродованному лицу нельзя было определить, к какому именно племени относится злоумышленник. Губы и нос были срезаны, и вверх смотрели черные дыры ноздрей и щерящийся рот.

Илайна, упрямо сопровождавшая дядю, отвернулась, не в силах вынести вид еще одного изуродованного лица. Она не понимала, как можно одновременно испытывать к врагу и гнев, и отвращение, и жалость, но это было именно так. Управитель каравана наклонился к раненому, сорвал с поясного ремня маленький костяной кинжал в виде короткого острого шипа и покрутил его в пальцах.

— Слышал я об ичанах, — он кивнул на стонущего пленника, — что при пленении они выкалывают себе глаза, чтобы даже с помощью ядзу нельзя было выведать их секреты, увиденные сверху города и тракты, а главное — лица тех, кто отдавал им приказы. Может, это лишь их суеверия, но мы на всякий случай все же перебили этому скоту пальцы на руках, минрэй, и теперь он не сможет выколоть себе глаза...

— Отлично, — кивнул Оллард. — Пусть с ним разбираются Жрецы. Дознаватели выдают из него все, что смогут. Преступник должен остаться живым, а его глаза — неповрежденными. На всякий случай... — Он со значением посмотрел на врачевателя, который степенно поклонился и раскрыл лекарский короб.

Пытаясь успокоиться, Илайна смотрела вдаль — где в сгущающихся сумерках еще виднелись хребты Змеиных гор, но услышав отвратительный булькающий звук, невольно обернулась: ичан хрипел, глядя прямо на нее, а из его раззявленного рта хлестала кровь. Она не могла отвернуться, — ее будто парализовало. Хрипящий ичан оскалил в жуткой улыбке окровавленные черные зубы, и вдруг с силой харкнул в ее сторону. На подол шелкового платья шлепнулся кровавый кусок мяса. Юный паж, до этого державшийся довольно стойко, не выдержал, и бросился прочь, содрогаясь всем телом и давая рвотные позывы.

— Ичан откусил себе язык! Он сейчас сдохнет — останови кровь! — яростно вопил алрас, тряся перепуганного врачевателя, который не знал, что делать.

С досадой поморщившись при виде исходящего кровью ичана, Свер ан Оллард продолжил размышлять: Так кто же мог направить нохой против дочери властительницы Лаара? Арианская принцесса Фрейя отравлена в цитадели, прионсу Лаара пытались убить по дороге домой... Неужели мудрейший малхаз Мгер-Камари решил, что это Лаар устранил его дочь Фрейю и приказал подкупить, или обмануть, или умело подставить племя нохой... Абсурд. Во-первых, племена Умшигтая, и особенно нохой — враги Ариании. Во-вторых, у нас ровные плодотворные отношения с малхазом... В-третьих, королю Готфриду не нужна смерть малолетней дочери Мгер-Камари. В-четвертых, даже если бы это покушение было задумано Готфридом, то Илайну заранее вывезли бы из Садов, не подвергая ни малейшему риску... И малхаз должен был это сразу понять. Убивать дитя одного правителя, когда дитя второго находится в заложниках у первого, — невероятная и невозможная глупость.

Ну, а в-пятых... — завершил мысль советник, — я бы об этом знал...

И вот тут нить терялась. «Кому выгодна смерть обеих принцесс? Или за двумя покушениями стоят разные силы?» Пробитая голова заболела еще сильнее.

\*\*\*

Жасмин оказался не только смел, но и живуч. Его раны умело обработали, обрив голову справа, и теперь, перебинтованный, со слипшимися от грязи и крови кудрями слева, он пытался сопровождать госпожу, как и прежде, перемещаясь по-собачьи. Илайна присела перед ним на корточки и серьезно сказала, глядя в большие вишневые глаза евнуха: — Ты спас наследницу престола, Жасмин, и заслуживаешь награду — с этой минуты ты больше не порх, а свободный подданный Лаара, что будет подтверждено записью в Королевской Книге Учета. Ты настоящий герой, и я запрещаю тебе бегать за мной на четвереньках, понял? Пока не поправишься — лежи и объедайся вкусностями. А дальше... дальше мы с тобой решим, что делать...

# Глава 19. Золотая рыбка или мертвые в карты не играют

За полгода выматывающих дрессировок из сотни порхов в двух Загонах уцелело меньше семи десятков. Девять парней погибли, утонув или свернув шеи, одного, после пыток, посадили на кол за нападение на воспитателя, еще двоих — за попытку самоубийства. Их трупы Шило тут же отправил на разделку в Харчевню. Туда же — в холодную сырую мглу — отослали и семерых покалеченных, — до конца жизни им предстояло заниматься кормежкой морских тварей.

Полтора десятка порхов, которых сочли непригодными для Игр, но здоровых и крепких, способных тяжело и много работать, загнали в огромные подземные помещения под Аквариумом. Это была сложная система связанных между собой технических помещений и сооружений, где в вечном полумраке, под скрежет подъемников, движущихся рычагов, балок, лебедок, рабы крутили зубчатые колеса, приводя в движение механизмы подъема и вращения конструкций, которые использовали в ходе представлений. Те, кто попадали туда, никогда больше не видели неба. Порой молодые рабы умирали быстро, раздавленные шестернями, задушенные ременными передачами, разрезанные рейками, или медленно — года через три-четыре — замороженные непосильным трудом в жаркой духоте и сырости.

Однако самым страшным Бренн считал кастрацию четверых парней, которых Хис Яппар с дозволения Тухлого Краба объявил неуклюжим дерьмом. Экзекуцию проводили на Скотном дворе, на глазах у всех — для наглядности и устрашения. И через пару недель свежие сучьи жопы уже сидели в уборных, готовые удовлетворять половые нужды бывших товарищей... Пару раз Шило пытался убедить сургача, что на Игре девяносто девятый будет выглядеть недоростком среди рослых живцов, но Хряц равнодушно отмахнулся, скупое пояснив, что мелкий свежак показывает неплохие результаты на дрессуре и вполне впишется в группу. «Да ты прям хренов везунчик, сказали бы мне работающие жопой парни... бывшие парни...» — горько думал Бренн, смазывая ссадины на локтях. От тоски и безысходности сводило скулы.

\*\*\*

Завтра Игры. Он готов? Яджу копилась несколько недель и рвалась наружу, разливаясь по жилам. Лежа на холодных каменных плитах, подставив лицо под водопад лучей из светового колодца, Бренн множество раз прокручивал в голове вчерашний разговор с наставником, и в груди то затухал, то вновь разгорался робкий свет надежды. Когда после дрессировки их вели в Загон, сургач неожиданно остановил его, шлепнув рукояткой кнута по плечу, и лениво спросил:

— Ходят слухи, девяносто девятый, что в Казаросса тебя приволок Зигор Болли? Это так, порх?

— Да, господин наставник, — ответил Бренн, не поднимая глаз, ведь порх имел право смотреть на хозяина лишь с его разрешения. Уже в первые недели пребывания в загоне стало предельно ясно, что у него есть гребаный выбор: или ему придется смирить самолюбие и засунуть его поглубже в задницу, или же сдохнуть вместе со своей гордостью. Микко неумело пытался помочь, говоря, что Бренну особенно тяжело, потому что он очень хорошо помнит свою свободу и не ощущает себя хозяйской дрессированной крысой, как он — Микко и остальные свежаки в загоне, ведь они или родились порхами или стали ими еще в

детстве. Бренн мучился от унижения и стыда за себя самого, но выбрал первое. Смирился, терпел, потому что жадно хотел жить, ведь пока жив — тебе в любой момент может выпасть козырная карта... А вот мертвые в карты не играют...

Но к чему это Акулий Хрящ вдруг заинтересовался Вислоусым скорпом и тем, как именно Бренн попал в Казаросса?

— Подыми глаза, порх. — Сургач с прищуром разглядывал его, будто оценивал поновой, прикидывая и рассчитывая... Бренн посмотрел в изукрашенное татуировками лицо Ригана. — Старайся на Игре, порх, крепко старайся. Ты неплохо справляешься, и если выживешь, то очень скоро можешь оказаться у своей наковальни...

Бренн замер, не веря сказанному. Сургач издевается?

— Что глазами мыргаешь? — усмехнулся дрессировщик. — Радуйся, что я не поленился сообщить твоему опекуну о том, где нынче обретается его приемыш. А он сумел уговорить меня, что, если ты, по прихоти богов, вдруг останешься цел, я, скажем так, — не помешаю тебе сдернуть отсюда...

Бренн потрясенно молчал. Хрящ узнал, что он на самом деле свободный подданный, которого умыкнул Вислоусый, и решил помочь? С чего бы вдруг? Понятно, что не по доброте душевной. Похоже, Риган не прочь поиметь дополнительный навар при удобном случае, сообщая родне за немалую мзду, куда девался их сын или дочь. То, что деньги Морай пообещал большие, Бренн не сомневался. Преуспевающий сургач никогда бы не озаботился судьбой порха и не рисковал своим положением, если бы дело не пахло хорошим прибытком. Очень хорошим.

Но это все неважно. Важно одно — поставленная полгода назад цель «выжить» стала вдруг достигаемой. Шанс мизерный, но если сургач действительно сумеет помочь... Только вот что ему мешало сделать это раньше, до Игры живцов? Или он узнал о его судьбе недавно? Случайно... Может, Шило проболтался, или скорп...

— Я буду стараться, господин, — ответил Бренн, сдерживая дрожь в голосе, — я буду стараться.

\*\*\*

Накануне Игры участвующим в ней свежакам, позволили отдыхать весь день, обильно кормили и даже выдали по кружке неплохого эля. Загон то бурлил от возбужденных разговоров о завтрашнем дне, то погружался в мрачное напряженное молчание. Слишком близко к молодым порхам подобралась смерть. Микко лежал весь день, уткнувшись в тюфяк, и только мычал, когда Бренн дотрагивался до его плеча, неловко пытаясь ободрить приятеля. Коста, как ни странно, снова крутился вокруг Гайра, постоянно обращаясь к нему, а когда тот раздраженно отмахивался, шел в уборную сбрасывать напряжение на кастратах, один из которых раньше был его соседом по лежаку.

К ночи в загоне стало особенно тихо, потому скрежет двери и низкий голос сургача, эхом разнесшийся по подвалу, заставил вздрогнуть. — Девяносто девятый! Рысью!

Бренн поспешил, ловя на себе удивленные взгляды, и вышел следом за наставником. На одной из площадок у лестничного спуска Джерг Риган остановился, и у Бренна перехватило горло. Он узнал эту сырую замшелую лестницу — она вела в Харчевню!

— Ну что, порх, подготовился к Игре? — Хрящ скрестил на груди мускулистые, черные от татуировок, руки, глядя на Бренна, как на забавного зверька.

— Да, господин, — чуть замедлившись, ответил он.

— Правила слегка изменились, девяносто девятый. Если уцелеешь, то после Игры тебе

придется еще немного попотеть.

Что за хрень? Сердце заколотилось от нехорошего предчувствия. Бренн приподнял голову, остановив взгляд на груди наставника, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не задать вопрос, — раз Джерг Риган притащил его сюда, потратив свое драгоценное время, значит, сам все расскажет. Чуть растягивая слова, дрессировщик равнодушно сообщил: — Господин Нут ан Хурц по неизвестной мне причине очень сильно желает, чтобы ты, порх, если по недоразумению выберешься из Игры без потерь, — повозился под водой с иглозубым сквидом из Абиссая, которого привезли пару дней назад. Как тебе такое развлечение, порх?

Во рту пересохло, — наставник шутит?

— И самое веселое, что у тебя есть лишь несколько часов, чтобы подготовиться к этому развлечению, порх...

Бренн почувствовал, что желудок скрутился узлом. Пытался что-то спросить и закашлялся.

— Чего давишься?

— За что, господин? — сумел просипеть Бренн, и, оторвав взгляд от грязных досок, взглянул на сургача, нарушив запрет не смотреть в глаза господину. — Ведь раньше сразу после Игры уцелевших живцов никогда не посылали в бой? Тем более, подводный... И почему я? — Вопросы посыпались неудержимым потоком, — Бренн уже не мог сдерживаться. Ведь то, о чем говорил дрессировщик означало лишь одно — до побега дожить не получится...

— Не лишка ли ты вопросов накидал, девяносто девятый? — Джерг Риган окатил его недобрый взглядом. И Бренн ощущал его досаду — похоже, тот всерьез злился. Наверное из-за того, что может потерять деньги, которые ему обещал Морай. И похоже, что сургач сам не ожидал подобного расклада...

— Готов сожрать протухшую медузу на то, что ты кому-то шибко насолил, порх, пока беззаботно жил под крылышком опекуна. Так шибко, что теперь просто обязан сдохнуть, — раздраженно бросил ему Риган, подтвердив догадки Бренна. Сургач помолчал и продолжил допрос: — И кого же, мне любопытно, так достал жалкий ученик кузнеца? Отвечай, порх!

Бренн мотнул головой, хрипло шепча: — Не знаю, господин...

— Ты что — от страха уже не соображаешь или врешь мне?

— Я не знаю, — повторил Бренн. — Но если я кому-то и помешал, то не понимаю — с чего это избавиться от меня решили только сейчас и именно так? Господин ан Хурц мог бы просто приказать свернуть мне шею... если кто-то... попросил его о такой ничтожной услуге... К чему эта возня с абиссайской тварью?

— А ты не совсем безнадежен, порх. Похоже, хозяина и правда кто-то попросил... и похоже, это произошло накануне, раз я получил приказ лишь сейчас, — Хрящ издал странный горловой звук, похожий на смех. — Но Краба, как это часто случается, «задушила жаба», и он уверен, что ты сдохнешь в любом случае — или на Игре, или, — если вдруг тебе сказочно повезет, — на языке сквида. Днем раньше, днем позже — для него значения не имеет. Так или иначе он получит свое...

Помолчав, Джерг Риган добавил: — Однако ж благодаря «жабе» ан Хурца у тебя есть шанс, порх. Крошечный. Но есть. — Акулий Хрящ толкнул Бренна рукоятью плети в сторону лестницы. — Теперь вниз — в Харчевню. Знакомиться. Ты посмотришь на свою золотую рыбку, она посмотрит на тебя, — Хрящ приподнял бровь и наигранной веселостью закончил, — а я посмотрю на вас обоих.

Стражник, увидев Ригана, завозился с наружным запором, торопясь распахнуть тяжелую, набухшую влагой, дверь, чтобы не вызвать его неудовольствия даже секундной задержкой. Харчевня встретила Бренна уже знакомым до тошноты влажным холодом и смрадом. Тусклые жировые светильники едва рассеивали мрак. Бритые, голые, покрытые грязью мужчины и женщины, оставив работу, упали на колени, уткнувшись лбами в мокрый пол. Бренн оторопел, разглядев среди них покалеченных свежаков, которые на дрессировках переломали руки-ноги, и которых отправили сюда доживать. Бренн скользил взглядом по истощенным телам, впалым животам, опухшим суставам, покрытой язвами коже. Меньше, чем за полгода, крепкие парни, которым не было и двадцати, превратились в хромых стариков.

— Свет! — рявкнул в нетерпении Хрящ, даже не посмотрев на невольников, и подошел к одной из кормушек — длинному бассейну, до пояса выступающим над полом и закрытому крупноячеистой решеткой. Один из порхов подхватил чадящий факел, другой под приглядом стражника принялся зажигать запасные. На полусогнутых ногах, чтобы не поскользнуться на скользкой рыбьей требухе, порх подбежал к раздраженному задержкой сургачу. Яркий свет вырвал из тьмы гору рыбьих туш, и в глаза сразу бросилась торчавшая в гнилой влажной соломе бледная человечья ступня с желтоватым обломком разрубленной кости.

— Чья? — равнодушно задал вопрос сургач, перехватив взгляд Бренна.

— Это... роженицы... — зачастил раб, глядя в пол, — она работала во время схваток, — так приказал господин Яппар, — но оступилась и нечаянно запачкала рыбьими кишками сапоги господина. Господин очень разгневался и велел забить ее палками и... потом, когда она уже умерла, разделать и скормить рыбам...

Голос раба стал еле слышным. Бренн мельком вспомнил, в каком отчаянье он находился, давясь кляпом в темнице у Зигора Болли, и думая, что хуже быть не может. Вспомнил беременную порху, которую в прошлый раз истязал Шило. В голове замелькали вспышки жутких образов. По прихоти этого урода женщину вместе с не рожденным младенцем... — додумывать мысль было страшно. От злости скрутило желудок.

— Что, не по нраву? — скривил губы сургач, пристально наблюдая за ним. — Тебя ожидала такая же участь, порх, — он кивнул на отрубленную синюшную ступню. — Если б не жадность Краба.

Бренн промолчал. Еще полгода назад он бы возразил — какая разница, как подыхать, и каким именно образом тебя схарчит судьба. Но полгода назад он жил сытым, беспечным и уверенным в себе парнем в мире свободных. У него были планы, цели, даже мечты. У него было будущее. А теперь он узнал, что важно не только, как ты живешь, но и как будешь умирать. И надо благодарить Жизнедателя за неумную алчность Тухлого Краба. Если завтра ему суждено сдохнуть, то хоть не в этом зловонном подвале, где его, жалкого и беспомощного, по приказу Шила еще живым разрубят на куски... Ну, а погибнуть с оружием в руках — это же почти счастье, мрачно хмыкнул Бренн. Почти счастье.

Он встал рядом с Хрящом, вглядываясь в черную воду, не заметив, как нахмурился дрессировщик, услышав его хмыканье. — Свет сюда, — рявкнул сургач, — и невольники торопливо подошли к чану для кормления хищных рыб. Низкие своды и стены подземелья осветились ярче, обнажив всю мерзость этого места. — Ниже! Держать ровно! — приказал сургач стоящему рядом истощенному юноше, и тот вытянул над водой тяжелый факел, дрожа от усилий и страха. Повинуясь жесту сургача, одна из женщин просунула через решетку несколько крупных, истекающих бледной кровью кусков рыбы.

— Гонатус, крак или исполинский сквид, — начал свой мрачный урок сургач, — хищник свирепый и стремительный, — при атаке не уступит акуле. Но поначалу он не суется, не рыскает, нарезая круги вокруг жертвы, а лениво подстерегает добычу, неподвижно зависая на глубине. Можешь задать вопрос, порх...

— Но ведь даже больших моллюсков пожирают и мурены, и акулы, господин, — осторожно возразил Бренн, — значит, сквида легко убить.

— Не трудно убить обычных мягкотелых сквидов, навроде кальмара или осьминога... А вот иглозубых краков из Абиссая другие хищники обходят стороной — даже их детенышей, у которых шкура покрыта ядовитой слизью. Если дура-акула вырвет кусок из тулова крак-недоростка — ее парализует. Не насмерть, понятное дело, но двигаться она некоторое время не сможет, и этого времени хватит на то, чтобы она просто-напросто задохнулась и утонула. А у взрослого сквида тулово, как броней, покрыто прочной зубчатой чешуей — ее и ножом пробивать замучаешься...

Куски приманки тонули, пятна слизи и крови растекались по воде, и через несколько секунд из черной глубины стало медленно всплывать вытянутое трехметровое белесое тулово. Сквид поднимался не спеша. Под бледной пупырчатой шкурой с синюшными разводами подрагивали мускульные тяжи. Особенно безобразной выглядела огромная голова, размером в половину всего туловища. Прямо на голове вокруг широкого клюва росли мясистые «руки» — толстые чешуйчатые щупальцы. Тварь действительно напоминала помесь спрута с кальмаром, только ее размеры, прочность шкуры, и, как подозревал Бренн, — способность убивать, намного превосходили возможности остальных головоногих моллюсков.

— Эта древняя рыба — серьезный хищник, — разъяснял Хрящ, — и весьма хорош для игр с кортавида-ныряльщиками.

Глаза сургача блестели, он явно восхищался монстром. По всей длине щупалец тянулись серые пятна присосок величиной с детскую ладонь, усеянные по краю мелкими «зубами». Между присосками торчали, похожие на когти, роговые крючья. Движения змееобразных «рук» и безобразная голова твари вызывали и страх, и гадливость.

Позади рук на голове сквида Бренн увидел два торчащих выпуклых глаза, затянутые мутной пленкой. Один — небольшой, — с кулак, другой огромный — с голову пятилетнего ребенка. Чудовищный глаз неожиданно мигнул, выглянув из-под пленки и уставился прямо на Бренна, наливаясь холодной злобой и сверля его жутким потусторонним взглядом. В голове сильно задергалось, и он с трудом оторвал взгляд от кошмарного глаза.

— Сколько рук видишь? Отвечай! — неожиданно рявкнул Хрящ.

— Восемь, господин...

— Недоглядел, порх. То-то и оно, что десять, — усмехнулся наставник, — как у всей его бесхребетной головоногой родни. Этот парень отлично вооружен и прячет под брюхом пару длинных и цепких ловчих щупалец. Пускает в ход и крючья, и присоски, зажимая жертву... Смекаешь, что тебе предстоит?

Бренн смекал, глядя на отвратную морду будущей смерти.

— Сейчас его рыло получше разглядишь... А ну тащи тушку побольше, — приказал он невольнику, и тот приволок маленькую песчаную акулу с разрубленным пузом.

— Протискивай приманку, но не отпускай, чтоб не потонула — держи крепче у самой решетки! — велел сургач, и подтолкнул Бренна: — Встань ближе к порху, — увидишь, как сквид атакует.

Раб пропихнул тушу через ячейку в решетке. Чтобы удержать тяжелую рыбину, ему пришлось животом лечь на закраину бассейна, опершись локтями на железные прутья. В воду потекла акулья кровь и кишечная слизь, повалились ошметки требухи. На белесом тулове плотоядного моллюска стали проявляться багово-лиловые пятна, а мускульные тяжи активной зашевелились под шкурой. Сквид почуял настоящую еду.

Теперь Бренн хорошо видел конусовидное тулово с мощными треугольными плавниками ближе к хвосту. Вокруг головы крака судорожно пытались раскрыться «руки», соединенные у основания толстой кожистой перепонкой. Но бассейн-кормушка был слишком тесен, и зверь ярился, взбаламучивая воду и окатывая ею людей, стоящих над решеткой.

Бренн почти пропустил начало атаки. Он лишь моргнул, а хищник уже выбросил из-под брюха ловчие щупальца. Одна грязно-серая «ладонь» ухватила акулью тушку, другая — выметнувшись между прутьями решетки, присосалась к шее склонившегося над решеткой порха. По щупальцу прошла волна, рывок — и раб ударился лицом о решетку, но кричать не мог, — только хрипел, придушенный сквидом. Из сломанного носа в воду закапала кровь.

Изогнутые челюстные пластины мощного клюва раскрылись, раззявив пасть размером с человечесью голову. Из нее вылез мясистый багровый язык, усыпанный рядами мелких острых зубов. Ощущая вялость дохлой акулы, крак не спеша подтягивал ее к пасти, одновременно дергая за шею скулящего порха — трепыхание и кровь живой добычи манила его гораздо сильнее. Сургач с бесстрастным интересом наблюдал за поведением сквида, не обращая внимания на хрипы бьющегося раба, который безуспешно боролся с душащим его мясистым «удавом», тщетно царапая его ногтями.

Очнувшись от гипнотизирующего зрелища, Бренн бешено заорал, чтобы преодолеть страх и вызвать в себе злость, нагнулся над решеткой и подцепил край «ладони» моллюска, пытаясь отодрать ее от шеи раба. Под пальцами сокращался плотный мышечный тяж. Бренн с силой рванул за край, и присоски с мерзким хлюпаньем оторвались от шеи жертвы, выдирая клочья кожи. Сипящий невольник рухнул на залитые водой камни, дрожа и, как рыба, раскрывая рот. Его лицо посинело, окровавленная шея была изорвана, но крупные сосуды остались целы.

Хрящ насмешливо изломал бровь. — Да ты, порх, видать жалостливый? Весьма неудачно для тебя — сердобольным девкам в Казаросса не место. «Здесь никому не место», — вспышкой пронеслась мысль в голове Бренна. Он сник. Только что увиденное тяжелым камнем придавило росток надежды, — с таким хищным уродом справится не всякий кортавида, а уж едва обученный живец... да еще после Игр...

— Пшел, убогий, — рыкнул дрессировщик, презрительно глядя на подвывающего порха, и уже спокойно продолжил: — Ну и помимо прочего, следует помнить, что шкура взрослого иглозубого сквида тоже покрыта слизью... Она не опасна для человека, но, если попадет в раны, то кровь будет сочиться дольше, чем обычно...

Бренн молча смотрел на отползающего в сторону раба, вместо бинта прижимающего к шее грязную солому.

— Оценил, какая золотая рыбка тебе достанется? — бросил Джерг Риган. — Если конечно, уцелеешь на Игре...

Золотая рыбка... Может ли смертоносная морская тварь стать Золотой рыбкой, чтобы исполнить желание?.. — крутилась и крутилась мысль в голове Бренна, как он ни пытался ее отогнать...

## Глава 20. Так не бывает

Лаар, Королевский дворец Розаарде

Фелисия торопливо отдернула тяжелую пурпурную портьеру и распахнула створку стрельчатого окна, скрывая легкое удивление. За год ее пребывания в качестве фрейлины и комнатной прислуги в покоях Элмеры Милостивой, та ни разу не приказывала открыть окна, ни разу не выходила на просторный балкон, чтобы взглянуть на башни и шпили Бхаддуара или дивные воды гавани Сильфурбэй. Что поделаешь — у могущественной владетельницы Лаара были свои маленькие женские слабости — она опасалась, что ее чувствительную увядающую кожу может испортить солнце и ветер и часто недомогала, потому большую часть времени проводила в своих роскошных покоях или в многочисленных дворцовых залах и закрытых садах дворца Розаарде. А вот ночные театральные и цирковые представления, празднества и балы, на которых сияли тысячи свечей и светильников, сотворенных мастерами Непорочных, королева любила, разделяя пристрастия своего властного обожаемого супруга.

— Через четверть часа пригласи ко мне прионсу Илайну, — приказала Милостивая, не обернувшись, и не отрывая огромных светло-голубых глаз от искрящегося на солнце океана за распахнутым окном. — А сейчас оставь меня.

— Слушаюсь, моя рэя, — Фелисия спешила выйти, однако даже за спиной госпожи присела в глубоком реверансе во избежание малейшего ее неудовольствия. Девушке было хорошо известно о способности Милостивой видеть происходящее позади нее. Могучий дар яджу, выделявший среди древних родов представителей генуса Сарэй, к которому принадлежала Элмера, бурлил в ее чистой крови, и перед ним склонялся даже Орден Непорочных в лице Верховного Жреца Скааха ан Хаара. Конечно, искра Жизнедателя обладала особой мощью лишь в связке с силой древнего камня Шуулун Зэ или Причиняющего Боль, с помощью которого светлая прионса Маф в страшную эпоху Раздора победила короля Чарлага — своего отца — урхуд, владевшего гнилой яджу.

Но Фелисии королева позволяла обращаться к ней наедине, называя «госпожой», и не требовала обязательного по этикету «Ваше Величество», чем юная фрейлина была очень довольна и чувствовала себя выделенной среди всех прочих. Элмера чуть прикрыла глаза, откинув изящную голову с копной небрежно заколотых белокурых локонов. Взгляд ее устремился за линию горизонта, за тысячу миль, к дальним чужим берегам, где уже свирепствовали холодные осенние ветры. Солнце, щедрое и яркое в Лааре, скупое дарило свое тепло империи Энрадд, не жалуя северные заокеанские земли.

Раскаты боя городских часов на башне королевы Маф тяжелыми глухими волнами покатались над городом, и Элмера очнулась. Время пришло. Она подошла к серебряной клетке с изумрудно-снежным самцом квезаля, увлеченно поглощающего сочные ягоды лунносемянника, и открыла дверцу. Она вспомнила старинные верования жителей островов Юха, рассказывающих, что в неволе чувствительный квезаль умирает от разрыва сердца, и хрипловато рассмеялась, — в неволе у невежественных туземцев, — естественно, умирает, но только не в клетке владетельницы Лаара.

Элмера склонила голову к правому плечу, неотрывно глядя на птицу. Квезаль вдруг дернулся, выронив из клюва сочный плод, развернулся, как солдат, и шагнул из открывшейся дверцы на подставленное женщиной предплечье. Птица замерла, вцепившись острыми

когтями в нежную кожу. Капли крови бежали по бледной руке, падая на шелковистый ковер. Но Элмера будто не замечала ни боли, ни кровотечения. Ее пальцы погладили крупного самца по алой грудке и пышному малиновому хохолку на голове, мягко провели по крыльям до длинного хвоста, ниспадающего пурпурной волной, и вдруг одним точным быстрым движением вырвали надхвостовое перо, сияющее изумрудом и золотом. Но квезаль даже не шелохнулся.

Подойдя к открытому окну, Элмера ловко закрутила перо в пальцах, трижды подула на вьющийся золотисто-зеленый вихрь, и с последним выдохом отпустила его... На миг перо зависло в воздухе, затем, лениво изгибаясь, выплыло в окно, направляясь в сторону океана. Оно летело на север, будто не замечая крепкого встречного ветра. Тонкие розовые губы королевы изогнулись в легкой усмешке. Заметив, наконец, стекающую из ранок кровь, женщина приподняла руку и вдруг жадно присосалась к струйкам, облизывая острым языком кожу и почти причмокивая от удовольствия.

— Магушка, вы звали меня? — в покое, радостно улыбаясь, вбежала Илайна. Долгожданная встреча с родителями была наполнена любовью, нежностью и... конечно же — нескрываемой яростью Красного короля и сдержанным гневом Элмеры против тех, кто посмел угрожать их дочери. В последние недели Илайна больше времени проводила с отцом. Чтобы отвлечь дочь от горя и кошмарных воспоминаний о смерти ее служанки Коры, он постоянно баловал ее подарками, театральными представлениями, новыми иллюстрированными книгами и пикниками на побережье Сильфурбэй... Рядом очень часто находился и Лизард, который не переставал удивлять ее своей ласковой насмешливостью и комплиментами ее привлекательности. Но он и сам был очень хорош собой, и она ни капли не удивлялась, что за ним охотились и совсем юные девы-ноблесс, и дамы — ровесницы его матери.

Но вот наедине с Элмерой она бывала редко, что очень ее огорчало, — они встречались лишь на церемониях и увеселениях, которые устраивались в честь ее возвращения чуть ли не через день. Мать день и ночь проводила в своих покоях, где очень подолгу общалась с Верховным Жрецом. По его настоянию и по собственному желанию Милостивая возглавила расследование по выявлению зачинщиков покушения на наследницу престола. И Готфрид только поддержал ее решение — кто, как не Элмера Милостивая — носительница могучего древнего дара — справится с этой задачей...

Кроме того, утомленная переживаниями и частым применением ядзу, королева явно недомогала и опасалась, что «ядовитые миазмы болезни», как выражались королевские целители, могут воздействовать на юную наследницу.

Но сейчас мать ласково обняла бросившуюся к ней Илайну и, обхватив прохладными пальцами ее лицо, с улыбкой стала гладить ей щеки, лоб, шею, обводить полукружья золотистых бровей, накручивать на палец ее густые блестящие кудри... Королева будто, наконец, расслабилась и позволила себе не скрывать нежность к подростковой дочери.

— Вы открыли окно! — воскликнула Илайна, с удовольствием ощущая на щеках прохладную ласку свежего ветра, — это так приятно...

— Я подумала о тебе, дорогая. Знаю, ты любишь солнце и ветер...

И правда, с детства Илайна чувствовала себя немного подавленной в покоях матери. Ей всегда казалось, что, несмотря на роскошь, красоту и постоянно горящие медовые свечи, тут было сумрачно и душно. И что обилие багрянца и золота в интерьере не подходит ни к утонченному образу хрупкой королевы, ни к ее огромным глазам цвета светлых небес и

серебристым локонам. Здесь всегда густо пахло пряными арианскими духами и цветами, доставленными жрецами из Дикого леса, которые удивительным образом приживались исключительно в Розаарде. А точнее — только в покоях королевы. Хотя чему удивляться — кровь, насыщенная ядзу, наполняла Элмеру, и творила чудеса. До того, как попасть в Девичьи сады, Илайна очень переживала, что не обладает даром генуса Сарэй, — ей не удавалось ничего из того, что умел ее брат Лизард, который оттачивал свое мастерство у Непорочных и был способен управлять даже злобными дикими тсаккурами, что водились далеко на востоке в Дивном лесу. Но мать успокоила ее, уверяя, что ядзу накроет ее волной после первой брачной ночи, как только она станет настоящей женщиной.

— Твоему милому брату, моя дорогая, достались лишь крохи ядзу. А поскольку он всего лишь мужчина, то по древней традиции генуса Сарэй не имеет права взойти на трон. И только ты, дитя мое, носишь в себе мощь великой Маф, и уже очень скоро станешь Властительницей Лаара. Тебе осталось потерпеть совсем недолго...

Илайна невольно взглянула на двойной настенный портрет братьев-близнецов — Лизарда и Рунара, погибшего в Дивном лесу через несколько месяцев после ее рождения... Внешне они отличались лишь цветом глаз. У Лизарда глаза были наполнены светлой, почти прозрачной голубизной, как у матери, а у Рунара — яркой пронзительной синью...

— Вы так загадочно говорите, матушка, — встревожилась Илайна, — я вовсе не собираюсь замуж и уж совсем не собираюсь становиться властительницей страны в ближайшем будущем...

Элмера нежно усмехнулась и усадила дочь в широкое кресло, подвинув золотое блюдо с кремовыми пирожными, усыпанными засахаренными лепестками фиалок. Илайну не нужно было уговаривать — она тут же взяла одно пирожное, игнорируя золотую ложечку, и принялась за лакомство, облизывая липкие пальцы. Что-то, а сладкое ей не надоедало никогда. Мать встала позади кресла, и стала перебирать кудри дочери, осторожно расчесывая их черепаховым гребнем.

— Слава Жизнедателю, я чувствую себя лучше, и позвала тебя, моя сладость, чтобы обсудить одно очень важное дело... Детка, тебе исполнилось пятнадцать, и ты уже совсем взрослая. В твоём возрасте мою грудь сосали годовалые близнецы — твои старшие братья. И вот теперь пришло время выдать тебя замуж за человека, достойного твоей крови... Достойного крови генуса Сарэй.

Илайна чуть не подавилась пирожным, глубоко вдохнула, и едва удержалась от возмущенного вскрика, — мать не допускала излишнего выражения чувствительности, считая, что это свойственно лишь простонародью и порхам, не способным управлять своими эмоциями. Ну, конечно, Илайна знала, что ее ожидает через некоторое время после возвращения из Девичьих садов, но она надеялась, что это произойдет хотя бы через год... или через два...

— Ну, что ты, милая, — брови королевы взлетели, чуть наморщив безупречную кожу лба, — тебе вовсе не стоит огорчаться...

Илайна положила надкушенное пирожное на блюдо — фиалковые лепестки, мерцая сахарной глазурью, падали на ковер. Аппетит пропал напрочь, как и настроение.

— Не стану лгать — я всерьез расстроена, матушка. Я вернулась домой лишь месяц назад после того, как почти пять лет не видела ни вас с отцом, ни родных мест, а от меня будто снова хотят избавиться... Неужели, вы не соскучились по мне и не желаете, чтобы я подольше была с вами... — не выдержала Илайна, изо всех сил стараясь не заплакать.

— Дочь моя, — голос матери стал строже, — конечно, я бы сама хотела бы повременить с твоим замужеством, но, если до ночи Красного полумесяца наследница Лаара не выйдет замуж, звездные сплетения предвещают зловещие события в нашей благодатной стране. Будущая королева не может обречь подданных на смерть и слезы из-за собственных капризов и слабостей. Разве не этому тебя учили в Садах?

Голос королевы зазвенел металлом, и Илайна невольно сжалась на кресле, — ей всегда становилось не по себе, когда Элмера становилась вот такой — холодной и твердой, как клинок. Настоящей правительницей, а не любящей матерью.

— Кроме того, ты расстроена лишь потому, что еще не видела жениха, — лукавая улыбка тронула губы Элмеры, и к облегчению Илайны она, вновь став ласковой, принялась расчесывать кудри дочери. — Что? Интересно?

Королева отложила в сторону гребень и, открыв миниатюрный секретер с узором из серебра и золоченой бронзы, протянула дочери сложенные листы, испещренные множеством столбцов с печатным текстом, большими заголовками и черно-белыми рисунками.

— Что это? — Илайна наклонилась, отметив, что ее странным образом волнует терпкий запах, исходящий от шелестящей бумаги цвета топленых сливок.

— Такие книжки, состоящие из нескольких больших листов в Энрадде называют «газета», — в них подробно рассказывают о событиях в стране и заокеанских государствах, а для большего интереса статьи украшают рисунками и фотокартинами... Посмотри-ка сюда, — королева сделала театральную паузу, и полностью развернула газету, указав на одну из фотокартин, размещенную на первой странице газеты.

— Тебе нравится этот молодой ноблесс?

Илайна прикипела взглядом к фото, на котором белозубо усмехался светловолосый привлекательный мужчина с короткой офицерской стрижкой, одетый в свободный кожаный мундир со множеством карманов и застёжек...

— Пожалуй... — медленно кивнула Илайна, стараясь не показывать явного интереса. — Да, он красив... — призналась она, — даже очень...

— Перед тобой, дитя мое, твой жених и будущий император Энрадда — принц Гуннар нор Крейг.

— Принц? Мой жених? — растерявшись, повторила Илайна.

— Вот видишь — не так уж все и страшно... — королева засмеялась, и будто множество хрустальных колокольчиков заколыхалось возле Илайны. В груди растаял кусочек льда — она не ожидала, что ее будущий супруг будет так молод и так хорош собой. Ведь даже ее отец старше матери на целых двадцать пять лет... Юной Элмере во время свадьбы было всего тринадцать, а ему — под сорок... Как ни любила Илайна отца, она не могла представить, что ей пришлось бы делить ложе с сорокалетним мужем... а может, и еще старше...

Лицо Милостивой вновь стало строгим. — Если ты не поспешишь выйти замуж за наследника Магнуса, то Гуннара женят на одной из дочерей властителя Ариании, и наши земли окажутся зажатыми меж Энраддом с севера и Арианией с юга. А ты, я надеюсь, прекрасно знаешь из курса истории, что арианцы много веков зарятся на наши предгорные провинции. Так что, твой долг, как будущей королевы, — обеспечить сохранение и благоденствие Лаара. Но этот долг для тебя, моя милая, — весьма и весьма приятный...

Илайна смотрела на лицо Гуннара, поглаживая пальчиком фотокартинку.

— Он здесь как живой... Как это возможно?

— В Энраддской империи фотокартинки или фотографии делают с помощью одного устройства, придуманного их учеными. Ничего в этом не понимаю, но получается так, что с помощью обычного с виду ящичка можно вмиг «срисовать» человека в мельчайших подробностях... Даже мастера Непорочных такого не умеют... Пока... — добавила королева, о чем-то вдруг задумавшись, и улыбнулась...

— Сколько же в Энрадде сказочных устройств... — небесные корабли, самоходные повозки, этот вот фотоагрр... — Илайна запнулась на новом слове.

— Вот именно, дочь моя. А теперь представь — когда ты станешь невесткой императора Магнуса, ты получишь доступ ко всем этим чудесам. Разве ты не хотела бы пролететь над Лааром на воздушном корабле? Или иметь свою собственную карету, которая движется без лошадей или запряженных в нее порхов. К сожалению, наши ученые жрецы даже с помощью ядзу не в силах создать многое из того, что получается у энраддцев. Представь, только...

Илайна представила. И у нее дух захватило от предвкушения захватывающих и удивительных открытий, ожидающих ее совсем скоро. — Но, матушка, — я не понимаю, — если я выйду замуж за Гуннара, то буду жить за Лютым океаном... Так далеко от вас... Как же тогда я буду управлять страной... и, что самое главное — я совсем не умею это делать!

— Не беспокойся, дорогая, — небрежным взмахом кисти королева отмела ее сомнения. — Да, почти сразу после замужества по установленному закону ты приобретаешь статус Королевы Лаара. Это так. Но пока ты молода и не имеешь опыта, страной, как и прежде, будет управлять твой отец, а я помогать ему по мере моих слабых женских сил. — Королева усмехнулась.

— Отец не торопясь, обучит тебя править подданными, расскажет, как, что, как и когда нужно делать. А самое важное, — Элмера сжала плечи дочери, — после брачной ночи светлая ядзу наполнит тебя до краев. Ведь именно об этом ты так беспокоилась, малышка? Ты познаешь многие тайны и поверь мне, — с ядзу ты без особых усилий сможешь овладеть нужными знаниями, как по управлению государством, так и по управлению Орденом Непорочных. Я обучу тебя, как держать в подчинении Жрецов, и использовать их так, как угодно именно тебе. Так что полноценной правительницей ты станешь через несколько лет, а до этого будешь только учиться и наслаждаться жизнью. И любовью молодого мужчины, естественно, — улыбнулась мать.

Прионса с облегчением вздохнула. — Вы считаете, я справлюсь, матушка?

— Ни на миг не сомневаюсь, дитя мое. Я стала полноценной Властительницей тринадцати лет отроду, ведь буквально через полгода после моего замужества моя мать — твоя бабушка королева Ришильда — умерла в тяжелых родах, не дожив и до тридцати. Ее малютка-сын родился мертвым. А твой дед — король Фердинанд — с горя повредился рассудком. Но, будучи моложе тебя, я все же сумела по мере сил помогать твоему отцу, который уже тогда был опытным государственным деятелем. Главное — держать в узде жрецов!

Тревога ушла. Илайна вдохнула полной грудью, предвкушая нечто непостижимо прекрасное, что скоро придет к ней. Пусть. У нее будет замечательный муж, ей будут доступны все удовольствия и все удивительные открытия загадочной северной страны, она станет Королевой Лаара, а потом — и супругой императора Энрадда. Невероятно! Она взяла хрустальный бокал с «фабулозэ» зачерпнула ложку пышного мусса из персиков и клубники. Взбитая со сливками фруктовая смесь, в серединке которой прятался шарик мороженого, а

на дне — слой горячего шоколада, таяла во рту, доставляя неземное удовольствие.  
Но ведь так не бывает.

## Глава 21. Выбор оружия

— Ну и каков план боя? Что станешь делать? — Хрящ хлебнул холодного эля, поданного рабыней. Он увел Бренна из Харчевни в одну из караульных на Скотном дворе — свежаков отправили в Загоны, и служебные помещения опустели. Неужто, дрессировщик и правда хочет помочь? Неужто, верит, что у Бренна что-то получится? Но иначе, зачем бы ему заморачиваться, таскаться с порхом в Харчевню, искать место для уединенного разговора? Надежда опять замаячила, подразнила и подстегнула...

— Первая моя задача — не утонуть и дольше продержаться под водой, господин, — не слишком уверенно ответил Бренн.

— Но вас, свежаков, не обучали подводным схваткам, а готовили к Игре живцов-надводников... И потому Краб не сомневается, что через минуту, пообнимавшись с многоруким уродом, ты начнешь пускать пузыри... Ведь никто не даст тебе дыхательную маску для ныряльщиков.

Можно подумать, что Бренн хоть мгновение на это надеялся... Хотя, если честно, то да, надеялся. А если еще честней, то он сразу подумал о маске, когда Хрящ рассказал о сквиде — он помнил слова Гайра о том, что коротаида-ныряльщик без маски долго не продержится, а короткий подводный бой зрителям не интересен, — развлечение должно щекотать нервы подольше...

— Я могу не дышать под водой почти три с половиной минуты...

Бренн врал. Ныряльщик-Микко постоянно натаскивал его, учил правильной задержке дыхания, обзывал лягушонком и ругался почище Хряща, если Бренн что-то делал не так. И теперь, с помощью ядзу и «наставничества» Микко он сможет не дышать под водой вовсе не три минуты, а дольше, намного дольше, а значит — и выиграть драгоценное время.

Акулий хрящ поморщился. — Три минуты — неплохой результат для свежака, но на деле, чтобы одолеть головоногого хищника и пяти минут мало. Крак утопит тебя, удержав под водой подольше, а вернее всего, придушит и пробьет клювом.

— И что же мне делать, господин? — Бренн осмелился задать прямой вопрос, чтобы вынудить Ригана ответить по существу. Но сургач ушел от прямого ответа, продолжая рассказывать о том, что ожидает живца, если он отважится на бой с краком.

— Крючья на щупальцах сквида небольшие, но острые, и когда вспарывают кожу, ядовитая слизь попадает в кровь... Чтоб замедлить действие яда, тебя покрасят, может даже польют маслом. Будешь красиво блестеть, — Хрящ показал в кривоватой усмешке крепкие зубы. — На несколько минут такой защиты хватит... но когда повреждений много, то и отравы попадает больше...

Само собой, без ядзу мне никак не обойтись — мелькали мысли, пока Бренн слушал сургача, — придется хоть как-то замедлить движения сквида, а самому действовать очень быстро. Тогда и крови потеряю меньше, и яда в ней будет немного. Он сосредоточился на словах наставника, — ведь любая мелочь может помочь, но Джерг Риган не особо старался помочь, а только пугал... Зачем? — он и так напуган до мокрых штанов...

— Хорошо бы знать, где у него сердце... Я бы вбил копьё ему в пасть и достал до нутра... — пытался найти выход Бренн.

— У него три сердца... — Хрящ захохотал, — не ожидал, порх?

Да, этого Бренн не ожидал. И с чего это сургач ржет, как конь, — Бренн в первый раз

видел, чтобы обычно сдержанный, холодноватый по характеру наставник так хохотал, показывая широкие желтоватые от табака зубы. Или это у него от расстройства, что живец не справится, и выкуп за него уплывет, или ему доставляет удовольствие ставить его в тупик, обрушивая пугающие до дрожи сведения о головноном уроде, но не давая никаких советов, как ему противостоять... как его убить...

Подождав, пока Джерг Риган отсмеется, Бренн сделал паузу, нарочито глядя в сторону, и только потом задал следующий вопрос: — Я слышал, что против крака можно использовать гарпун...

Дрессировщик внимательно посмотрел на него, будто заподозрив в насмешке над собой, затем пожал плечом, по-видимому решив, что ему показалось. — В Абиссае я наблюдал живописную картину, когда тройка не особо крупных сквидов напала на малый рыболовецкий баркас. Твари выдергивали людей прямо из лодки, придушивали, топили и били клювами. Из четверых не хилых мужиков один еще шевелился, когда его спасли. Правда, он уже мало походил на человека. Крак раздробил ему клювом кости, изжевал, а потом скреб на языке как на терке, что у кухарок для сухарей припасена...

— У этих рыбаков что — не было тесаков, рогатин? Почему они не вбили копыя в мозг тварям прямо через глотку? — озвучил Бренн мелькнувшую мысль, — или... или в глаз?

— Пару-тройку рук тесаками отрубили, но лишь по концам щупалец прошлись — под корень не удавалось, — огорчил его Риган. — Одному умельцу даже удалось вбить рогатину в глаз крака, и тот, подергавшись напоследок, ушел под воду. Но два других только разъярились больше, вошли во вкус. Баркас опрокинули... а дальше все закончилось, как должно было закончиться...

— Значит, копыя или трезубец все же могут помочь... — повторил Бренн, — или хотя бы помешают сквиду сомкнуть челюсти.

— И могут, и помешают, — равнодушно кивнул наставник. — Но вот незадача — тебе запрещено пользоваться боевыми вилами или копыем. Разрешено взять меч и кинжал на выбор. Из амуниции — кожаный доспех и кулачный щит...

Бренна затопил прилив злости. А вот это подлый удар под дых! Нет — удар в спину! — он все же надеялся, что сумеет достать копыем до мозга твари. Или хотя бы не даст сквиду щелкнуть клювом, всадив ему в поганый язык трезубец... А кулачный щит — этот жалкий кусок дерева и кожи, которым едва можно прикрыть пузо — просто насмешка!

— Ну, значит, попробую мечом... — заявил Бренн, чувствуя как от негодования пульсирует в висках. Эта идея вызвала очередной приступ веселья у дрессировщика.

— Если сунешь меч в пасть, клюв раздавит и сломает тебе руку... — добивал его план Акулий Хрящ. — И даже, если бы ты по дурасти решил пожертвовать рукой, то длины меча все равно не хватит, чтобы дотянуться до мозга через пасть.

— Можно использовать патту — у нее длинная гарда — она защитит руку до самого локтя...

— Гляжу, ты малость разбираешься в оружии, бывший ученик кузнеца... Ну, иди, выбирай, коли такой упертый, — Хрящ лениво поднялся и двинулся к двери. Бренн с ненавистью смотрел на широкую спину Ригана, но сумел отвести взгляд и задавить рвавшийся наружу выброс ядзу. Не время. Не место.

\*\*\*

В оружейной Казаросса он никогда не был. Во время дрессировок свежакам выдавали тупые копыя и деревянные мечи с утяжеленной железной сердцевиной, а свободный доступ к

боевому арсеналу имели только вольноотпущенные кортавида. Стены низкого просторного помещения были увешаны холодным оружием. Старый увечный порх, засутившийся при виде Акульего Хряща, стал спешно зажигать пятисвечники, и отблески пламени медью заиграли на металле, придавая оружейной вид некоего святилища.

Бренн почувствовал, как злость и напряжение отступают под напором яростного интереса. Он узнал обоюдоострую лонголу с рукоятью из черного дерева, похожий на огромный серп острейший шотел, позволяющий достать врага даже за щитом, волнистые клинки шамширов, скошенный на обухе сторта, боевые адьяры. На низком массивном столе с выщербленными бортами лежали разных видов абордажные сабли и тесаки. Кортавида может выбирать, что захочет, в зависимости от того, с каким гадом он должен встретиться на водной арене, и как именно намерен его уничтожить...

Вот и патта — тяжелая, с длинным клинком и долгой гардой в виде рукавицы... очень старая, судя по исцарапанной кистевой чашке в виде змеиной головы, закрывающей поперечную рукоять. Крутанув меч, Бренн отложил его в сторону — не пойдет — предплечье прикрыто железом лишь сверху, а с нижней стороны лишь пара узких крепежных ремней, — нижнее подклювье твари пробьет незащищенную руку снизу. Хрящ, как это не обидно признавать, прав... Но пока — это хоть какой-то вариант.

— Да, порх, не поможет тебе патта, — качнул подбородком Хрящ, — и копьё не поможет... Ты, верно, как и многие другие, думаешь, что в огромной башке сквида прячется большой мозг? — он наклонился вперед. — Так вот, мозг у моллюска крошечный, с твой кулачок. Поэтому ни копьем, ни клинком его не нашаришь, — да просто не успеешь нащупать, прежде чем он тебя скрутит...

Несмотря на злость и отчаянье, Бренн пытался сосредоточиться на словах сургача, но волны страха накатывали одна за другой, грозя напрочь смыть все мысли из головы. Джерг Риган щедро делился своими знаниями, но не советами, которые были нужны, как воздух под водой...

— К тому ж глотка у твари, как длинная труба тянется к желудку, проходя прямоком через мозги... А мозги наверхены вокруг этой глоточной трубы навроде...

«Навроде теста, намотанного на вертел, когда пекут «трубочки-пустышки», — закончил про себя Бренн фразу дрессировщика. Из холодной мглы вдруг всплыла яркая картинка — он с Дуги покупает у пекаря Сироса хрустящие, печеные на открытом огне трубочки, залитые сверху медом и посыпанные толчеными орехами... На миг вместо тяжелого холодного запаха железа, пыли и пота, Бренн ощутил приплывший из прошлого аромат корицы... Он все позабыл — полгода беспросветного мрака и ежедневного выживания выдавили из него почти все воспоминания из прежней жизни... И вкусы, и запахи... и даже лица людей...

— А если меч вбить в глаз и достать до мозга через него? — встряхнулся он. — Как сделал тот рыбарь из Абиссая, ведь он все же сумел завалить одного крака... И кортавида, я знаю, тоже иногда убивают барракуд, акул и даже огромных ракоскорпионов именно таким способом... Вгоняя меч в глаз! — Бренн упорно продолжал искать выход. Глянул на Хряща, ожидая хоть какого-то знака одобрения или подтверждения, что он мыслит в нужном направлении.

— Всерьез надеешься дотянуться до глаза монстра ножиком? И головоногая тварь великодушно подарит тебе такую возможность, покорно ожидая удара и смиренно опустив ручки? — обрезал сургач. — У того рыбаря была острога! И он бил, когда сквид подставился, повернувшись к нему боциной и хватая его сотоварищей. Думаешь, он позволит тебе

подобраться к себе сбоку? Вплотную? А спереди глаза прикроет частокोल щупалец, и пока ты будешь замахиваться, чтобы отрубить их...

Глубоко вдохнув, Бренн перебил наставника, даже не заметив этого:

— Я их отсеку. Срежу. Без замаха.

— Ну да, кто бы сомневался, — хмыкнул сургач.

Ну почему Акулий хрящ — в прошлом опытный кортавида-ныряльщик, не подскажет ему выход, не мог понять Бренн. Будто находит некое мрачное удовольствие, тыча носом в оплошности и подчеркивая, что он неспособен разработать четкий план боя. Или его забавляет, что свежак исходит соплями от страха и собственного бессилия? Или, что еще хуже — может, сургач и сам не знает, как завалить иглозубого крака без маски и необходимого оружия? Эта смутная раздражающая догадка повергала Бренна в еще большее отчаянье.

— А прежде, как кортавида справлялись с таким зверем, господин? — задал он прямой вопрос.

— Да никак, — небрежно пожал плечом Хрящ, подтверждая опасения Бренна. — Такого сквида в Казаросса привозили лишь раз.

— И как же боец отбился? — спросил Бренн, уже предвидя ответ.

— Да никак, — нахмурился Риган. — Когда тварь атаковала, подводник почти ничего не успел предпринять, хотя к бою готовился серьезно. И тактику продумал, и трезубец у него был, и тулвар, маска, само собой, и доспех не хилый. А сквид решил поиграть — зажал ему руки и ноги щупальцами, растянул навроде морской звезды, подтащил к пасти, пробил клювом доспех, и, не спеша, стал выгрызать парню требуху. Лучше бы тот задохнулся, но он дышал, пока работала эта хренова маска, и сквид принялся растирать его на языке еще живого. Смаковал. Зрители, конечно, были в диком восторге.

Бренн вдруг понял, что окончательно запутался — паника не давала ему собраться и не спеша, хорошенько все обмозговать... Ведь подобрать именно то оружие, которое понадобится, можно только после того, как придумаешь план предстоящего боя...

— Ладно, обрыдло мне ходить кругами, порх. Тебя ан Хурц хочет использовать именно как живца, как сочную трепыхающуюся наживку, чтобы раздражить крака и впечатлить публику его лютостью... А после того, как сквид отымеет тебя по полной, к уже сытому зверю запустят троих кортавида в масках, вооруженных и защищенных как надобно...

Последние слова сургача Бренн слышал будто сквозь воду — у него заложило уши. Он чувствовал себя одним из попавших в корзину махоньких каменных крабов, которых они когда-то очень давно — и в другой жизни — ловили с Дуги. В тело уже впился крючок и вот-вот тебя закинут в жадную рабью пасть. Бренн помотал головой, отгоняя морок.

— Мне нужен изогнутый клинок, типа скальме, чтобы резал, а не рубил, — упрямо гнул он свою линию.

— Надеешься, значит... — покачал головой сургач.

— А что — лучше сразу утопиться, не дожидаясь Игры? — не выдержал Бренн, прямо посмотрев в глаза Ригану, и тут же получил короткий удар кулаком.

— Обнаглел, порх?! Место свое позабыл? — рявкнул сургач. Но, отлетев в угол, Бренн сразу почувствовал, что тот бил не в полную силу. Он не стал, как полагалось, вымаливать прощенье у господина, опасаясь сурового наказания. Приблизившаяся вплотную смерть прибавляла смелости, — когда на кону жизнь, разбитая морда не в счет... Он поднялся, утер разбитый рот.

— Вот твой скальме, — буркнул Хрящ, кивнув на меч-кинжал с изогнутым потемневшим лезвием и открытой рукоятью. Удивительное дело, но удар сургача неслабо встряхнул Бренна. Он пришел в себя. Хмуро покрутил скальме, рассеянно вытирая с клинка кровь, капающую из носа.

Нет, не то. Надо сосредоточиться. Хрящ прав — с мечом длиннее локтя неловко драться в воде, которая замедлит движение и уменьшит вес меча. Так что рубящие удары, при которых нужен замах, — лишь потеря времени и сил. Значит, нужен короткий обоюдоострый меч, годный для режущего и колющего удара. И никакой гарды — она не спасет руку, а лишь помешает вращать кисть.

— Вот этот. — Перед сургачом лег клинок с перекрестьем-дугой, листовидным телом, как у ксифоса, но более короткий — всего в локоть длиной.

— Почему не махайра? — с вялым любопытством спросил Хрящ.

— Махайрой лучше рубить, а не резать, господин.

— Акинак?

— Годится для колющих ударов...

— Копис?

— У него односторонняя заточка... А меч, который выбрал я, хорош и для секущих, и для тычковых ударов.

— Это не меч, а игла портняжная... Пойдешь на головоногого монстра с иголкой?

— Вы сами сказали, господин, что замах только время сожрет, ну а длина клинка мало что значит, коли им все одно до мозга через пасть не дотянуться... Наоборот — даже помешает...

— Пусть так, это твой выбор, девяносто девятый, — не стал возражать Хрящ, — что еще?

Бренн провел пальцами по клинку увесистого чинкуэда с костяной рукоятью. Ему нравилось треугольное лезвие, расширяющееся к перекрестью. Кинжал был длиннее, чем тот, которым ему угрожал гнусавый Джок. Покойный Джок. Чуть подумав, отложил.

— И чем не угодил?

— Чинкуэда неплох в ножевой драке — его легко выдернуть прямым хватом из поясных ножен за спиной. Но такой широкий клинок в тулово сквида глубоко не войдет. Прорежет да и завязнет...

— Но ведь ты собираешься выковырять им глаз твари? Где ж он завязнет? — поймал его Хрящ. На миг Бренну показалось, что сургач увлекся разговором, и он попытался объяснить подробнее.

— Собираюсь, но ведь это вовсе не значит, что у меня получится. Кто знает, куда и как придется бить на самом деле. Потому лучше выбрать такой кинжал, который я смог бы заменить ксифосом, если не выйдет использовать и тот, и другой одновременно.

Бренн внимательно рассматривал клинки. — Этот, — положил он перед Хрящом тяжелый, похожий на баслард, кинжал с прямым перекрестьем, длиной около двух ладоней.

— Тогда почему не кваддара? — заинтересовался Хрящ, кивнув на большой кинжал с роговой рукоятью. — Или дага?

— Слишком длинный клинок у обоих. К тому же, у кваддары нет перекрестья, и при тычковом ударе запросто можно распороть ладонь — соскользнет на лезвие...

Сургач хмыкнул — похоже, ему нравилось обсуждать достоинства и недостатки оружия, — неважно с кем, пусть даже с рабом. — И где закрепешь?

— Справа на бедре...

— Почему справа? Ты ж не левша, — приподнял бровь Хрящ.

— Не левша, господин, просто не хочу терять время — недосуг мне будет прокручивать кинжал или перекидывать его в правую руку. Выхватчу его левой обратным хватом... Правой отсеку мечом щупальца, прорвусь через них к башке и вобью кинжал в левый глаз твари...

— Все? — как-то устало спросил сургач, внезапно теряя интерес, будто осознав, что слишком долго беседует с никчемным мальчишкой-порхом, и что выбор оружия ничего не решит в предстоящем бое... Тем более, что бой этот вряд ли состоится, если только бог удачи — хромой Перу-Пели — не благоволит этому свежаку, как когда-то молодому Джергу Ригану.

— А еще, — Бренн на миг задумался, подойдя к соседнему столу с амуницией, — я все же возьму кулачный щит, — это лучше, чем ничего... — Он покрутил в руке треугольный баклер в полторы ладони шириной. Щит напоминал детскую игрушку, что продавались в лавке старого Ямси на Рыночной площади, и по размеру был даже меньше круглых батлеров, которые свежаки применяли на дрессировках.

— Бери, играйся, порх, — пожал плечом Риган, уже подходя к двери, подтверждая своим поведением, что бывший кортавида обсуждал с Бренном подробности схватки лишь по старой привычке, а живца-смертника с самого начала списал со счетов. Но тогда какой прок сургачу тратить на него время и разводить эту канитель с оружием и разговорами? — недоумевал Бренн.

— Да, совсем забыл, — Акулий Хрящ остановился в дверном проеме и, не достаивая живца взглядом, бросил через плечо: — Хозяин обещал тебе свободу, если справишься с иглозубым гадом... Впрочем, это неважно.

Как это неважно? — растерянно метались мысли. Ведь свобода — это та самая цель, к которой стремятся все порхи, все живцы и кортавида... Или это неважно, потому что Джерг Риган действительно считает, что для Бренна свобода так и останется недостижимой мечтой?...

## Глава 22. Цвет железа

Сердце радостно бьется. Ему семь лет. Он стоит перед угольным горном в просторной полутемной кузне. Глаза перебегают с наковален на доску с молотками-ручниками, на полки, где тускло поблескивают зубила, чеканы, подбойники и гладилки. Горьковато-крепко пахнет углем, дымом, каленым железом. Хороший запах, он успокаивает. В длинном кожаном фартуке подходит Морай и принимается разжигать горн. Он никогда не использует спички, а делает это по старинке: частыми ударами разогревает докрасна гвоздь и поджигает им паклю, а от нее уже вспыхивает костерок. Бренн замороженно следит за мастером.

Вот Морай надевает огромные рукавицы и, подождав, когда уголь в горне раскалится, закладывает туда кусок железа. Вот заготовка засветилась красно-малиновым. Кузнец клещами переносит ее на наковальню, берет ручник и начинает ковку. Удары быстрые, веселые. Когда цвет заготовки тускнеет до темно-красного, мастер останавливается: — Научись определять готовность железа к ковке по цвету. Если металл заиграет, заискрится звездами, значит, ты за ним не уследил, и он уже «сгорел». Суетиться поздно. Такая заготовка разлетится под ударами молота. Бренн важно кивает. Он понял.

— А коли заготовка недостаточно нагрета, то уж после нескольких ударов потеряет гибкость. И придется тебе опять закладывать ее в горн и нагревать. А от частых нагревов железо становится дурным, слабым... Потому в кузне всегда полумрак, чтобы легче следить за цветом металла...

\*\*\*

Бренн открыл глаза и наткнулся взглядом на сырые каменные стены Загона. Впервые за полгода ему привиделся сон из его прежней жизни. Желто-красные переливы на металле, веселый огонь в горне, ободряющая улыбка Морая, сверкнувшая в полумраке...

Сегодня Игра. День смерти или день победы.

Уже за неделю до проведения Игры живцов и следующих за ней боев кортавида, стены Казаросса и городских зданий пестрели яркими афишами, сообщавшими о подробностях устраиваемого зрелища. Большими яркими буквами писали имена самых успешных бойцов, — как свободных, так и бывших порхов, сумевших выкупиться и теперь продающих свои умения за деньги. Листки с программой раздавались гостям у всех входов и на зрительных рядах.

Тухлый Краб, знаменитый своей легендарной алчностью, очень хорошо умел считать и рассчитывать, и потому стоимость билетов на самые верхние трибуны была доступна даже обитателям Канавы. Курочка, он ведь по зернышку клюет... Так думал ан Хурц, умудрявшийся разглядеть в себе, не смотря на жабую внешность, эту самую кропотливую курочку... Но основная доля прибыли набиралась за счет дорогих билетов на первые и центральные трибуны, а также — благодаря азартным игрокам и бешеным ставкам. Изучая списки бойцов, зрители заключали пари, причем это разрешалось делать и в антрактах, и даже в определенные моменты в процессе представлений. Хозяин Казаросса учитывал все мелочи, все зернышки...

Пресыщенный казнями и зрелищами, великий город скучал, если опытные бойцы справлялись с морскими гадами слишком легко и быстро, а живцы на Игре отделялись лишь увечьями. Потому, чтобы насытить людской аппетит к кроваво-красочному зрелищу,

гибель трети новобранцев на Игре рассматривалась как обязательный минимум. Пороки и страсти требовалось подпитывать, иначе влечение зрителей к представлению угасало.

\*\*\*

В зелено-голубой воде древнего Аквариума растворено больше крови, чем соли, но в погожие дни она сверкает как изумруд, кожа молодых кортавида золотится под солнцем, а кровавые брызги кажутся особенно яркими и нарядными. Вместе с другими Бренн уже пару часов напряженно ждал лязга открываемого засова. Парни, которые сегодня провожали на Игру первую группу живцов, исчерпали запас насмешек и ободряющих слов, и сникли в глухом молчании. Бренн чувствовал, как в спину упираются их взгляды. Остающиеся сегодня в безопасности, они понимали, что судьба дала им лишь отсрочку на пару-тройку недель, и скоро с тем же безжалостным равнодушием насадит их на крючок... И тогда вслед за первой группой они покинут Загон, чтобы уже не вернуться.

Скудная порция жидкой похлебки не проталкивалась в горло. А больше ничего, кроме воды, им сегодня не давали. Да и плевать — от волнения Бренн все равно не мог глотать. Поставленная полгода назад цель — выжить, пробиться в группу лучших кортавида и выкупить свободу, теперь казалась далекой, как звезды, а все усилия казались тщетными. Даже лоху понятно, что обещание Тухлого Краба подарить ему свободу в случае победы над сквидом, дано лишь для вида, чтобы поддержать у зрителей репутацию «справедливого и доброго хозяина». Ведь нужно как-то обосновать тот факт, что уцелевшего живца — если он, конечно, уцелеет — сразу после Игры вновь отправляют в бой. А так — все приличия соблюдены, — великодушный владелец Казаросса Нут ан Хурц дарит шанс ничтожному, но везучему порху стать свободным. Правда, за определенную плату — за дополнительный смертельный риск. Неслышанная щедрость...

Наконец, дверь гроыхнула. Сегодня Шило сопровождали четверо стражников, державших наготове тулвары — случалось, что психика идущих на смерть молодых живцов не выдерживала, и они нападали на охранников и воспитателей. Чтобы напрочь вышибить даже мысль о подобных выходках, в коридоре их ждали еще четверо стражей с короткими тяжелыми мечами и алебардами. Этим страшным оружием в случае бунта рубили всех порхов без разбора — глубокие рваные раны не оставляли надежды выжить.

До начала представления их держали в Отстойнике — душной раздевальне, пропахшей старой кожей, едким потом и страхом. Здесь уже было приготовлено не учебное, а настоящее оружие, которое им предстояло опробовать впервые, однако до особого разрешения никто из живцов под страхом смерти не смел к нему даже притронуться. Надсмотрщики следили за каждым движением порхов, и Бренн чувствовал их тайную надежду на то, что кто-то их живцов сорвется, и можно будет устроить показательную расправу над непокорным рабом.

Одних парней накатывающий волнами страх заставлял онеметь, другие были в крайнем возбуждении, и не могли успокоиться, страдая неудержимой болтливостью, остальные бестолково топтались возле узких окошек-бойниц, за которыми бурлила и пенилась жизнь свободных. С одной стороны бойницы Отстойника, выходили на празднично украшенные трибуны и арену, где уже все было готово к Игре, с другой — на шумную площадь перед главным входом в Казаросса, накрытую огромной тенью древнего здания. Казалось, что там собралось население всего города.

Касаясь виском прохладного камня, Бренн жадно смотрел на площадь, впитывая краски, голоса и запахи. За полгода заключения в подземельях, это было первое, и возможно —

последнее свидание с родным городом. Квартал вокруг стен древнего центра развлечений лопался от обилия гостиниц, Веселых домов, дорогих и дешевых трактиров и шатров-закусочных, где кормили простой едой, но обильно и сытно. Яростные вопли зазывал эхом отражались от каменных стен. Шустрили разносчики, продавая лепешки с медом, жирные сладкие булки, горячие мясные и рыбные пироги. В лавках можно было отыскать любой товар: здесь продавали ветхие фолианты эпохи Раздора и дешевые книги с красочными картинками, целебные микстуры и редкие травы с юга, торговали тканями и готовой одеждой для простолюдинов и ноблесс, духами и притираниями, предлагали на разлив бочковый эль, синюху, сладости и механические игрушки... Вдоль стен тянулся ряд колясок и портшезов, возле которых сидели на коленях порхи-переносчики, ожидавшие хозяев.

К главному входу Казаросса то и дело прибывали паланкины богачей, легкие коляски, запряженные порхами, спешивались благородные всадники. Среди мужчин, потираясь о них бедрами и едва прикрытыми грудями, скользили молоденькие хусры, заманивая клиентов в Веселые дома и продавая картинку оголенных дев в крайне возбуждающих позах и разных видов соитий, где в качестве половых партнеров выступали собаки, свиньи, ослы, обезьяны и жеребцы.

Бренн напряженно выискивал знакомые фигуры и лица, — сегодня он постоянно думал о Дуги и Морае — вдруг здесь окажется кто-то из них, ведь теперь им точно известно, что он в Казаросса... И вполне может быть, что они купили билеты на балкон. Хотя вряд ли они на площади — ведь для простолюдинов предназначены входы в боковых арках здания. Да и если бы он их увидел, то все равно не смог бы подать знак... Надо заставить себя отвернуться, надо.... Но оторвать взгляд от кусочка прежней жизни, бурлящей за узким, как щель, окошком, не получалось.

В желудке застыл кусок льда, надежда на жизнь и возможное бегство благополучно сдохла еще вчера, когда он провернул в голове все сведения, которые ему любезно изложил Акулий Хрящ. И что толку было обсуждать план боя? Даже если он уцелеет в Игре, то остатков ядзу вряд ли хватит, чтобы справиться с огромным хищным гадом.

Потребуется целый мешок удачи от Перу-Пели.

Потребуется много чего еще...

\*\*\*

К главному входу для благородных направлялась открытая коляска, запряженная бледнокожей порхой, которая бежала, напрягаясь изо всех сил. На бритую голову невольницы была надета лошадиная узда, на плечи и шею хомут, к которому крепились оглобли. Ременная упряжь туго охватывала ее груди и проходила меж бедер. Кожаный треугольник прикрывал лобок невольницы, оставляя обнаженными ягодицы, исхлестанные плетью. Полулежащий в кресле Непорочный в красной широкополой шляпе то и дело дергал за поводья, и голова женщины откидывалась назад. Жрец не использовал лошадь или сильных упряжных порхов-мужчин, — похоже, он наслаждался мучениями молодой рабыни. Если порха замедляла бег, гибким стеком жрец наносил удар по ее заду и на коже вспухал багровый след. Еще две невольницы, бегущие рядом с коляской, обмахивали Непорочного огромными веерами из хвостовых перьев джаккайских дивноптиц. Коляску сопровождали четверо вооруженных телохранителей и двое эфебов.

Экипаж подъехал ближе, развернулся, и Бренн увидел лицо жреца. Ненависть и давний детский страх сжали сердце — невольницей управлял Отец Непорочных Скаах ан Хар. Лунообразное лицо, очки цвета тухлой крови и приветливая, будто приклеенная улыбка, не

сходившая с губ, даже когда жрец энергично хлестал рабыню.

Увидев продавца желтых слив, Верховный жрец резко натянул поводья и упряжная порха издала вопль, схватившись за мундштук во рту — по-видимому жесткое грызло впилося женщине в небо и язык. Это вызвало довольные смешки юных эфебов.

— Ах ты гнида подкожная... — пробормотал Бренн, ощущая ярость и свое полное бессилие помочь, наказать, отомстить...

Пожилой разносчик, кланяясь, подбежал коляске и протянул Жрецу блюдо с огромными сочными сливами. Выбрав и надкусив сливу, Скаах, скривив губы, отшвырнул ее и тут же «пришпорил» рабыню, хлестнув стеклом. Коляска резко тронулась, и торговец не успел отскочить — тяжелое колесо прокатилось прямо по его ступням в веревочных сандалиях. С воплем упав на спину, старик корчился, схватившись за раздавленные пальцы. В пыли золотистыми шарами сияли сливы.

Жаркая злость, ударившая в голову, и жажда мести подстегнули Бренна не слабее бича. Кроме Скааха, который изуродовал его детство, перед глазами всплыла самодовольная холеная рожа Вислоусого. Эти скоты ответят по полной! Бренн Ардан не поплетется безропотно на заклание, как жалкая овца... Он не сдохнет ни на Игре, ни в клюве поганого сквида... Он сам задушит этого морского гада, он выгрызет его сраный глаз!

*А если он выживет...* Нет, не так, — *а когда он выживет*, то сразу начнет думать, как выбраться из этой задницы и вернуть свою жизнь обратно.

Отвернувшись, Бренн подошел к противоположной бойнице, через которую открывался прекрасный вид на место смерти тысяч молодых парней — живцов и кортавида, погибавших здесь веками на потребу любителей острых впечатлений. Водная арена была раза в четыре больше бассейна с Каруселью, где проходили дрессировки свежаков.

Кровавое действо было продумано до мелочей. Чтобы публика не скучала ни минуты в ожидании главного зрелища, на ажурных перекидных мостиках, перекинутых через изумрудное водяное зеркало Аквариума, ее развлекали акробаты, танцовщицы, музыканты, шуты и жонглеры. Но Бренн сосредоточился на другом, — внимательно оглядывая водную арену, он запоминал расположение площадок, подвесных конструкций, прикидывая время перебежек, наиболее удобные и опасные места...

Дверь в Раздевальню отрылась — Хис Яппар, поморщившись от кислого запаха висевшего в тесном душном помещении, приказал всем снять набедренные повязки. После этого живцам было велено по очереди вставать в принесенный слугами чан, куда стекала красноватая маслянистая жидкость, которой рабы обливали каждого из больших ведер. Бренн почувствовал сладковатый железистый запах... Что-то знакомое... Точно — смесь анисового масла с кровью и мясным соком для привлечения хищных рыб. Бренн вспомнил рыбалку с Дуги у Черного зуба, в который раз с горечью осознавая, что теперь приманкой будет он сам.

После обливания Шило велел порхам расплести косы. Свежаков не стригли полгода, веля заплетать отросшие волосы, в отличие от живцов-дев, которых наоборот — безжалостно брили наголо, выскабливая кожу черепа. Парни зашептались.

— Но волосы сильно отросли — они будут мешать, лезть в глаза, господин... — попытался возразить Микко, — мы же ничего не увидим....

— Да неужто? — Хис Яппар, выпятив длинный подбородок, холодно смерил взглядом живца. — Ты ничего не увидишь, порх, если тебе выколуют глаза и выпустят на Игру с дырами вместо глаз — позабавить уважаемых гостей Казаросса... Пять секунд, порхи!

Живцы немедленно замолчали, поспешно расплетая косы. Двое слуг внесли в Отстойник большой медный сосуд — неприятный острый запах ударил в ноздри. — Теперь шире разиньте пасти, ублюдки, — эта дрянь даст вам шанс продержаться подольше. Кто спробует блевануть, велю утопить в сральнике, — равнодушно сообщил Яппар, шаря глазами по лицам рабов и выискивая признаки неповиновения.

— Это кифи... — услышал Бренн шепот коренастого темноглазого умшигтайца, — зелье наших шаманов — оно взаправду помогает...

Пришлось залпом проглотить полчерпака черно-зеленой комковатой смеси. Бренн с трудом подавил рвотный позыв, но через минуту сердце забилося сильно и мощно, по телу разлился жар, а кисти рук, казалось, сунули в огонь. Судя по частому дыханию и заблестевшим глазам парней, действие кифи почувствовали все. Живцы зашумели. Те, кого недавно скрючивало от страха, расправили плечи, переступая с ноги на ногу, как жеребцы. Шило с ухмылкой смотрел на жертв воздействия кифи. — Заткнулись и быстро надели тряпки под своими номерами! — кивнул он на груды уже приготовленного снаряжения.

Бренн мял старый кожаный нагрудник, жесткий от пота и соленой воды. Спереди на нем были выдавлены большие цифры — номер, по которому зрители ориентировались при заключении пари.

— Разве это защита, — разочарованно протянул Микко, надевая свой доспех, — хоть бы горжет какой-никакой был, чтоб шею и горло прикрыть, а так... хрень полная...

— Ну, да, — рассеянно кивнул Бренн, — давай, пряжки застегну, — он стянул на спине Микко ремни нагрудника.

— А это что за хусрова хреновина? — коверкая слова, пробубнил желтокожий Инг, с пренебрежением держа на одном пальце связку ремешков.

— А ты догадайся, — хмыкнул Гайр, ловко распутывая ремни, — это самая важная штука в защитной амуниции мужика, — живцам-девкам такую ценную вещь не выдают...

Хреновиной оказался кожаный набедренник-гульфик для защиты гениталий. Гайр надел пояс, ловко пропустил один ремень между ног и ягодиц и закрепил сзади на поясе. Бренн с раздражением смотрел на нововведение в амуниции живцов — он отлично помнил, что раньше, когда они с Дуги смотрели бои в Казаросса, ничего подобного не было. Бедра парней спереди и сзади закрывали широкие кожаные пояса-фартуки с разрезами...

— Инг прав — в этих гребаных начленниках, да еще и с длинной волосней, мы выглядим как хусры или как сучьи жопы, — скривился Коста, — с голыми задками напоказ.

— Привыкайте! — Яппар с удовлетворением разглядывал униженных порхов. — И помните, ублюдки, — тех, кто обгадится от страха и начнет жаться к защитной сетке, ожидает именно такая забавная участь. Я думаю, почтенная публика придет в восторг, когда в голые задки трусливых живцов вопьются зубы морских гадов и...

— И потому не стоит забывать еще и про этот довесок к амуниции, — оборвал его шагнувший в дверь Джерг Риган, ткнув пальцем в гору перчаток-каэсту. — Чтоб ладонь не скользила, когда придет нужда отодрать скользкую рыбину от родной жопы, — снизошел до объяснения сургач и сплюнул защечный джаккайский табак. — Да не тряситесь, как целки в Веселом доме, блевать тянет, на вас глядя...

На дрессировках каэсту никогда не использовали, и сначала Бренн решил, что перчатка лишь помешает сжимать пальцы и крутить в кисти оружие. Поколебавшись, он все же натянул потертую каэсту из тонкой кожи с вырезами на костяшках и оставляющую открытыми на пальцах две фаланги. Подбитая со стороны ладони акульей кожей, перчатка,

села плотно, но кулак, благодаря вырезам, сжался легко.

Взять боевое оружие им позволили лишь за несколько минут до начала Игры. Накануне, поразмыслив и выслушав десятки мнений сотоварищей, Бренн решил взять среднего размера кхору с изогнутым, расширявшимся на конце клинком, где была сосредоточена основная тяжесть. И это позволяло наносить мощные, быстрые рубящие удары, прилагая меньше усилий. Он покрутил кистью, привыкая к размеру кхоры — она была меньше, но немного тяжелее, чем тренировочная.

— В цепь! — скомандовал Яппар, и живцы, подхватывая кулачные щиты, вставали друг за другом, раздраженно отбрасывая длинные волосы с лица, которые лезли в глаза и рот. — Оружие в пол, глаза в пол, жопами ко мне и не двигаться!

Живцы послушно опустили мечи острием вниз и замерли под нацеленными на них алебардами угрюмых стражников.

## Глава 23. Люди и нелюди

По крутой лестнице Дуги поднимался на «балкон» — верхний ярус под самым навесом, прикрывающим зрителей, как от палящего летнего солнца, так и от зимних ливней. Вокруг толпились мелкие ремесленники и мастеровые, лавочники и портовые грузчики, школяры, солдаты, стражники и мореходы, кухарки, служанки и прочие, кто за небольшие деньги позволял себе подобное развлечение хотя бы раз в месяц. И, конечно, всех простолюдинов грела возможность хотя бы часок-другой поприсутствовать недалеко от высшей городской знати, а если повезет, — то и увидеть и рассмотреть членов королевской семьи, для которых была выделена отдельная ложа. Именно там время от времени появлялся на представлениях Белый Принц в окружении свиты из молодых ноблесс обоего пола.

Места в Казаросса расположены рядами на нескольких ярусах. Каждый предназначен для определенного сословия. Нобили Розстейнар, жрецы высших рангов, профессура Лаарской Академии, главы ремесленных и производственных цехов, а также богатейшие семьи Нижнего города занимали первый ярус, где кресла имели удобные спинки и подлокотники. К своим местам гостей благородной крови провожали служители в форме.

Трибуны второго яруса заполняли представители мелкой провинциальной знати, низшее жречество, обеспеченные горожане, торговцы, известные димеды и врачеватели, офицеры Королевской гвардии и Службы правопорядка, хозяева крупных гостевых домов. Зрители первого и второго ярусов чаще всего пользовались подъемниками, чтобы не утомлять ноги. На трибунах третьего яруса обычно собирались рядовые скорпы, купеческие семьи, небогатые студиозы, аптекари, мелкие торговцы и служители храмов. Причем, каменные скамьи третьего яруса поднимались достаточно круто, что позволяло лучше разглядеть происходящее в Аквариуме. А вот с балкона, где простолюдины смотрели представление стоя, обзор был намного хуже.

Дуги толкали грудастые прачки и торговки, наслаждаясь грубым вниманием матросов, которые то и дело прижимались к раскрасневшимся женщинам. Шло азартное обсуждение достоинств изгибающихся на мостках танцовщиц, пахло крепким дешевым табаком, крепким потом, синюхой и жареной рыбой. Иногда с первых трибун сюда доносились густые сладкие ароматы духов благородных дам и пряных масел жрецов. Вдоль рядов на первых ярусах сновали молодые порхи, предлагая знатым гостям фрукты, замороженные крема, пирожные, напитки и вино. Разносчики, толкающиеся в проходах и на широких лестницах, продавали печеные орехи, эль и сладости, дешевые бумажные веера и воздушные шары.

Но сегодня Дуги чувствовал только глухой стук сердца в ушах и не замечал ничего, уставившись на водную арену Аквариума. Совсем скоро он увидит Бренна, должен увидеть. Морай остался в кузне, и с самой зари без отдыха стоял у наковальни, пытаясь тяжелой работой унять нервное напряжение. — Его номер девяносто девять. Смотри в оба, — вздохнув, велел он. — Ты знаешь, что делать, если все пойдет, как задумано...

Перед Дуги, опершись на барьер, стояли караульные, отдыхающие после дежурства, широкоплечие матросы, мастеровые, и увидеть что-то за их спинами, а, тем более, рассмотреть номер на доспехе живца, было почти невозможно. Но он должен отыскать Бренна среди других... Сунув руку в потайной карман на поясе штанов, Дуги нащупал пару тяжелых монет, и решил спуститься ниже, чтобы купить зрительную трубу. Это было

дорогое удовольствие, которое позволяли себе лишь посетители первых ярусом — на эти деньги можно было неделю сытно кормить семью ремесленника из шести человек.

Вполне ожидаемо, что как только он спустился до нижних трибун, его остановил следящий за порядком охранник. С веселой угрозой вглядываясь в лицо простолюдина из Грайорда, он насмешливо оскалил зубы: — Ты чего это тут забыл, парнище? Никак заблудился?

— Я... это, трубу купить хочу... — буркнул Дуги, опасаясь, что не успеет объяснить, почему он оказался у рядов знати, и его просто вытолкают отсюда взащей. Однако бог удачи Перу-Пели оказался в хорошем настроении — за спиной блюстителя порядка как раз проходил слуга с коробом, наполненным зрительными трубами разных размеров.

— Держи, продавала! Я покупаю! — крикнул Дуги, трясая монетами в вытянутой руке. Страж обернулся, а слуга проворно поднялся по ступеням, чуть удивленно оглядывая простолудина, алчущего потратить деньги на роскошную игрушку. Через минуту Дуги сжимал небольшую — с пол-ладони, но тяжелую трубу в кожаной оплетке с длинным ремешком. Охранник хмыкнул — что взять с придурка — ведь отнимут, а он и глазом моргнуть не успеет.

Но Дуги и сам понимал, что если на балконе увидят такую замечательную вещь — считай, что ее уже у тебя нет. Сначала попросит глянуть один, потом другой, потом — труба пойдет по рукам и готово... Чтобы дорогую штучку не выдернули из рук, поднявшись, он забрался под самый навес, усевшись на один из мощных кронштейнов. И только потом осторожно достал припрятанную трубу и нацелил ее на арену. Труба и правда все здорово увеличивала, без обмана, — у сидящих на нижних трибунах жрецов он легко разглядел нагрудные амулеты, а у дам-ноблесс — кулоны, родинки на щеках и даже темнеющие под тончайшими платьями соски... прямо как у хуср из Веселых домов... А сквозь водную гладь отлично просматривалась яркая разноцветная плитка на дне Аквариума.

\*\*\*

Вечерние лучи, пробиваясь через полупрозрачную ткань навеса, играли солнечными зайчиками и создавали ажурные узоры на водяной глади и лицах гостей. Живительную прохладу дарили маленькие фонтанчики на трибунах для знати. Они разбрызгивали мелкую водяную пыль, рождая крохотные радуги. Невероятную красоту придумали мастера и декораторы, однако Нут ан Хурц был раздражен, — королевская ложа пустовала. Через связи в Розстейнар Тухлый Краб разузнал, что любитель кровавых зрелищ прионс Лизард на этот раз предпочел посмотреть бои тсаккуров и отбыл со всей свитой в Хатту, а ведь он всерьез рассчитывал на очередное щедрое пожертвование Белого принца в развитие Казаросса.

Кроме того, Игры живцов почтил своим присутствием Верховный жрец — великий Скаах ан Хаар, и это не в шутку напрягало Краба. Однако, поразмыслив, он нашел и повод для довольства — ведь вслед за Отцом Непорочных в Казаросса подтягивались жрецы высших и низших рангов, отягощенные кошельками с серебром и золотом, Дознаватели и Ловчие, а также глупые и азартные эфебы. Ну а как же, — усмехнулся Нут ан Хурц, — требуется не только проявлять показное рвение на службе, но и одобрять увлечения начальства, активно в них участвуя. Похоже, ставок будет много...

Таким образом, приток богатейших представителей Бхаддуара воодушевлял ан Хурца, отсутствие прионса Лизарда — расстраивало, а присутствие Скааха вызывало постоянное беспокойство, похожее на кожный зуд, так как настроение Верховного жреца было непредсказуемым. Изобразив на лице восторженное радушие, Тухлый Краб направился к

первому ряду первой трибуны.

\*\*\*

— Приветствую Владыку тайного и Светлейшего из Непорочных, — обласкали слух Скааха лстивые интонации в знакомом голосе. Помедлив, Жрец неспешно повернул голову в сторону хозяина Казаросса, и с точно рассчитанной степенью благосклонности кивнул, чуть приподняв угол рта с намеком на улыбку. Тухлый Краб, поклонился, демонстрируя приветливую улыбку и сверкая рубинами на зубах, но Жрец продолжал молча смотреть на него через темно-багровые стекла очков. Он ждал, и, скрывая злость, Краб все же довел принятую церемонию приветствия Верховного жреца до завершения.

С тайным злорадством Скаах наблюдал, как широкая жирная спина ан Хурца согнулась в глубоком поклоне, а шишковатая голова от усилий покрылась испариной. Он проследил, чтобы владелец Казаросса согласно традиции коснулся пальцами пыльных плит возле сандалий высокого гостя и затем с почтением приложил их к губам, растянутым в деревянной улыбке. Разогнуться Крабу помогли два молодых порха, поддержав под локти. Десны ан Хурца царапали песчинки, попавшие в рот с грязных пальцев, но Жрец упорно не отводил взгляда, и он не осмелился вытереть губы и пальцы о длинные волосы раба.

Откинувшись в кресле, Скаах взял палку-водило с крюком и резко дернул за кольцо-септум, свисавший из ноздрей стоявшей на коленях невольницы, — вскрикнув от боли, она подалась вперед, упершись ладонями в пол, чтобы Скаах мог уложить ноги на ее голую спину.

— Сядьте рядом, милейший ан Хурц, и развлеките меня беседой, — предложил Жрец, доброжелательно лучась морщинками на лунообразном лице. Тухлый Краб присел на край соседнего кресла, так, что его левая ягодица свесилась с сиденья... Казалось, будто он готов немедля вскочить по малейшему знаку собеседника. Обычно казавшиеся сонными, выпученные глаза ан Хурца сейчас настороженно бегали меж длинных век.

— Вам неинтересно представление, Владыка, — осмелился озвучить свою догадку Тухлый Краб, — да-да, я вас прекрасно понимаю, слабые живцы и страшные хищники — исход схватки предрешен, и вы скучаете...

— Ты решил, что можешь читать мои мысли и настроения, ан Хурц? — растягивая слова, прервал его излишняя Жрец. Повисла напряженная пауза, и хозяин Казаросса почувствовал, что готов обмочиться от страха, как грязная хусра во время порки в Веселом доме. Он не видел глаза Скааха за темно-багровыми очками, но ощущал его буравящий взгляд.

— Ну, не стоит так нервничать, милейший, — Жрец снова сменил интонацию на благосклонную, насладившись видом потного Краба, — меня весьма забавляет ваше мероприятие, — продолжал он, перебирая пальцами над персиками, поданными невольницей. Ее бритая голова и тело были покрашены в красно-белые полосы. Мода раскрашивать кожу порхов пришла из Ариании, с восторгом была принята в домах лаарской знати, и особенно часто применялась во время церемоний и празднеств. Поначалу покрытые краской порхи умирали спустя сутки, если их вовремя не отмывали от краски. Но после длительных опытов, проводившихся жрецами-алхимиками, в ходе которых погибла пара сотен рабов, изобрели состав, позволявший порху жить и работать в таком виде на протяжении нескольких дней.

Нут ан Хурц одним из первых понял привлекательность новой моды. И теперь на лестницах возле рядов знати с подносами напитков стояли молодые порхи обеих полов,

разрисованные под ягуара, зебру, покрытые змеиным узором, либо просто залитые с головы до ног зеленой, лиловой, голубой или оранжевой краской.

— Должен отметить, ан Хурц, что за те несколько месяцев, которые я не посещал ваши представления, Казаросса стал еще краше... — продолжил Жрец, — еще забавнее... И, как я понимаю, во многом благодаря удивительным механизмам, которые разработали для вас мастера Непорочных?

Круглое добродушное лицо Скааха исказила оголявшая десны и редкие зубы, улыбка, от которой Тухлому Крабу стало не по себе. Он опустил глаза, уставившись на черный матовый камень в золотой проволоке на груди Жреца и вновь согнул в поклоне широкую спину.

— Только лишь благодаря тому, Владыка тайного, что именно вы дозволили проводить эти разработки, — поспешил он удовлетворить ожидания Скааха, польстив его тщеславию. — Ведь без вашей заинтересованности и одобрения мы не смогли бы создавать подобные зрелища, быстро меняя колоссальные объемы воды и массивных декораций. Без многосторонней помощи ваших жрецов, мы не сумели бы держать такое количество молодых порхов в тонусе, повиновении и постоянном страхе. Я стараюсь радовать и удивлять такого почетного гостя, как вы, минрэй, и ваших друзей, конечно...

Ан Хурц изобразил легкий поклон в сторону арианского работарговца, развалившегося в кресле рядом с Отцом Непорочных и похотливо изучавший раскрашенное тело невольницы.

— Продолжайте... — Скаах лениво шевельнул пальцем.

— Радовать и услаждать — мой девиз, — взбодрился Тухлый краб, настороженно следя за изменениями на лице Жреца. — Суть успешной продажи удовольствий — не наскучить и не допустить пресыщения, — вещал ан Хурц, погружаясь в любимую тему, — недопустимо, чтобы удовольствия приедались зрителю. А для этого они должны быть разнообразны и, как бы «подпирать» друг друга, чтобы человек исходил слюной от возможности испытать блаженства самого разного рода. Как дитя, у которого разбегаются глаза в лавке сладостей...

Верховный жрец одобрительно кивнул: — Вы понимаете суть дела, потому и преуспеваете, мой дорогой ан Хурц...

— И сколько же морских тварей выпускают в Аквариум? — любопытствовал арианец.

— Больше сотни, минрэй, — растянув целевидный рот в резиновой улыбке, ответил Краб, — по несколько тварей на каждого живца, чтобы никого из них не обидеть...

— Да-да, не обидеть... конечно, — иноземец захохотал, оглаживая длинную бороду, перевитую множеством золотых цепочек. — И каковы же потери среди порхов?

— Случается, что погибают все живцы — часть в течение боя, часть — позднее, от потери крови и увечий. Но в среднем — от трети до половины новобранцев, — терпеливо объяснял Краб, однако по привычке он не отрывал глаз от лица Скааха.

— И неужели их покупка, содержание и дрессура окупается?! — вскинул густые черные брови гость. — Учитывая, все прочие колоссальные затраты на подобное заведение?

— Обязательно окупается, мой почтенный гость... И доказательство тому — увлекательные представления, которые Театр развлечений Казаросса дарит своим гостям, и которые становятся все интереснее, — велеречиво уклонился от прямого ответа Тухлый Краб и добавил, наклонившись к важным гостям: — После окончания боев кортавида я рекомендую остаться на новинку, мои минрэй...

— Что за новинка? — заинтересовался торговец, энергично поедая крупные жареные

креветки в остром соусе и вытирая жирные пальцы о волосы порха.

— Впервые в истории театр развлечений и зрелищ Казаросса представляет Игры Золотых рыбок. — Краб поднял вверх палец, призывая гостей к вниманию. — В роли живцов будут выступать молодые самки, подготовленные нашими опытными дрессировщиками. Сразу тридцать голов. Причем в их боевом наряде предусмотрено обнажение не только ягодиц, как у юношей, но и груди. Признаюсь честно — когда визжащая порха прыгает и скачет по арене, спасаясь от зубов хищных рыб, это выглядит весьма соблазнительно.

— Заманчиво, — причмокнул влажными красными губами торговец. — Каков же возраст женских особей?

— Я лично отбирал крупных половозрелых самок не старше восемнадцати, рослых, с хорошо развитыми формами, которые, несомненно, будут услаждать ваш взор и множить фантазии...

— Что ж — не скрою, я весь в предвкушении, — заблестел глазами работорговец, облизывая толстые губы.

\*\*\*

Наконец, развлекающие публику артисты покинули легкие арочные конструкции, которые за несколько минут сложились и втянулись в стеновые ниши. Аральдо поднесли к губам огромные, причудливо изогнутые морские раковины, надули щеки, побагровели, и над водной ареной раздался оглушительный протяжный рев.

Дуги задержал дыхание, наблюдая, как вода в Аквариуме забурлила, и с громким скрежетом из нижних и боковых люков стали медленно выдвигаться мощные опоры с металлоконструкциями, образуя сложную игровую зону — Колесо. В центре располагалась платформа с марсом — вышкой и небольшой площадкой для маора — распорядителя игр, а от нее спиральным веером расходились разноуровневые мостки-брусья, которые могли вращаться вокруг платформы. Мостки упирались в стенку широкого барьера, обрамляющего чашу Аквариума, к которому крепились штаги металлоконструкций. На платформе лежали запасные мечи, короткие трезубцы и копья, которые можно было использовать, если в бою живец терял оружие. Правда, до них нужно было суметь добраться.

Зрителей от всех угроз защищала прочная барьерная решетка с крупными ячейками, не мешающая полноценному обзору. За сеткой по всему периметру арены стояли пинчеры-подгонялы, в обязанности которых входило «подбадривать» трусоватых живцов. Прутьями, которые до нужного момента находились в урнах с раскаленным углем, они прижигали задницы парней, если те уклоняясь от боя, задерживались на барьере — подальше от хищных рыб.

Дуги передернуло, когда сквозь прозрачную, пронизанную светом, воду он увидел, как в клетках, расположенных на дне по периметру аквариума, возбужденно закружились темные силуэты. Длительно голодавшие морские гады готовились к пиру.

Маор неспешно прошествовал на платформу и по винтовой лестнице поднялся на марс, усевшись в удобное вращающееся кресло. Располагаясь высоко над ареной, распорядитель мог обозревать всю ее площадь и подавать нужные знаки. Как только маор ударил в старинный бронзовый гонг, извещая о начале Игры, его грозный нарастающий призыв слился с троекратным ревом раковин и возбужденными воплями трибун.

Игра Живцов началась. Дуги приник к зрительной трубе. Под крики публики на барьер друг за другом выходили полуголые живцы с блестящими от масла телами и длинными распущенными гривами волос. Потрясая оружием, юноши пару раз обошли арену, крича во

всю глотку: слава генусу Сарэй! Слава Готфриду, слава Элмере Милостивой, слава Бхаддуару! В это время пинчеры, держа наготове раскаленные пруты, внимательно следили, чтобы порхи славили властителей Лаара как можно громче.

По знаку маора юноши остановились на одинаковом расстоянии друг от друга. Вот он! Девяносто девятый! Дуги напряженно смотрел на жилистого, невысокого парня с выгоревшими на солнце длинными вьющимися волосами, падавшими на лицо. Он едва узнавал в нем Бренна. Этот до черноты загорелый порх со злым взглядом прищуренных глаз и жесткой линией рта выглядел много старше своих четырнадцати лет.

\*\*\*

— Как же хороши эти порхи, — рэя Зильфана с восхищением изучала смуглые, лоснящиеся от масла, тела. — Одно удовольствие смотреть, как развеваются их длинные кудри и сверкает кожа... — Ее ноги, обутые в открытые туфли на каблуках, лежали на обнаженной спине молодой рабыни, принявшей позу собаки.

— Не смей меня, Зифф, дорогая, — тебя привлекают вовсе не кудри, а упругие задницы этих молодых оголодавших самцов... — усмехнулась ее приятельница рэя Мориган, разглядывая тела юношей в зрительную трубу.

— Ты читаешь меня, как книгу, милая, — Зильфана прищурила глаза, подведенные на арианский манер, так что, стрелки соединялись с концами бровей на висках.

— Тебе не хватает смазливых порхов в доме? Ведь так удобно пользоваться ими для интимных забав...

Ноблесса с раздражением сморщила узкий нос: — Ты наверняка знаешь, — мой супруг, чтобы досадить мне, специально покупает для обслуги только уродливых или кастрированных порхов. Конечно, многие из них выдрессированы для удовлетворения плотских потребностей хозяев, чем постоянно пользуется моя свекровь... чтоб она сдохла во время похотливых утех, старая курица!

От злости Зильфана ткнула острыми каблуками в бок стоящую на четвереньках порху. Девушка от неожиданности вскрикнула, и рэя раздраженно ударила ее по бритой голове сложенным веером.

— Не шевелиться! Не издавать звуков! — приказала она резким визгливым голосом, и продолжила интересующую ее тему, изучая покрашенного в розовый цвет раба, стоящего на ступенях с блюдом сладостей: — Но ты же понимаешь, Мориг, это совсем не то, что использовать свежего, не оскотенного порха с гладкой кожей, ощущая под пальцами его напряженный орган.

— Тогда я тебя порадую, — рэя Мориган повернулась к подруге, — затейник ан Хурц придумал в Казаросса нечто новенькое. Теперь не только в мужские ложи, но и в женские — за небольшую плату выпускают красивых дрессированных порхов любого пола для ублажения гостей прямо во время представлений. Чтобы раб приступил к своей приятной работе, нужно просто дернуть за цепь в септуме меж его ноздрей.

— Какая прелесть! — оживилась рэя Зильфана и ее изящные ноздри затрепетали.

— Умерь свою плотоядность, Зифф. Потерпи — порхов приведут, как только в Аквариуме появится первая кровь. Владелец Казаросса отлично знает, что подобные зрелища сильно возбуждают половые фантазии, и умело извлекает из этого прибыль.

— Да он мастер своего дела! Значит, сегодня, Мориг, мы с тобой позабудемся с порхами на воле, а не в четырех стенах среди одних и тех же надоевших лиц и тел. Хорошо, что я не взяла сегодня с собой дочь — в двенадцать лет рановато подвергать ее искушению.

— Думаю, что зря не взяла, Зифф, — лениво возразила рэя Мориган, — она вполне зрелая дева, и наверняка ее уже пару лет удовлетворяют языки умелых домашних кастратов.

— Меня не слишком беспокоят ее девичьи забавы, Мориг, лишь бы она сохранила целостность до замужества, чтобы предстать невинной перед супругом. Как только ей исполнится тринадцать, я собираюсь выдать ее замуж... И с очень большой выгодой — на Юлию уже давно поглядывает двоюродный дядюшка моего супруга — почтенный рей Номмар. Неслыханно богат, неимоверно... — рассеянно заметила ноблесса, что-то прикидывая в уме...

Насколько знала Мориган, дядюшке супруга рэи Зильфаны было уже далеко за семьдесят, но он считался весьма неутомимым жеребцом, пользуясь домашних рабов обоюго пола. Конечно же, благодаря драгоценными снадобьями врачей Ордена. В глубине души она посмеивалась над подругой. Как это жалко — зависеть от денег супруга, плотских потребностей, да еще и спихивать едва достигшую совершеннолетия дочь в тошнотворные объятия сладострастного старика... Фи! Гадость какая...

\*\*\*

Брени старался успокоиться, размеренно дыша. Его наспех составленный план был прост — первый шаг — уцелеть в Игре, второй — вырвать свою жизнь из пасти сквида, а дальше... а дальше он что-нибудь придумает. Несмотря на глухое отчаянье, в сердце теплилась робкая надежда. Он был готов драться в врагами в зверином и человеческом обличье также яростно, как урхуд бьется за свою жизнь с окружившими его плотной стеной безжалостными Ловчими.

Присев на барьере, живцы несколько раз плашмя ударили по водной глади мечами. Игра! Игра! Игра! — орали парни, грязно ругаясь и распаляя в себе злость, чтобы подавить ужас перед надвигающейся смертельной угрозой. И в ответ на их яростный призыв из клеток выскользнули десятки стремительных хищных теней. Огибая опорные мачты подъемной конструкции, голодные рыбы быстро поднимались навстречу вопящей добыче.

Трибуны возбужденно подвывали. Напряжение достигло предела.

## Глава 24. Игра Живцов

Еще миг — и вода вскипела. В фонтанах сверкающих брызг из нее стали выпрыгивать голодные морские твари, наводясь на вкусно пахнущие мясным соком жертвы. Бойцы заметались по арене. Все вокруг Бренна наполнилось массой звуков, где всплески воды и свист мечей смешивался с воплями живцов, воплями зрителей, влажным хрустом ударов, тяжелыми шлепками и дрожью узких мостков, прогибавшихся под ногами.

С первых секунд Игры стало ясно, что стремительность и агрессия хищников-летяг не идет ни в какое сравнение с механическими рыбьими куклами, которые применял на дрессировках в Колесе. Кроме того, площадь арены, многократно превышающая площадь бассейна на побережье, как и множество дополнительных разноуровневых мостков сбивали все ориентиры, к которым Бренн привык за полгода. Подвесные конструкции находились в непривычных местах, канаты и кольца были сдвинуты, расстояния увеличились, — все, все было совсем по-другому. А приказ Тухлого Краба распустить по его прихоти отросшие волосы — оказался коварным ударом под дых, сводившим мизерные шансы выжить почти к нулю. Падая на лицо, длинные волосы, путающиеся на бегу, закрывали обзор, цеплялись за кожаные наручи, каэсту и даже за плавники рыб...

Стараясь отследить множество движений со всех сторон, Бренн едва успевал отражать атаку хищников, прикрываясь и отводя удар зубастых рыл кулачным щитом. Отталкиваясь мощными хвостовыми плавниками, похожие на огромных плотоядных головастика химеры выскакивали из воды и парили над ней несколько метров на крыловидных грудных плавниках. Они впивались в тела живцов, били рылом, сталкивая их в воду, где быстро расправлялись с неудачниками. Не прошло и пяти минут боя, как мерцающую лазурь Аквариума украсили расплывающиеся пятна крови.

Хрясь! Вспоротая мечом гадина шлепнулась на брус перед Бренном, заливая дерево бледной кровью и слизистой требухой... Пока ему удалось отбить несколько атак, нанося хищникам рубленые раны. Пока! Но как выдержать такой дикий темп дальше...

— Бойся! — услышал он пронзительный вопль Микко, и едва успел среагировать — пятнистая мурена, растопырив грудные плавники, уже летела на него — Бренн видел приближающуюся бугристую морду с мерзкой пастью, разъявленной в жуткой улыбке храфна. Он увернулся, уходя от атаки, и уже в прыжке достал тварь кхорой, развалив ее плотное змеистое тулово. Бросился вперед, и тут же оказался на четвереньках, сбитый с ног тяжелым ударом тупорылой бычьей акулы, и едва не сорвался в воду... Щит, спасший его от ее зубов, треснул, но менять его времени не было...

— А-ааа! Истошный крик за спиной. Бренн резко обернулся, отбрасывая с глаз волосы, — полуметровая химера с безобразно раздутой головой вьелась в лицо джаккайца Вассы, нанося удары жестким бичевидным хвостом. Уронив тесак в воду, живец орал, размахивая руками и едва удерживая равновесие на маленькой площадке меж расходящимися брусьями. Успею! — пронеслась мысль. Перепрыгнув на площадку к парню, он сжал хвост твари, отметив мельком, что перчатка помогла вцепиться жестче, — и резко сдернув химеру с лица Вассы, тут же рубанул по ней мечом... Но проклятая рыбина так не разжала клювовидные зубы, вырвав бедняге верхнюю губу и часть щеки. Кровь заливала шею и кожаный доспех израненного Вассы, но, продолжая орать и преодолевая боль, тот уже мчался к центральной платформе за новым оружием.

Бренну казалось, что он впал в странное сумеречное состояние, когда тело движется без его контроля, руки сами по себе отражают удары, испарывая рыбы тулова... А он сам наблюдает за этим со стороны... А вокруг — вихрь из бегущих и прыгающих тел, мелькающих мечей и атакующих морских гадов.

Как и в Колесе, на закрепленных над водой конструкциях, свисали канаты, жерди и кольца. Кому-то из парней удавалось, вцепившись в них, поджать ноги и избежать острых зубов, но многие недопрыгивали или срывались, не удержавшись под тяжестью рыбин, повисших на их голеньях. В такие моменты трибуны взрывались визгом, криками, ревом и свистом — кровавое развлечение доставляло публике массу удовольствия.

Неожиданно Бренн наткнулся взглядом на побелевшее лицо Косты, который замер на площадке в паре десятков метров от него. Одного из лучших живцов будто парализовало, — Коста, похоже, не находил сил даже прикрыться кулачным щитом, чтобы защитить пах от кинжаловидных клыков летящего навстречу алепизавра. Сука Шило! Сука Риган! Бренн стиснул зубы, — их даже не предупредили, что кроме мурен и химер в Аквариум выпустят мелких летучих акул и кинжалозубов — этих ископаемых убийц...

Отличную реакцию, которую Коста всегда показывал на дрессировках, подавил ужас. Еще миг, и бледнокожему конец, — но над водой уже летело смуглое гибкое тело Гайра — качнувшись на кольцах, он вбил пятки в бок кинжалозуба, отбросив его с линии атаки, и прыгнул на площадку рядом с оцепеневшим Костой. Тот будто очнулся, придя в себя, что-то проорал, плюясь и кривя рот, но, пригнувшись, принял, наконец, боевую стойку.

Гадство! — над водой выступил жесткий спинной парус стремительного меченоса. И еще один, и еще! Время вдруг загустело, растянувшись в длинную клейкую нить, и Бренн будто во сне увидел, как за спиной Гайра из воды медленно поднимается в воздух рыба-меч. Бренн успел сорваться криком — бойся!! — и с облегчением увидел, что староста уже развернулся лицом к хищнику и наклонился в сторону Косты, ожидая, что тот прикроет его своим щитом.

Мразь!! — с хрипом вырвалось из горла... Он увидел, как Коста делает широкий шаг, прячась за спину Гайра, и щитом толкает его вперед — прямо навстречу смерти. Он видел, как длинный рострум — острый челюстной вырост рыбы — пробивает живот Гайра, как толчками бьет кровь, как меченос увлекает насаженного на челюсть парня на дно Аквариума, и за ним тянется густой кровавый след. Как длинные черные волосы клубятся вокруг тела, которое скрывается за тушами рыб, прибывших на пиршество.

Быстрый, смелый, справедливый Гайр! Закипая от горечи и злости, Бренн почувствовал, как из груди рвется звероподобное рычание, — он убьет эту бледнокожую гниду Косту! Время вновь забурлило, как вода на Арене. И он бежал, прыгал, крутился, разрубая кхорой тварные скользкие тела и ощущая, как мелкими горячими иглами растекается по телу ядзу, прибавляя скорости и сил.

Стремительное движение под водой, и взлетевший меченос уже несся на него, нацелив ему в шею страшный рострум. Извернувшись, Бренн в резком развороте рубанул по смертоносному выросту, подхватывая его на лету. Изгибаясь и бешено дергаясь, краснобурая тварь ушла под воду. Повинуясь внезапному порыву, Бренн протиснул убийственно острый рострум за поясной ремень, сдирая кожу на пояснице жестким хитиновым покровом. Трофей? Зачем? Он не знал... Но пусть будет...

Отыскивая среди живцов Косту, потеряв обзор из-за спутанных волос, он отвлекся и пропустил угрозу, — сразу две химеры летели на него, а третья выпрыгнула совсем рядом...

Неловко прыгнул вбок и назад, и, сорвавшись со скользких от крови и слизи досок, с головой ушел под воду.

Давай! Давай, храфнов сын! — кричал он сам себе, чувствуя, как его охватывает паника. Бросив щит и кхору, Бренн рывками поднимался вверх. Глотнул воздуха, подтянулся, ничего не видя за мокрыми прядями, плотно облепившими лицо, и тут же взвыл — в бедро вонзились зубы мурены. Сжав мощные челюсти, рыба повисла на ноге и тянула его вниз — вода стремительно становилась красной. Где-то вдали глухо вздымалось гудение трибун, нарастающее, как штормовой рокот. Яджу забило в виски, вливая в мышцы силу, — и он все же сумел подтянуться и выбросить себя на доски. Не сдерживая крик, обеими руками обхватил возле головы бьющуюся мурену и с силой дернул, заорав от боли во все горло. Подбитые акульей кожей каэсту спасли — голыми руками он не смог бы так цепко ухватить скользкую тварь. Из раны на месте вырванного мяса широкой полосой стекала кровь. Но ему все еще везло — кровь не била, как при разрыве крупного сосуда, и онемевшая нога все же двигалась... Да! Но еще пара глубоких укусов, и он не дотянет до конца Игры. И чем дольше вытекает кровь, тем быстрее иссякнут силы, даже подпитанные яджу. Что делать!?

Увидев вскочившего на барьер живца, мордастый пинчер потянулся к торчавшему из жаровни стержню, предвкушая, как вонзит его в зад трусливого порха... но Бренн опередил его — прямо через решетку он схватил за веревочную обмотку багровый от жара прут, и, стиснув зубы, плашмя прижал его к ране. Задышающийся крик превратился в хрип, но раскаленное железо сделало свое дело — кровотечение резко уменьшилось. А прут, на котором пузырилась и шипела его кровь, Бренн без колебаний вбил в пах пинчера. Тот завизжал от боли и ужаса, суча короткими ногами, и ближайšie зрители завыли от садистского восторга, наблюдая, как дымится плоть вместе с набедренным фартуком визжащего погонялы.

Бренн не мог объяснить, но ему показалось, что дергающая боль от ожога будто перетекла в тело корчащегося за решеткой мордастого мужика, и стала намного, намного слабее. Он отвернулся от уroda с проткнутыми яйцами, лихорадочно размышляя. Без щита и оружия — он труп, значит, главное сейчас — добраться до центральной платформы, где он возьмет и то, и другое. Онемевшая нога оставалась рабочей, значит шанс есть. Соскочив с барьера, Бренн убедился, что может бежать. Подпрыгнув, вцепился в кольца, свисавшие над соседней площадкой, и с силой качнулся. И еще, и еще раз, увеличивая размах. Короткий полет над водой, и он, как кошка, прыгнул на площадку рядом с умирающим живцом, ступни которого уже объедали мурены.

Нацелившись на следующую пару колец, Бренн снова коротко разбежался, — толчок, прыжок вверх, раскачка — и он пролетел еще часть пути, едва успев поджать ноги — кинжалозуб прошел понизу, ободрав кожу на голой заднице иглами спинного плавника. Помчался по узкому брусу и резко затормозив, чуть не полетел в воду. Навстречу, отбиваясь от жабовидных химер и не замечая Бренна, бежал Микко с окровавленными искусанными ногами. Если они столкнутся, то оба сорвутся с досок, чтобы через пару секунд превратиться в сочный корм. Он напрягся, прыгнув с места на ближайший брус, задрожавший от удара, и синеглазый промчался мимо...

Без щита и меча оставалось лишь одно — уворачиваться от бросающихся на него рыб, пытаясь не сорваться с бруса и не свалиться в кишашую смертью воду. Бренн подпрыгнул, пропуская под собой химеру, и едва удержался на узкой доске, упав на нее плашмя, чтобы уйти от рострума меченосца. Вскочил, но его тут же атаковал здоровенный пилорыл —

боковые зубцы на длинном рыльном выросте пилрой прошли по левому предплечью.

Острый всплеск боли вырвал из глотки крик. Рука онемела, а до площадки маора с запасным оружием осталось совсем немного. На бегу Бренн пытался направить ядзу в направлении раны, не особо понимая, что и как делает, но ему становилось легче — пальцы сжимались, толчки крови стали реже. А вот боль усилилась... — или то, или другое...

Добежал. Подхватил маленький кулачный щит, и — храфнова жопа — с досадой увидел, что запасные тесаки уже разобрали, осталась лишь пара трезубцев. Пусть так! Он умеет работать и с ними.

Бренн пригнулся, нашаривая взглядом мускулистую крупную фигуру Косты. Среди крутящихся живцов и летящих рыб, выцепил рыжеватую копну волос... Будто ощутив его взгляд, Коста резко обернулся и, встретившись глазами с Бренном, широкими прыжками помчался на другой конец Аквариума, на ходу отбив атаку кинжалозуба. Умелый, отлично выдрессированный живец — ему ничего не стоило прикрыть Гайра, отразив нападение хищника. Но Коста вмиг просчитал, что лучше сделать наоборот — прикрыться своим безоружным спасителем, толкнув его на острую челюсть меченоса, и таким образом — решить сразу две задачи — избавиться от ненавистного старосты и выиграть драгоценное время.

Теперь Коста по полной использовал свои умения, до сих пор не заработав даже средней паршивости раны, — зло позавидовал Бренн. Гад! Сильный, ловкий гад! Бренн рванул было в его сторону, но вокруг вскипела вода, и пришлось резко присесть. Он крутанулся на пятке, стараясь не пропустить появление очередной твари. Темно-бурая пупырчатая туша химеры выпрыгнула из воды совсем рядом, нацелив на его живот раззявленную пасть. Он едва успел упасть спиной на брус, чуть не свалившись с него, и толкнуть вверх трезубец. Длинный средний зуб вспорол зеленовато-бледное брюхо, на миг нависшее над Бренном. Он едва успел увернуться от вываливающихся ему на голову кишок, которые тянулись за рыбьим туловом жирными сизыми бусами.

Он упорно гнался за Костой по всей арене. За короткий промежуток времени с момента гибели Гайра цель «выжить» заслонило жгучее желание мести, затмившее все остальное. Бренн знал — за убийство живца во время Игры следует неминуемая казнь. В данном случае — его казнь. А предавший и подставивший старосту хитрожопый Коста наказан не будет вовсе — ведь он не применял боевое оружие.

Бледнокожий перескочил на барьер и помчался вдоль него, понимая, что Бренн неминуемо отстанет, прыгая по узким брускам, где приходилось замедляться, отбиваясь от рыб, а барьер был зоной относительной безопасности. Вдоль него уже лежало несколько тяжелораненых живцов, но Косту это не останавливало — он бежал, как бешеный кабан, безжалостно топча израненные тела еще шевелящихся парней, не сомневаясь и не замедляясь ни на миг.

От отчаянья у Бренна перехватило горло — на пути Косты лежал окровавленный Микко. И он был жив — он двигался, приподнимался на локтях! Еще немного, и Коста наступит ему на горло или живот, выдавливая остатки жизни. Подумать Бренн не успел — его руки сработали сами. С силой брошенный трезубец вонзился не в Косту и не в его щит, а застрял меж прутьев сетки поперек барьера. Хрясь! — с разбега бледнокожий врезался кадыком в дрожащее древко и, вцепившись в решетку, чтобы удержаться, хрипя, развернулся к Бренну. Выставив вперед длинный гладиус, он хватал ртом воздух и криво скалился, понимая, что даже в этом случае ситуация — в его пользу. Прищуренные глаза сочлились

злостью, сверля оставшегося без оружия Бренна.

— Отсоси, сучья жопа! Я вгону тебе меч в сраку по самое горло! — ненавидяще просипел Коста. Но его слова перешли в разъяренный вопль — подскочивший пинчер ткнул раскаленный прут ему в ягодицу. Рыча и пытаясь уйти от грызущего плоть жара, Коста прыгнул с барьера вперед — на брус. Ближе к Бренну.

Время несло так стремительно, что ядзу, казалось, не успевало за ним, проявляясь лишь слабым покалыванием под ложечкой. Плоское тулово пилорыла, черно-серое в лиловых пятнах, вынырнуло в россыпи сияющих брызг и взлетело совсем рядом. Бренн успел — отбил щитом рыбину, но боковые зубы ее челюсти, резко дернув, вырвали щит из рук. Миг, и слева атакует метровая мурена, нацелившись на низ живота, который уже нечем прикрыть. Нечем! Бренн четко видел злобные колючие глазки, желтый морщинистый зоб под распахнутой треугольной пастью, мерзко шевелящиеся трубки ноздрей.

Храфн поганый! — пытаясь увернуться и не удержав равновесие, Бренн сделал единственное, что мог — резко сел в «штаг» меж расходящихся соседних брусьев, упершись в них пятками. И ему вдва хватило длины ног — будь расстояние меж брусьями шире, и уже ничто не спасло бы его. Вдоль мышц рванула боль, но извивающееся плоское тулово прошло прямо над головой — прядь волос на макушке вырвало острыми концами брюшного плавника. Но теперь вместо рыла мурены перед глазами качалось злорадное лицо Косты. Враг нависал над ним, стоя совсем рядом, исходя потом и бешенством, но Бренн чувал, что хитрожопый живец не станет использовать меч, не подставится под казнь за убийство — он избавится от него по-другому, подло, — как избавился от Гайра.

В ушах зазвенело, время замедлилось и растянулось как патока. Будто в тяжелом сне, он видел — Коста поднимает ногу, чтобы со всей дури врезать ему пяткой в переносицу и свалить вниз. Что ты сделаешь, девяносто девятый, зависнув жопой меж досками над бурлящей водой? То, что сделает любой, у кого... есть смертоносное оружие...

Он вложил всю силу в короткий удар снизу — выхваченный сзади из-за ремня роострум меченоса вошел как в масло меж расставленных ляжек Косты, разом пробив мочевоу пузырь и кишечник. Одним толчком вскочив из «штага» на доски, Бренн успел подхватить гладиус, выпавший из руки врага, и молча смотрел, как, раззявив рот и дергая кадыком, тот заваливается, тяжело рушится в воду, подымая тучу брызг, и как пятнистая мурена с ходу вгрызается ему в окровавленную промежность. По трибунам прокатился хохот и свист. Другие твари, раздраженные запахом крови, как бешеные набросились на еще трепыхающуюся жертву. Уже срываясь с места, Бренн видел, как отчаянно бьющегося Косту раздирали четверо хищников, вырывая куски мяса из живой добычи.

По ходу Игр возбуждение публики росло соразмерно числу растерзанных парней. Господа в ложах дергали рабынь за кольца, едва не вырывая их из ноздрей, пригибали их головы вниз, заставляя ласкать ртом вздыбленные органы, лихорадочно высвобожденные из бархата штанов. Знатные дамы впивались длинными ногтями в пенисы красивых порхов и тянули, принуждая юношей вылизывать их под вздернутыми юбками. Обилие крови горячило вялые и пресыщенные сердца нобилей из Розстейнар, распаяя жестокое сладострастие... а также веселило и самых бедных обитателей Бхаддуара, отвлекая от повседневности и житейских невзгод. Свирепый азарт и древняя первобытная радость от созерцания мучительной смерти не выпускали из когтистых лап всех подданных королевства без разбора, уродуя их мысли и калеча души.

\*\*\*

Мышцы уже немели, наливаясь тяжестью и тянущей болью, когда над водной ареной, наконец, заколыхались гулкие волны гонга и заревели морские раковины, извещая об окончании Игры живцов. Острая челюсть бронзовой меч-рыбы на водяных часах воткнулась в цифру восемнадцать — именно столько длилась битва новобранцев. Всего-навсего! Бренну показалось, что все эти бесконечные восемнадцать минут он вообще не дышал.

Одиннадцать израненных парней стояли на барьере, глядя на побуревшую от крови воду, в которой плавали куски человеческого и рыбьего мяса. К облегчению Бренна, Микко пострадал не так сильно, как показалось, — он был в сознании и даже чуть приподнял ладонь, нашарив его глазами, и Бренн подтащил его к себе, усадив рядом и оперев спиной на решетку.

Из первой партии дрессированных порхов числом в двадцать пять голов уцелело пятнадцать, помеченных укусами и ранами разной глубины. Четверых тяжелораненых, которые не могли ни стоять, ни сидеть, унесли. У одного химера вырвала глаз и нос, у двоих с порванными сухожилиями тела превратились в куски мяса, сочащиеся кровью. Потратится ли хозяин Казаросса на их лечение? Бренн не обманывал себя — потратит, если кого-то из этих калек можно пользоваться дальше, как рабочий скот — в Харчевне или в подземных лабиринтах Театра развлечений...

Маор встал и, ударив жезлом в бронзовый гонг, торжественно провозгласил в рупор ожидаемую фразу: — Участники Игры живцов! Наши уважаемые гости желают убедиться, что среди уцелевших не скрываются презренные трусы! Разворот! — он вновь ударил в гонг, и его вибрирующий тембр показался Бренну особенно мрачным...

Парни повернулись спинами к центральной платформе, и Бренн, подтянув вверх и удерживая то и дело теряющего сознание Микко, велел ему одной рукой схватиться за прутья решетки, а другой обхватить себя за шею. Он знал, что глаза маора и зрителей сейчас шарят по их голым задницам, подсчитывая количество ожогов, оставленных раскаленным прутом пинчера-погонялы.

Зловеще оголяя в улыбке частокол крупных выбеленных зубов, маор направил жезл на шеренгу юношей:

— Убедитесь, господа! Живцы под номерами пять и семьдесят один выдали свою трусливую сущность, и не достойны звания кортавида! Позор! — взревел он, и его возмущенный театральный вопль с упоением подхватили на трибунах. У стоящего слева от Бренна семьдесят первого подкосились ноги, — на его заднице красовалось пять ожогов от прутков погонял.

— Избавимся от недостойных! — ревел маор, распаяя зрителей, и его голос, многократно усиленный рупором, волнами катился по трибунам.

Под направленными на них трезубцами охранников, живцы прошли в узкий проем меж стоек решетки, где, сгорбившись и пряча глаза, сняли с себя амуницию. Голых парней погнали по периметру Аквариума, чтобы все могли насладиться их позором и унижением. Бренн невольно содрогнулся, представив их кошмарное будущее после этой прилюдной травли.

— Ссыкло! Говнюки! Сосите, ублюдки! — бесновались зрители Нижнего города. Но и благородные напрочь забыли все приличия и надлежащую сдержанность в эмоциях. Дамы-ноблесс, сидящие в креслах на первом ряду, вскакивали, швыряя в опозоренных юношей камни из заранее принесенных рабами корзин, а господа, бесстыдно оголив половые органы, мочились на головы живцов, или плевали, соревнуясь друг с другом в меткости и стараясь

попасть им в лицо.

Когда юноши, подгоняемые пинками и ударами пинчеров, скрылись за дверью, маор торжественно поднял обе руки, а центральная платформа стала медленно поворачиваться, чтобы распорядителя Игр видели все присутствующие.

— Избавившись от недостойных, мы, наконец, можем объявить: оставшимся девяти храбрецам присуждается статус КОРТАВИДА!

Садистский запал зрителей, направленный на только что затравленных юношей, тут же перетек в ликующие одобрительные вопли. Едва стоящие на барьере везунчики из последних сил потрясали мечами и громко кричали, прославляя Бхаддуар, королевскую чету и хозяина Казаросса — и их натужный ор подхватывали на всех трибунах.

Мысли путались. Бренн, который несколько минут назад был готов умереть, но уничтожить говнюка Косту, ощущал себя жалкой букашкой, над которой нависла подошва огромного тяжелого сапога... но в последний миг хозяин сапога вдруг передумал... Его не казнят — он не применял боевое оружие, а использовал лишь обломок рыбьей челюсти. Но иллюзий не было — он уцелел лишь благодаря яджу. Ни сил, ни выдержки, ни умений ему не хватило бы без разгоревшейся искры Жизнедателя. И сейчас здесь, среди везунчиков, стоял бы не он, а бледнокожий ублюдок Коста...

Однако пока он жив, и собирается остаться в этом состоянии как можно дольше. Осталось совсем немного до того момента, когда он вернется в дом на Вишневой улице — всего лишь вздрючить многорукого монстра из Абиссая. Всего лишь перегрызть ему глотку...

**Больше книг на сайте - [Knigoed.net](http://Knigoed.net)**